

КОРПОРАЦИЯ
ИНКОМ

www.incom.ru

РИЭЛТОРСКИЕ УСЛУГИ
ВСЕ ОПЕРАЦИИ С НЕДВИЖИМОСТЬЮ

363-10-10

НАРОДНАЯ МАРКА

ЛУЧШАЯ РИЭЛТОРСКАЯ КОМПАНИЯ*

ЛУЧШАЯ БРОКЕРСКАЯ КОМПАНИЯ
ПО ЗАГОРОДНОЙ НЕДВИЖИМОСТИ**

ДЕВЕЛОПМЕНТ
ЗАГОРОДНОЙ НЕДВИЖИМОСТИ

363-01-63

20 КОТТЕДЖНЫХ ПОСЕЛКОВ

МНОГОКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ
ПРЕМИИ «ПОСЕЛОК ГОДА»

ЭЛИТНЫЕ ЗАГОРОДНЫЕ ПОСЕЛКИ
VILLAGIO ESTATE

СМЕНА ФЕВРАЛЬ 2008

СМЕНА

Издается с 1924 г.

2' 2008

Алена ЯКОВЛЕВА

Страсть исключает любовь

Леонид АНДРЕЕВ

Ранее неизвестное

Евгений ВЕСНИК

«К свободе Русь не подросла»

Федор ВОЛКОВ

Первый секретный деловой
человек

Смена

08002

9 770131 665607

*Победитель в номинации «Признание года - лучшая брокерская компания» Первого регионального конкурса профессионального признания рынка недвижимости Москвы «Московские Звезды-2006», организованного Московской Гильдией Риэлторов.

**Победитель в номинации «Брокерская фирма по продаже коттеджных поселков» X Национального Конгресса по недвижимости, организованного Российской Гильдией Риэлторов.

№ 1720
издается с января 1924 года

Главный редактор:
Михаил Кизилов

Отдел журналистики:
Нина Чугунова,
Евгений Стецко,
Надежда Болгова,
Мария Жукова, Сона Тамамян

Литературный отдел:
Тамара Чичина,
Светлана Подорванова

Корректор: **Марина Силакова**

Использованы фотографии:
ИТАР-ТАСС

Оформление, верстка,
предпечатная подготовка:

ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

Генеральный директор:
Джемир Дегтяренко

Редакционный директор:
Нина Чугунова

Креативный директор:
Евгений Стецко

Издательский директор:
Дмитрий Мережко

Реклама: adv@smena-id.ru
Тел. (495) 257-3337

Распространение: sales@smena-id.ru
Тел. (495) 257-3137

Редакция: **127994, Москва,**
Бумажный пр-д, 19, стр. 2.
www.smena-id.ru

E-mail: jurnal@smena-id.ru
Тел. (495) 612-1507, факс 250-5928.

Печать: ООО «ИД «Медиа-Пресса».
127137, Москва, ул. Правды, д. 24.
Тираж – 87 000 экз. Зак. № 80146.

Учредитель – ООО «Издательский
дом журнала «Смена»

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской Федерации
по печати (Рег. № 014832).

Подписные индексы:
каталог «Роспечати» **70820**
каталог «Объединенный» **88998**
каталог «Почта России» **99406**

© ООО «Издательский
дом журнала «Смена»

Их – все меньше и меньше. С каждым годом, с каждым днем.

Тех, кто, побеждая, выжил или, выживая, победил. Тех, кто, как скромно говорят они сами, участвовал.

Они еще могут вспомнить и рассказать, а мы услышать и записать. Записать самое важное: маленькие, на первый взгляд, пустячные мелочи, эпизоды, «детальки и искорки памяти».

Именно благодаря этим мелочам, этой «жизненной реальной правде эпизода», такие произведения, как «Война и мир» Льва Толстого, «Тихий Дон» Михаила Шолохова, «Мертвым не больно» Василя Быкова, «Пастух и пастушка» Виктора Астафьева, «Живые и мертвые» Константина Симонова, «Горячий снег» Юрия Бондарева, «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, становятся явлением мирового уровня.

65 лет назад завершилась Сталинградская эпопея, одно из самых масштабных сражений Второй мировой войны, с которого Красная Армия начала свой путь на Запад.

И сегодня на страницах «Смены» о тех трагических и героических событиях рассказывают живые их участники.

Господи, как же обжигают и потрясают душу искренностью и жизненной правдой эти маленькие эпизоды той большой войны!..

Михаил Кизилов

РАПОРТ «СМЕНЫ»

4. Лицо с обложки.
Алена Яковлева

14. Последний дюйм.
Сталинград, Stalingrad...

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

28. Фотопроект «Просто люди».
Ледниковый период-2

40. Постоянство разума.
В поисках бесплодной истины

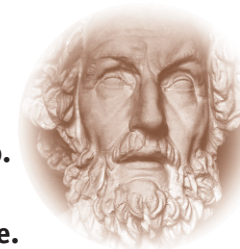
46. Наблюдательный совет.
Жизнь культурная и жизнь развлекательная

52. Интересное кино получается.
Сокровище нации

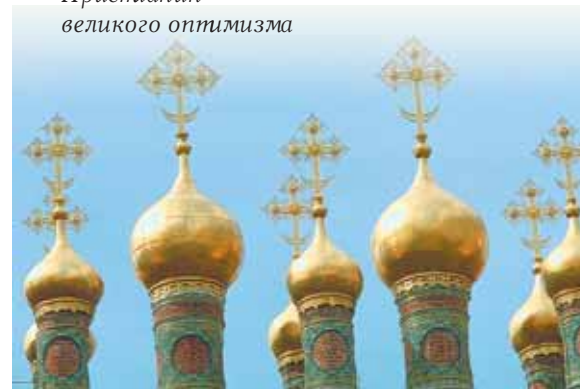

МИРА ЗДАНИЕ

58. Свобода от известного.
Гении — кто они?

66. Осведомленное сердце.
Христианин великого оптимизма

72. Странные вещи.
Загадка Базы-211, или Немцы в Антарктиде

ПЛАНЕТА UNLIMITED

80. Своёмыслие. *Студентв большом городе*

86. Голоса. *Фильтруйте звук, господа аудиалы!*

УСТРОЙСТВО ПРИШЕЛЬЦЕВ

88. Излучающие свет. *Детство Дольто*

ВЕЧЕРНЕЕ ЧТЕНИЕ

92. Наши публикации.
Леонид Андреев

106. Творец и женщина, другая. *Данте Габриэль Россетти и его трагическая муза*

118. Частное мнение.
Настоящие мужчины

122. Рассказ.
Позвольте тишине...

128. Издалека.
Первый секретный деловой человек

140. Душа и судьба.
Великий сказочник

146. Стиль жизни.
Любовь к деревянному фрианику

152. Детектив.
Дело о нижней юбке

188. Кроссворды

РАПОРТ «СМЕНЫ»
ЛИЦО С ОБЛОЖКИ

Алена Яковлева:

«Почему же сердце
на последнем месте, или
О кодексе чести и Маргарет Тэтчер»

Заслуженная артистка России. Прима Театра сатиры.
Закончила факультет журналистики МГУ
и театральное училище имени Б.Щукина в 1985 году.
Работает в Театре сатиры с 1985 года.

В ней есть редкий природный дар и трудолюбие, острый ум, красота и целеустремленность, благородство личности. Артистка широкого творческого диапазона, ей подвластна трагедия и комедия. Она раскрывает души своих героинь и заставляет зрителя любить их, будь то леди Чивли «Идеальный муж», Катерина Ивановна «Катерина Ивановна», Нина «Таланты и поклонники», Маргарита «Мастер и Маргарита», Маша «Хомо эректус», Мэри Смит «Слишком женатый таксист», Кори «Босиком по парку», Бьянка «Укрощение строптивой». Вскоре зрители увидят Алену Яковлеву в роли миледи, госпожи де Круаль, в премьерной картине Юнгвальда-Хилькевича «Возвращение мушкетеров, или Сокровища кардинала Мазарини».

– Алена, в чем особенность характера человека вашей профессии, какими обязательствами перед самим собой наделяет актера его профессия?

– Сила характера — неотъемлемая часть актерской профессии. Для меня слабость — это неподвластная роскошь и «нереализованное желание». В юности я была нерешительной и застенчивой. Сегодня меня без микрофона в театре слышат тысяча двести пятьдесят человек, а в начале учебы, в театральном училище, у меня выходила «двойка» по сценической речи — говорила я тихо, но за год все наверстала. Ощущение того, что надо быть сильной и к этому стремиться — я так себя сама запрограммировала.

Сила актрисы — не в стервозности. Должен быть внутри тебя стержень, жесткие принципиальные установки. Я никогда в жизни не шла на компромисс с совестью. Моя пятнадцатилетняя дочь снимается в кино, и вдруг один продюсер сказал ей, что, оказываясь, актриса должна уметь идти на компромисс. Мне это непонятно. Как точно сказала Маргарет Тэтчер: «Если женщина проявляет характер, то ее называют сукой, а если мужчина — то про не-

го говорят — отличный парень». Признаюсь, хочется расслабиться и положиться на сильное плечо,

Как дети могут быть другими, если им сутками, в сериалах, насаждают серые и пошлые истории любви?

но в моей жизни это всегда было невозможным.

В жизни надеюсь только на себя. Я не встречала сильных мужчин. Ко мне всегда тянулись слабые люди, наверное, понимая, что рядом со мной их слабость компенсируется... Сегодня, к сожалению, в мужчинах присутствует беспечный инфантилизм и нерешительность. Сильный человек никогда не позволит себе быть безответственным.

– На что для вас делится мир?

– На творчество и на моих близких. Я — человек открытый и воспринимаю жизнь во всей ее многогранности. Искренне радуюсь талантливым людям. Собираю кукол и дружила с ныне покойной Олиной Вентцель. Всегда приходила к ней, и атмосфера ее творчества меня потрясала. Какая она была яркая личность!

Сегодня меня пугает так называемая массовая культура — засилье бездарности и серости, она поглощает духовность, интеллигентность. Талант «выдувается» крайне редко, ему трудно пробиться. «Аншлаг», «Комеди клуб», КВН, «Кривое зеркало»... ну, какое-то невероятное количество «юмористов»! Такие, как Жванецкий, Задорнов рождаются раз в десять лет, Аркадий Райкин — он один был, а здесь — масса...

Все стало серенькое, а гамма — от мышиного до антрацитового. «Фабрика звезд» — от нее веет пустотой. В кино мало что радует. Вспомним фильм «Дом, в котором я живу» — там каждый персонаж — индивидуальность, и так во многих картинах тех лет.

А сегодня, увы, этого нет. Нравится проект «Ледниковый период», но так все нивелировано, так легко у них все получается и возникает вопрос: «Зачем же фигуристы десять лет учатся кататься?»

– А вы бы встали на коньки?

– Может быть, ради удовлетворения своих амбиций. Но проявление таланта в других меня радует, нравится смотреть, как катаются Марат Башаров и Чулпан Хаматова.

«Ледниковый период» — это лучше, чем «Комеди клуб».

– Почему в театре люди оплакивают судьбу Тристана и Изольды, а в жизни не берегут любовь?

– Мы приходим в зрительный зал, наблюдаем за действием со стороны, и оно отрывает нас от действительности, захватывает. В жизни люди стали черствее, прагматичней. Наши зачатки капитализма увели людей в другую сторону. Складывается впечатление, что все сконцентрировалось только на товарно-денежных отношениях.

РАПОРТ «СМЕНИ»

лицо с обложки

Я не ругаю наше время, а скорблю и сокрушаюсь оттого, что многое разрушено. Человек должен быть духовным, чтобы суметь пережить трудности. Без любви — невозможно. Но сегодня сердце человека почему-то на последнем месте.

Когда вижу всплески романтизма в отношениях среди молодежи — удивляюсь искренним чувствам, а ведь когда-то это было нормой!

Как дети могут быть другими, если им сутками, в сериалах, насаждают серые и пошлые истории любви? Как сохранить себя, если соблазн постоянно прививают?

В сериале одна подружка говорит другой: «Ой, какое он мне колечко подарил! Посмотри, полюбуйся!» Это, конечно, проще, чем самой заработать, ведь тогда трудиться надо.

У нас сегодня все «мельничко», и страстишки какие-то серые: я купил тебе шубку, или квартиру, а ты мне теперь должна. Стыдно и скучно.

Идет разрушение всего. Меня тошнит от ток-шоу и их историй! Он пошел в баню, а там у него... женщина. Везде — насаждение грязных историй.

Мне жаль молодежь. Ей трудно удержаться — организм еще слабый. Не все рождаются с генетически правильными установками, не у каждого есть сила характера. Не каждый устоит перед соблазном — вот что страшно!

— Соблазн разрушает или созидает человека?

— Соблазн — от дьявола и посылается людям как испытание. Сегодня вся жизнь соткана из соблазна, другой вопрос, как к этому относиться. Всегда стараюсь очень трезво все оценивать. Научила себя тому, чтобы хотелось только то-

го, что сама могу себе позволить. Никогда не хотела иметь ни миллионов, ни несметных сокровищ. Деньги — это дичайшее испытание. У меня есть украшения, приобретенные мною и подаренные, и мне этого достаточно. Одна приятельница сказала, что не спит по ночам, рыдает, если не может приобрести понравившееся ей кольцо. Этого я не понимаю. Знакомая дама всегда испытывала ощущение материальной неудовлетворенности, потом уехала в Америку, имеет виллу, самолет, и опять она недовольна жизнью. Несчастный человек! Она не понимает, что всегда

Сегодня меня пугает массовая культура — засилье бездарности и серости, она убивает духовность, интеллигентность

найдется тот, у кого таких благ еще больше, а все материальные соблазны — от дьявола. Материальный соблазн безграничен и порочен.

— А сами поддавались соблазну?

— Я — не святая. Бывали случаи. Куплю какую-нибудь вещь, а потом думаю, ну, зачем она мне? Столько денег потратила впустую. А что касается соблазна предать друзей ради достижения цели — это табу для меня. Завоевать мужчину подруги — тоже табу. Никогда! Этого не может быть, даже если он сам проявляет знаки внимания. У человека должен быть кодекс чести. Стараюсь жить так, чтобы не доставлять людям неприятностей. А если что-то делаю не так, то это плохо исключительно для меня.

— Отчего человек может предать?

— Все идет от беспечности и эгоизма. Что-то сделал потому, что

«так захотелось». Ради других ощущений, других впечатлений. Но отношения не вернешь. Никогда. Отвечай за свои поступки. Не переступай черту! Не подчиняйся соблазну. «Ой, а может ничего? Не пойти ли на компромисс?» Да нет никаких компромиссов! Не существует!

Многие пронизаны ощущением того, что сейчас они живут «начерно», а «набело» — еще поживут, все у них впереди. Когда это? В другой жизни?

Самое страшное, когда просыпаясь ночью и тебе стыдно за совершенные ошибки. Нужно научиться отделять главное от второстепенного. Главное — одно. Надо определиться. Жизнь проходит быстро.

— **Что такое страсть?**

— Человек в страсти занят только собой, своими ощущениями, переживаниями. Вспомним классику: отношения Кармен и Хозе. Это история мужского эгоизма и захвата. А сегодня и захват другого уровня. Имею много денег и «захватил» молодую, длинноногую. Неважно, что чувствуют люди, с которыми я прожил двадцать лет. Это мой захват, я добился! Реализация собственных амбиций. У мужчины и женщины должна быть Духовная Связь, они должны говорить на одном языке. Любить — это хотеть с кем-то состариться. Сегодня многие «живут в кредит», забывая о том, что момент расплаты настанет. У меня есть любимый спектакль — «Катерина Ивановна» в театре «МодернЪ», у Светланы Враговой. Сложнейшая роль — психологически и физически. Когда начинали его играть, то долго болела после. Постановка начинается с того, что мужчина стреляет в женщину, заподозрив ее в

измене, а в конце она сходит с ума. Вот, казалось бы, и вся история. Но какой уровень! Леонид Андреев! Гибель Женщины, гибель Красоты, гибель Мира в лице Катерины Ивановны... Главный герой — депутат Государственной думы начала XX века. Тоже происходит захват, но на другом уровне. После спектакля подходят зрители, и женщины говорят, что узнают себя в Катерине Ивановне. Достоинные женщины признаются, что вынуждены испытывать агрессию и захват в жизни.

Принято считать страсть высшим проявлением любви — это не

Сегодня многие «живут в кредит», забывая о том, что момент расплаты настанет

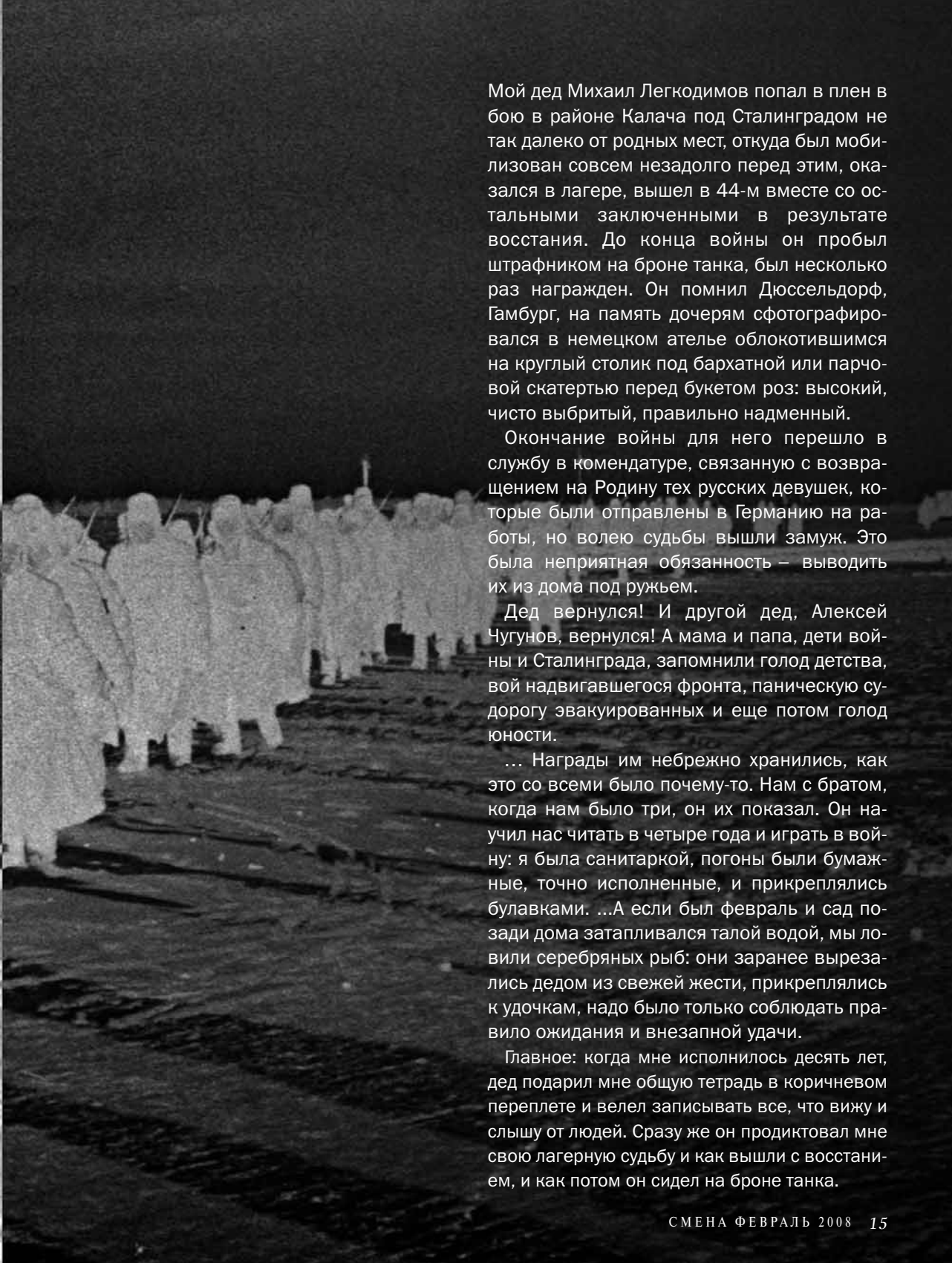
так. Страсть исключает Любовь. Страсть, как и соблазн и всякое наваждение — от дьявола. А Любовь — всегда от Бога.

— **Чем нужно жить — реальностью или мечтой?**

— Как можно жить без Мечты? Когда мечты заканчиваются — жизнь уходит. Гармония — это когда твои мечты совпадают с реальностью. Может, это недостижимо, но я всегда к этому стремлюсь. Я не ощущаю и не понимаю свой возраст. Реальная жизнь человека полна разочарований, нереализованных желаний, а в мечтах всегда все позитивно. Мечтать нужно до конца своих дней, но исходить из реальной жизни. Мне не свойственна безрассудная мечтательность. Отдаю себе отчет во многом и от реальной жизни получаю радость.

*Беседовала Елена Воробьева.
Фотографии Евгения Стецко*

65 Сталинград, *Stalingrad...*

Мой дед Михаил Легкодимов попал в плен в бою в районе Калача под Сталинградом не так далеко от родных мест, откуда был мобилизован совсем незадолго перед этим, оказался в лагере, вышел в 44-м вместе со остальными заключенными в результате восстания. До конца войны он пробыл штрафником на броне танка, был несколько раз награжден. Он помнил Дюссельдорф, Гамбург, на память дочерям сфотографировался в немецком ателье облокотившимся на круглый столик под бархатной или парчовой скатертью перед букетом роз: высокий, чисто выбритый, правильно надменный.

Окончание войны для него перешло в службу в комендатуре, связанную с возвращением на Родину тех русских девушек, которые были отправлены в Германию на работы, но волею судьбы вышли замуж. Это была неприятная обязанность — выводить их из дома под ружьем.

Дед вернулся! И другой дед, Алексей Чугунов, вернулся! А мама и папа, дети войны и Сталинграда, запомнили голод детства, вой надвигавшегося фронта, паническую суету эвакуированных и еще потом голод юности.

... Награды им небрежно хранились, как это со всеми было почему-то. Нам с братом, когда нам было три, он их показал. Он научил нас читать в четыре года и играть в войну: я была санитаркой, погоны были бумажные, точно исполненные, и прикреплялись булавками. ...А если был февраль и сад позади дома затапливался талой водой, мы ловили серебряных рыб: они заранее вырезались дедом из свежей жести, прикреплялись к удочкам, надо было только соблюдать правило ожидания и внезапной удачи.

Главное: когда мне исполнилось десять лет, дед подарил мне общую тетрадь в коричневом переплете и велел записывать все, что вижу и слышу от людей. Сразу же он продиктовал мне свою лагерную судьбу и как вышли с восстанием, и как потом он сидел на броне танка.

«А однажды, уже Победа была вот-вот, был пленен немец, и ребята-танкисты говорят: а давайте его гусеницами разведем!» Дед, как смог, спас немца: он завел его в овраг и расстрелял. «Ребята, вот в чем дело, уж очень завелись». Эта тетрадка определила мою профессию и жизнь.

Правда, поначалу я слишком ответственно подошла к заданию: решила, что без меня никто не сочтет и не запомнит космонавтов, а со временем они забудутся. И стала записывать вслед за радио. А ведь обошлись без меня, и никто не забылся. Или забылся? Надо было продолжать записи?

Зачем записывать слово в слово то, что вспоминают и чувствуют обыкновенные люди, научившиеся за свою жизнь видеть и помнить КАК БЫЛО? Затем, что это единственный документ, прямо совпадающий с жизнью.

Если этого не делать, потом останется вместо лиц и слов ворох испорченной бумаги: доклады или, например, кто-то известный в одном белье.

Почему нельзя исправлять чужие слова, добавлять свои?

Потому, что это физически невозможно. Документ испаряется под руками.

А это мой дед, и он сам мне это рассказал! В его душу, кроме невыносимостей войны, запал и ее юмор. И также то, что можно назвать светом Европы. Комиссаров меня и тогда не победил: все было напечатано, как было сказано, и еще я приписала: мой дед жив!.. — успев это написать.

«...Уже еды было вдоволь. А меня поставили помощником повара полка. Повар говорит: ну, чем бы полк угостить, порадовать? Давай, Михаил, напечем на весь полк гренков? Это хлеб в яйцо обмакивается и кладется на шипящее сливочное масло...» Почему же это не смешно? Вы полк себе количественно представляете? Столько намакать хлеба? Или: он зашел в Венгрии в «их разбомбленную школу изящных искусств». Там были гипсовые бюсты, разбросанные мольберты. Почему он это запомнил?

Парень из-под Житкура Сталинградской области, которого не допустили на курсы трактористов, потому что дальних родственников на Алтае раскулачили, а слово «подкулачник» было серьезное слово! С войны он вернулся образованным человеком: все знал, все чувствовал и понимал. Как я рада, что его судьба не поставила на его жизни точку под Сталинградом. Дочь его, голодный военный ребенок, конечно же, вышла бы замуж и все равно родила бы девочку и мальчика. Но меня бы точно не было: без деда.

Другой дед ничего мне не рассказывал, и это, видимо, моя вина.

Читайте о Сталинграде, учите о Сталинграде. Обратитесь к достоверным книгам. Без Сталинграда «народ не полный», как написал Андрей Платонов о своем герое Пухове, любившем «подмечать мерзости революции».

Вот две бесценных судьбы в самом начале судьбы и юности и два сталинградских полюса: самое начало и самый конец. В обеих судьбах Сталинград как будто ставит точку. А впереди оказалась целая жизнь. Старший лейтенант Виктор Иванович Вовк прошел через лагеря, попытку бегства. Его били: спина была в засохших ранах. Он умирал от голода, видел предательство и узнал милосердие обыкновенных чужих ему людей. Потом вернулся и долго и верно служил на Тайшете. А Мария Михайловна Рохлина прошла через всю войну санинструктором. О них можно писать целые книги.

Слушайте о Сталинграде.

И пусть мысли при этом будут у каждого свои.

Н.Ч.

... Нас собрали в школе, чтобы вручить аттестаты, как вдруг вбегает кто-то и кричит, что всех собирают на площади, мы ринулись на площадь, потом в военкомат и аттестаты в этот день так и не получили. Приближение войны давно чувствовалось, нас готовили к войне: у многих были значки «Готов к войне и обороне», «Готов к санитарной обороне». У меня было два парашютных прыжка до войны. Нас в военкомате не взяли. На третий день войны мне пришла телефонограмма явиться на станцию Софиевка под Киевом... я ведь поступала в Харьковский авиационный институт. Тогда был клич «Комсомолец, на самолет!» Я бредила небом и очень хорошо училась. И директор школы на зимние каникулы в сорок первом году возил нас троих отличников в институт на собеседование. Но на медицинской комиссии мне сказали, что я очень маленькая, надо подрасти и поправиться (во мне было 38 килограммов). «А сейчас, если хотите, на инженерный факультет. Зато вы будете знать весь самолет!» И меня зачислили, а потом по списку поступивших вызвали на оборонные работы в Софиевку, так я попала на фронт: на станции Софиевка нас разбомбило. Бомбежка была жуткая: на станции было много составов, много горючего, снарядов, бомб, — все горело. Был июнь. Все кричали: санитарку, санитарку! Больше всего рядом было танкистов, и с этой танковой бригадой я пошла дальше. Командиром был генерал-майор Сафонов, герой Испании. Я просто пристала к ним. На Дону во время переправы на пароме нас разбомбило. На пароме были такие столбы, между ними веревочки для ограничения. Возле одного столба я

и пристроилась, обняв его. В паром попала бомба, танк и всех, кто там был, разметало. Бревно меня спасло: видимо, я еще крепче за него схватилась, я поплыла вниз по течению, и меня выловили другие части. Этого я не помню. Потом отвезли меня в госпиталь в город Дубовка под Сталинградом. Нас было две девочки, остальные — мужики, мы лежали за ширмой. Сестра госпиталя, зав. аптекой Фира сказала нам: хотите посмотреть Сталинград, поехали, поможете получить в аптекоуправлении бактериофаг, а обратно вернемся на речном трамвайчике! Мы рано поехали, в четыре утра. Это было 23 августа... Мы ходили по городу, я видела этих знаменитых пионеров, не разбитых еще, мы спускались по знаменитой лестнице... Город мне не понравился. Очень много оврагов, над ними — частные дома, и все нечистоты сваливаются в овраги. Меня это шокировало. Но центр был красив. Потом мы пошли в кино где-то в центре... вышли: вдруг начал дрожать воздух. Задрожала земля, начался страшный гул и «Граждане, воздушная тревога!» Мы побежали — начался вой, мы почувствовали, что летит бомба. Мы не смогли добежать до бомбоубежища и прыгнули в щель: Шура, Фира и я, сверху тоже попрыгали на нас, я подумала: это хорошо, если попадет, то в него. Это было то знаменитое 23 августа: ОН бомбил планомерно, квадратами, непрерывно, каруселью: одна волна уходила, приходила другая. Все выло: мало бомбы бросали, ОН еще что делал: бросали пустые бочки, просверленные во многих местах. Эти бочки издают жуткий вой. Мне кажется, что страшнее ЭТОГО ничего нет.

Когда мы почувствовали, что бомбежка переместилась южнее, мы стали выползать. Сильно пахло тротилом. От дома ничего не было. Мы стали выбираться из города. Фира говорит: ни о каком трамвайчике не может быть и речи. Мы шли берегом. Берег был очень крутой. Мы пошли через Песковатку, Орловку... пришли в Дубовку, а там выписывают и всем почти дают направление в Сталинград. В Сталинграде ведь ВОЙСК НЕ БЫЛО. Войска были на Дону, под Калачом, в Суровикино, в Котельниково. Но не в Сталинграде. И первый бой принял капитан Орлов, сейчас он генерал-лейтенант: он накануне прибыл в Сталинград на ремонт танков своей роты...

Я попала в Сталинград на десятый день: еще можно было попасть по дороге. После госпиталя многих направляли в другие части: но всем же хотелось к своим. В районе тракторного завода на заводском стадионе (теперь там рынок) я нашла своих. Но нас стали немцы теснить и теснить, сначала мы оказались в заводууправлении, потом нас потеснили в цех... единственный цех тракторного, который ОНИ не смогли взять (на «Красном Октябре» удержались три цеха). Это был, наверное, сентябрь сорок второго... немцы купались в Волге. ... Морозы в тот год начались рано... почему мне говорят, что позже? Я помню и даже настаиваю, что морозы начались до 7 ноября.

Очень быстро стала Волга. В конце октября берега уже замерзли, и только посредине двигалась вода и так называемое «сало», ледяное крошево.

Тяжело ранен был командир танковой роты, фамилию не помню. Его надо было переправить в

«Я помню и даже настаиваю...»

На заре туманной юности
Маруси Коваль.

*Запись рассказа Марии Михайловны
Рохлиной сделана 8 января 2008 г.*

госпиталь, а госпитали находились на другом берегу, здесь только медсанбаты. Ну, вроде Волга замерзшая, но как: катера уже не ходили, а машины еще не ходили. Немец Волгу обстреливал. И вот: командир бригады выстроил всех медиков (девчонок было человек десять, остальные — мужчины): нужны добровольцы перетянуть через Волгу тяжелораненого командира. Я шагнула вперед, за мной еще девчонка, тоже Маруся. Больше никто. «Хорошо, этого хватит». Окутали его, привязали к двум лыжам, а мы тянули за лямки. Волга сейчас широкая, тогда, теперь понимаю, была гораздо уже. Мне же тогда казалось, что Волга — море. Во-первых, когда идешь по льду... я больше никогда в жизни не ступала на лед, даже лужи, когда они замерзшие, я обхожу. Так я теперь боюсь льда. А тогда мы не боялись. Мы только проклинали беспомощность, в которой оказались. Он такой был тяжеленный! До середины Волги еще более-менее дошли, а потом надо было переходить с льдины на льдину... мы дошли, стало темнеть, мы услышали крики с другого берега, подбежали мальчишки и помогли. Я очень долго об этом старалась не вспоминать. Волга снова пошла. «Девчонки, оставайтесь», — но мы пошли обратно: нам же надо было доложить. Местные жители нам дали сляги — это деревца без ветвей, на которые можно было бы опереться, если провалишься... и вот тут-то мы поминали этих людей добром: когда мы тащили раненого, мы ни разу не провалились, не обмочили его ледяной водой. А тут мы проваливались три раза. Сляги-то держат! А так бы — всё.

Нас уже не ждали, но были обрдованы, и командир бригады тут

же вытащил из сейфа две медали «За боевые заслуги» и вручил нам с Марусей. У него было такое право.

Я Марусю больше не встречала. Почему мы не обменялись адресами?

Это самая маленькая боевая медаль.

Рек у меня было много. Я переправляла раненого через Днепр, гребла руками... но это уже другая история. Днепр... мы там и тоннули, чудом спаслись недалеко от порогов. За тот Днепр я получила выговор, потому что не знала, куда девала раненого. Но он меня через сорок лет нашел. Но это другая история.

Сталинград: мы там встречали Новый, 43-й год. Мы шикарно встречали Новый год! Мы узнали о наступлении под Сталинградом по гулу. Потом оказалось, что и мы, и немцы оказались в окружении... там оставалась кромка окопов.

Можно сказать, пировали: немцы сбрасывали своим продукты, а разведчики разнохали и перехватывали.

Это был один из ремонтных цехов. Там были такие круглые... не знаю, как называются: на них ставились тракторы, а люди внизу их ремонтировали. Как? Стапели? Может быть. Похоже на огромные чаны. Вот в них мы и находились.

Рядом немцы — а танки ремонтировали. Подступали немцы — они сражались. Приходил подбитый танк — ремонтировали. Танки находились по-над стенами, маневрировать в цехе было негде. Я — из уникального поколения. Такого больше в мире не будет никогда. Мы так любили Родину! Я была пионеркой, комсомолкой. Всю жизнь с первого класса у меня были общественные поручения. В первом классе, только при-

шла, меня выбрали санитаркой проверять руки и уши. Мой папа был комиссар. Я пришла домой, папа говорит: запомни раз и навсегда: сама никогда ничего не делай. Тебя выбрали санитаркой — назначь ответственных, собери актив. Сколько рядов в классе — столько ответственных за чистоту. Они, а не ты, должны проверять. А ты должна, собрав сведения, докладывать.

... Мы были очень тепло одеты. С продуктами было неважно, кормили нас, в основном, неочищенным пшеном, сваренным с селедкой: пожиже — суп, погуще — каша. У нас были ватные брюки, фуфайки, меховые жилеты, подшлемники, тулупы, меховые шапки и меховые трехпалые рукавицы. А на ноги — войлочные портянки и валенки. Но на мою ногу валенок не было, и я засовывала в них ноги прямо с сапогами. И однако морозы были такие, что ноги примерзали к портянкам, портянки к сапогам, и все это еще и примерзало к валенкам...

И вот где-то в последних числах января (мы уже знали, что Паулюс сдался, но северная группа генерала Штрекера не сдавалась, он объявил Паулюса предателем, Штрекер сдался только второго февраля) был очень сильный бой. Бой начинали мы: мы попытались выбить немцев с тракторного завода. Но у нас ничего не получилось. Были убитые, раненые. Много убитых немцев. Они оказывали уже очень слабое сопротивление, потому что были очень плохо одеты. Как можно было не предвидеть такой зимы! Шел уже сорок третий год! Эти тоненькие пилоточки... Наши шинели валяные, войлочные, а у них — суконные.

Тогда от бригады оставалось у нас пять танков. Говорят, своим

ходом потом из цеха вышло три танка. Но я этого не видела. В тех последних числах января, когда шли тяжелые бои и было много раненых, я легла среди убитых немцев и уснула. От усталости, от недосыпания. От того, что вот все и заканчивается. Расслабляться все же нельзя. Чем и объясняется феномен войны. Ведь никто не болен ни гриппом, ни воспалением легких! А ведь мы же постоянно находились на улице! Негде было обогреться. Там, внутри этих стапелей, мы жгли ветошь, дров не было, там и грелись, там и спали.

Почему так со мной получилось? Я вам скажу: ума было мало. Девчонка молодая, с трудностями не сталкивалась, выросла в обеспеченной семье военного.

Я легла на трупы немецкие. Они были еще теплые, и мне показалось правильно лечь на них: посплю немного.

Трупы остыли и я вместе с ними.

Днем трупы стала собирать похоронная команда. Война — это тоже работа, хотя и страшная, и у каждого — свои обязанности. Я была санинструктором санитарного взвода. Хоронить убитых была не моя обязанность. И похоронная

бригада не всегда хоронила: не было передышки в боях, и тогда просто засыпали тела в воронках.

Они же собирали с убитых теплые вещи.

С меня сняли теплые вещи: очень хороший полушубок и меховой жилет. А когда стали снимать фуфайку и брюки, поняли, что я еще жива.

Меня занесли в санчасть в подвале и растерли спиртом.

Только через тридцать лет я встретила с тем, кто меня спас. Он подошел ко мне и сказал: «А знаешь, это мы с Василенко тебя спасли. Мы тебя растирали спиртом. Жалко было спирта!»

А потом я попала в госпиталь в Дубовке, и я там лежала очень долго: от переохлаждения отказали почки... потом в сорок четвертом мне еще отбило почки, но это уже другая история.

Мне не было восемнадцати лет, а мне дали вторую группу инвалидности.

Я оделась и ушла из госпиталя самовольно, без документов.

Идут войска — и я рядом иду. Это двигалась в белгородском направлении 95-я гвардейская танковая дивизия, получившая звание гвардейской за Сталинград.

Я попала в поток, который шел на Курскую дугу.

P.S. ... 12 января 1945 года русские бойцы пошли в наступление. На второй день сражений наш отряд начал нести потери: раненые, тяжелораненые... Всех тяжелораненых (18 человек) мы собрали в одном из оставленных немецких блиндажей. Я осталась с ними, дожидаться, когда за ними приедут, остальные ушли вперед.

Внезапно немцы стали прорываться, наши отступили, и наш блиндаж с ранеными оказался под перекрестным огнем: с одной стороны — немцы, с другой — русские. Выбраться мы не могли.

Неожиданная оккупация продолжалась три дня. В блиндаже не было ни еды, ни воды (я палкой собирала снег с краев блиндажа и, растапливая его в руках, смачивала раненых губы), ни медикаментов... Лишь большой ящик сигарет, которые я непрерывно прикуривала для раненых. С тех пор я не могу находиться даже в одной комнате с курящими.

На третий день русские снова пошли в наступление и прорвались к нашему блиндажу. Первый, кто вошел сюда, был мой будущий муж.

За мной ухаживали два старших лейтенанта. Они оба мне нравились, но предпочтений я не делала. Как выведет.

И вот в блиндаж зашел один из этих лейтенантов. Я была вся мокрая, растрепанная, руки грязные, все в крови... А он начал мне руки целовать. Потом обнял меня: «Выходи за меня замуж». Я, не раздумывая, сказала «да».

До этого момента я обращалась к нему по званию: товарищ старший лейтенант. Я почему-то думала, что его зовут Саша, и долгое время называла его этим именем. Однажды он спросил, почему я зову его Саша. Я удивилась: а как же еще? Лишь тогда он сказал, что он Иван. После этого я не могла назвать его никаким именем, и он сказал: «Знаешь, пусть я буду для тебя Сашей»...

Он всегда дарил мне цветы. Даже на фронте: одуванчик, василек, необычную веточку — всегда. А после войны каждый день приносил букеты: любимые мною ландыши, белую сирень и розы...

«Бомбили нас, бомбили...»

Начало одиссеи
старшего лейтенанта Вовка.

*Запись рассказа Виктора Ивановича Вовка
сделана 6 января 2008 г.*

... Под конец десятого класса стало так: увижу военного (каждое воскресенье в нашем большом селе был базар) — в петлицах пулеметы — и мне бы такое! И вот нас два друга пошли 29 километров до военкомата узнать, как поступить в училище, и обратно вернулись за день. Потом ждали, потом посыльный принес бумажку: явиться для отправки в Киев. Я в школе хорошо учился и здесь экзаменов не сдавал, прошел медкомиссию и мандатную.

Дали месяц отпуска. Я поехал домой, прошел 17 километров от станции и постучал в ночное окно. «Витьки голос», — сказала мать. Я вошел и предъявил удостоверение курсанта. «Мать, к нам командир приехал!»

Прошел год, и нас поменяли: украинцев — в Ленинград. Под конец курса пошел на вокзал узнавать, когда поезд домой. Взял эскимо на палочке. Гляжу — Серега, одноклассник, он поступил в авиатехническое. Поехали домой вдвоем и решили по-русски не говорить дома, не что-

кать, чтоб не подумали, что хвастаем, не осудили. Форма у меня была выходная, шитая по меркам, а на петлицах — крылышки, стрелы и буквы ЛУС: ленинградское училище связи.

Я окончил училище по первому разряду и попросился в киевский округ поближе к дому. Приехал. Начальство: вон твой взвод идет. Я за ними, подошел к замкомвзвода Дурневу и представился. Они при мне открывают аппарат японский времен первой мировой войны — а мы же изучали все новое! Я нашелся:

— Козлов, докладывайте, это что за кнопка!

Они подумали, что я их проверяю.

... В начале 40-го некоторых командиров отправили на переподготовку, и они писали: сгущаются тучи (про войну говорить открыто было нельзя). Вскоре стоим в Днепропетровске. «Готовиться к маневрам!» Выдали вооружение и комплект боеприпасов: солдатам по 30 патронов. Погрузились, едем: станция Котовск Донецкой области. На второй день похода вышли к берегу и по огородам — к Днестру. Я все думал: как это так, по огородам? Потом спросил людей, они сказали, что им заплатили за огороды.

Приказ: закопаться: самим, машины и лошадей.

А там — румыны. Утром приказ: с 4 до 6 — артподготовка, в шесть — форсировать Днестр.

Мы купались в бане, подшили воротнички. Полшестого ко мне подходит сержант Дойчев: товарищ лейтенант, румыны отдают Бессарабию.

— Ты что, нельзя разглашать!

— Я же только вам.

Никакой артподготовки. Низко-низко пролетели тупоносенькие яки. Строим переправу. Без выстрела переправляемся. Приказ: при встрече с румынскими солдатами отпускать их домой. Я тогда впервые увидел наш танк КВ. Он — громадный, громоздкий. Как дом.

И я тогда подумал: вот какие мы!

Не дошли до Кишинева — приказ возвращаться, и мы назад пешком, а эшелоны с боеприпасами обгоняют нас. В сутки проходили 40 километров. Как привал, все падают, и есть не хочется. А потом стало бодрее. А потом оркестр нас встречает и люди с цветами... как победителей?

Не знаю...

До зимы — там. А потом — в Кривой Рог. Перед нами из военного городка части ушли на войну. Склады были завалены амуницией, седлами. Только ничего из боеприпасов.

Приказ: от населения забрать все радиоприемники, чтоб не слушали. Но каков патриотизм: как-то иду, две женщины: товарищ лейтенант, проверьте у вон того документы: подозрительный. А потом так близко подошли немцы, что в городе открыли все продовольственные и винные склады (готовили город к сдаче).

Нам же не хватало даже бутылок с горючей смесью. Приказ: самостоятельно переправляемся через Днепр. Тогда я впервые увидел воздушный бой одного нашего ястребка. И его сбили. Мы переправились и стали отступать. И так мы отступали, отступали... Два раза ночью была высадка десанта... так нам досталось несколько кинжалов.

Доотступались до того, что на одной из станций сели в поезд и приехали аж в Богоруслан, под Иркутском. Так началась зима 41-го. Там все началось... Я уже был начальник связи полка, и попадаю в Стерлитамак, Башкирская республика, там должна была формироваться воздушно-десантная бригада. Добавлю: в Богоруслане меня два раза столкнули с парашютом с кукурузника с заплющенными глазами: я открыл: не я летел вниз — земля вся летела вверх на меня.

А потом — да, вот и вся подготовка — несформированную бригаду расформировали, и я попадаю со своими же лейтенантами снова в Богоруслан и оттуда с ними же (начштаба зазвал к себе и сказал, что я теперь ст. лейтенант) теперь едем в Соль-Елецк, с Соль-Елецка — под Сталинград, но не переправляемся через Волгу, а разместились в палатках по оврагам (там был еще женский прожекторный батальон). Командиром дивизии был Аверин, он пока оставался с ромбами, хотя генеральское звание уже было введено. 1.04.42 были под Сталинградом, по записи в военном билете. О войне знали... ничего. Никто не информировал. (А на фронт рвались, потому что голодные были. Бывало, наешься, а потом три дня не доставляют пищи. А еще в Соль-Елецке выдавали 50 г сахару в неделю: высыплют чарочку в ладонь — съел и пошел.)

С апреля по май сидим в яру. Не вооружены! Ждем вооружения!

В июне получаем вооружение: солдатам карабин (винтовка укороченная) + 5 патронов.

«С каждого патрона убей десять немцев!»

Как быть офицеру? Мне?

Офицеров — 13 человек и 3 пистолета. Комвзводов и рот были без оружия!

Ведь первые, кто прошел мобилизацию, те получили вооружение. Запасы остались на западной границе. Другие уже получали с заводов, которые нужно было сначала эвакуировать, запустить... эти пистолеты, спешно отправляемые в войска, было гадко брать в руки: деревянные панели непокрашенные, в карабинах — непокрашенные ложки.

Ждем одновременно: вооружения и отправки на фронт. Где там учиться!

И вот перевозят через Волгу и Дон две армии: 62-я Чуйкова и 64-я наша, Лопатина. Сначала-то нами командовал Колпакчи: он возражал против той местности, где надлежало держать оборону. Он хотел на левой стороне Дона, а нас поставили на правую, чтобы нам некуда было отступать. Колпакчи был горячий, по отзывам Сталина, где-то я потом читал. Я это знал, потому что мне приходилось с ним общаться.

Донецкие степи, как и волжские — овраги и больше ничего. А для нас оказалась лесополоса небольшая с молоденькими деревьями... Штаб — в Калаче на левом берегу. Одно время я еще исполнял должность офицера связи. Был другой офицер, но его полторку разбомбили, сожгли,

он остался жив, но судьба его не известна: им остались недовольны. К нам тогда попадали из харьковского окружения. Приводят одного: техник-лейтенант. Он мне рассказывает: я старался к своим добраться, а мне говорят: где твоя часть? Из штаба выскакивает начальник политотдела Москвин или Москаленко: ты чего с ним разговариваешь! — забрал документы, унес. Какая его судьба, неизвестно.

И начали нас бомбить. С июля. По 2 раза в сутки. Лошади были побиты все. Разбили радиостанцию: она стояла в карете хорошей: я вернулся из штаба, увидел на поле несколько наших танков. Дальше поехал — лошади лежат, радисты лежат, прикрытые плащ-палаткой. Я открыл: у одного полголовы срезано. Я проверил, есть ли солдатские медальоны. Нет. Значит, уже забрали, как положено.

А раз — какого числа, не помню, — дают мне пакет, как в песне, «вези скорей на почту», и я на полуторке из хоззвезда, которую видно вокруг на несколько километров, поехал. Возвращаемся, перебрались через переправу, тут какой-то ручеек. Я говорю водителю: давай, искупаемся, вшей погоняем. А вшей было на нас больше, чем муравьев в муравейнике. Это когда еще придет «крематорий» (так называли машину для прокалывания вещей). Только разделись — летит немецкий самолет, видим: внизу по-над оврагом, низко циркает наш кукурузник. Я подумал: тренируется? А потом вспышка: стреляют из немецкого. А наш попрыгал и ткнулся в землю, пыль поднялась столбом. А тот, немецкий, христатый весь, набрал высоту и полетел в сторону фронта.

Чистое поле. У шофера ничего, у меня пистолет. Подъехали. Я иду и думаю: почтовый самолет? Другая мысль: а может, начальство, а может, ловушка и прощай? Подхожу метров на 7. Издали видно две головы: впереди в защитной форме, а на втором сиденье в белой рубашке.

— Я — генерал армии Чуйков!

— Я вижу, — сказал я.

У Чуйкова ссадина на лбу (видимо, когда снимал форму, ударился). Сели мы в кузов нашей полуторки, и они один спереду другого рассказывают. Летчик говорил: я кружился до лесополосы. А Василий Иванович говорил о немце: он меня, подлец, узнал сверху и по мне именно стрелял. Говорит, дай мне машину, я потом об этом сообщу в вашу дивизию, объясню.

Я говорю: не могу, у меня на руках — приказ штаба армии. Добрались. Я часовому мой мандат, который у меня был, об оказании всяческого содействия. Кого-то гукнули, тот вынес спирту, воблу, выпили по 50 грамм. Чуйков поблагодарил меня. На второй день снова еду в штаб и докладываю своему начальнику. Тот связался с кем-то из своего начальства и говорит: ну, Василий Иванович портки сменил?

Бомбили нас, бомбили.

А ведь это для государства было важно задержать наступление на день-два, а для человека не это важно... Наша армия — на правом берегу Дона, а Чуйков — меж Доном и Волгой... Один раз привезли «Катюшу», напугали немцев на неделю: шшших-шшшиххх, — накрыли брезентом и смылись, прятали их тогда, немцы за ними охотились, больше я ее не видел. Продержались неделю, передают: танковая немецкая лавина. Наших орудийных выстрелов нет. Начали эвакуиро-

вать документы. Шло начало сентября. Комбатальона Власов говорит: поезжай и ты. Я посчитал, что это — бег. И остался на месте. Часов в пять показались 2 немецких танка прямо перед штабом дивизии, очередь засыпала мне сапоги песком, я — кубарем вниз. Забегаю в штаб: писарь, но не живой, застрелился. Начштаба говорит: нам дождаться темноты и уходить в тыл. Дождались темноты. Разделились на несколько групп: связисты, с хозроты люди, транспортники и штабработники дивизии. Идем, темно. Сзади нас — немецкие танки. Они проезжают по 3-4 человека на танке, разговор... И вот: я лежу и пистолет у виска держу. Политрук транспортной роты шепчет мне: с такой ватагой мы совсем пропадем. А у меня в голове тот харьковский окруженец, и отвечаю: нет, не будем отчаливать. Но он как-то отчалил и смылся. Дошли до медсанчасти: палатки повалены, бинты валяются, никого нет. Дальше идем: полевой стан или жилье близко: огурцы навалены. Поели. Рассвет. Подошли к оврагу, замаскировались от самолетов. Переждали день.

Стемнело. Слышим два выстрела, вскочил: начальник политотдела застрелился и застрелился капитан медицинской службы... Каждый думал по-своему. Идем же к удаву в пасть. Слева поверх оврага идут 2 танка, а по дороге броневые машины с солдатами... и как поднялось! Крики: братцы, помогите.

Я лег навзничь и почувствовал, что-то заболело в ноге.

Все утихло. Слышу, немец толкает меня сапогом: комиссар? Слышу русскую речь: нет, это офицер, выходи на дорогу. Смотрю, наш обыкновенный русский солдат, а уже с ними. Я встал, в ноге защипало-защипало, увидел штаны в крови, часть осколка торчит из ноги поверх колена. Я сумел осколок выдернуть, стал шкандылять, знал, что если не пойду, добьют.

Привели в хуторок, а там несколько тысяч нашего брата солдат. Подходит немец с термосом, у него подошва оторвалась, и он велит мне разуться, и я остался босый с парой портянок в руках. Подходит наш и говорит: сбрасывай гимнастерку, она тебе больше не понадобится.

... Я остался босый в окровавленных штанах и в нательной рубашке.

*Беседовали: Нина Чугунова, Евгений Стецко.
Фото: Евгений Стецко*

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

ФОТОПРОЕКТ «ПРОСТО ЛЮДИ»

Лужниковый период-2

Авторский проект Евгения Стецко

Замечаю: любой, захвативший жизнью шестидесятые, на вопрос о катке откликается, как на зов. «...Пролет метро над Лужниками уже открывал тот мир, весь в электрическом огне. Я спускалась из метро вниз, оставляя за собой полумертвое сияние метро, и бежала туда, где был каток, дорожки заливали вокруг чаши стадиона. Я бежала, и мурашки озноба охватывали меня». «...а у меня была юбочка плиссированная. Юбочка плиссированная для катка! Специальная!..» «На катке нельзя было человека ударить. На каток приходили отличники, которых лупили двоечники, и двоечники, которых ненавидели отличники, — и катались. Там катались бабушки. Папы и мамы. Дома хранились фото-

графии: папа с мамой на катке, когда они еще не были женаты».

А один ученый сообщил мне, что каток угадывает какую-то физиологическую потребность человека лететь по гладкому льду.

Почему все эти годы была такая ностальгия по катку?

Фигурное катание и было той линзой, через которую мы стали смотреть на мир, воображая самих себя катающимися под гром, под стон аплодисментов, весь мир воображая прилипшим к экрану. Из этого времени вышли девочки и мальчики удивительной породы. Теперь они прожили достаточно лет, но каток из их душ не вытравишь ничем. Об их упрямстве можно писать научные книги!

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

— просто люди

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

~ просто люди

Не может быть, чтоб жизнь так зависела от пустяков и будничных дел. А вот же! Каток вернулся. Это сделал тот же самый телевизор, что выплеснул на всю страну всемирный праздник фигурного катания в шестидесятые. В 2006 году два центральных канала сделали ледовые проекты с участием звезд и профессиональных фигуристов. И — произошло, случилось.

Оторвавшись от экрана, мы заметили, как долго длится зима. Как

жаль, когда нет снега. Как хорошо взять и поехать с ребенком в Парк Культуры, в Сокольники...

Коньковый бум! Москва и Питер, Нижневартовск и Ангарск, Казань, Челябинск, Новосибирск, Тверь... да вся страна огромная встала на коньки. Одни катаются исключительно для души, другие втягиваются и начинают участвовать в полупрофессиональных соревнованиях. До сих пор можно найти бесплатные катки на открытом воздухе.

Н.Ч.

В поисках бесплодной ИСТИНЫ

Народный артист СССР, член трех творческих Союзов, актер и режиссер, автор сценариев для радио и телевидения и тринадцати книг, одна из которых – «Дарю, что помню» – переиздается уже в пятый раз.

В жизни это очень бескомпромиссный, талантливый и остроумный человек, полный жизнелюбия, искрометного юмора, порой грустный, порой по-детски трогательный, но всегда пытающийся постичь смысл нашего бытия и окружающего мира.

Своими мыслями о поисках этой абсолютной истины, об искусстве и современном театре, да и вообще о жизни делится с нами блистательный актер, режиссер и писатель Евгений Яковлевич ВЕСНИК.

– Евгений Яковлевич, что вы думаете о сегодняшнем дне? Как относитесь к понятию «О, времена, о, нравы!»...

– У Соломона есть такая мысль: время не проходит, оно стоит на месте, проходит человек.

Мне кажется, человек в любые времена имеет одни и те же качества, которыми его наделила природа. Скажем, он не может со временем стать слоном или ромашкой. Но в разное время меняются качества его поведения, и это зависит от многих факторов, так называе-

мого «соуса», в виде среды и обстоятельств, окружающих человека. Конечно, это имеет отношение не ко всем людям, не к тем, кто является личностью и живет своим умом.

Глубоко убежден, что прав был Антон Павлович Чехов: «Поменьше читай газет, побольше вникай». Кто вникает, тот не поддается чужому мнению и развивает свое сознание. Люблю русского писателя и философа Василия Розанова, его афоризм «Беги толпы» я взял за основу в жизни. Все самое плохое происходит от вибрации толпы. Умные люди, не называю фамилий, их много, говорят: «Чувствуешь, что идешь за большинством, – меняй позицию».

Вот это гениально!

Конечно, время меняет поведение человека. Но сама жизнь может меняться в лучшую сторону, если рядом с руководителями страны будут работать люди не только профессиональней, но и качественней.

Беспокойный человек, объективно критикующий, есть человек прогрессивный, он стремится изменить мир к лучшему. Помести такого критикующего в рай, он и рай будет совершенствовать! Эти принципы Алексея Горького мне близки.

Теперь вам станет понятно, почему в одном объемном издании, где были напечатаны портреты выдающихся персон нашего государства, народному артисту СССР Евгению Яковлевичу Веснику, единственно, кроме фамилии и звания, была добавлена кличка «Ворчун». Как вам оценка человеку, который и в своем творчестве, и в жизни стремится к тому, чтобы наша с вами жизнь стала хоть на немного, но лучше?

– Что для вас означает понятие «Россия, Родина, страна»?

– Как-то зашел спор с одним уважаемым человеком, и я, в привычном

для меня несерьезном стиле, высказал предположение – а хорошо бы пришел на Землю инопланетянин от морганатического брака с сыном Божиим, и устроил все заново!.. И то-

Актер становится большим мастером только тогда, когда попадает в художественный образ и одновременно ищет ответы на жизненные острые вопросы.

гда мой собеседник сказал: «Да в наше время возможно такое только, если у него будут многомиллионные войска!» Как вам ответ? Есть над чем подумать.

Лично я предвижу – у нас обязательно родится новый класс. Только России нужно время.

Я – счастливый человек уже хотя бы потому, что не был ни октябренок, ни пионером, ни членом партии. Я был лишь патриотом своей Родины. Что это за чувство? Для меня – таинство. Я считаю, что Родина – это, в первую очередь, талантливые люди. Это они бросают вызов времени, выходят на соревнование со всем миром. И время рождает нового человека.

Не в смысле качеств гомо сапиенса, а в смысле поведения человека в «новом соусе».

стреляли, а он имел два ордена Красного знамени, орден Ленина, звание Комиссара 1-го ранга, а это почти звание Маршала по тому времени.

И понял я, что живем мы в больном государстве. Только подчеркиваю, в государстве, а не в стране. Страна, Родина – это совсем другое.

Страна у нас – чудесная, и люди чудесные.

Поезжайте куда-нибудь в провинцию, поговорите с оставшимися там в глубинке старушками... Это такой заряд энергии! Как свежим воздухом в лесу наддышаться.

Возможно, история так устроена: приливы – отливы. Не знаю.

Но я верю в Россию, она обязательно должна закололотиться, зазвенеть.

Как в сожженном лесу вновь появляется травка, грибы-ягоды, так и Россия всегда будет удивительной и неповторимой.

Я пишу в своих книгах о том, что главное – нужно создать такую страну, в которой хочется жить, где каждый человек – не просто «винтик», а личность.

– Каждый современный театр считает необходимым иметь в репертуаре классические пьесы. Но часто происходит так, что разные театры ставят одновременно одни и те же пьесы одних и тех же авторов. Как вы думаете, почему так происходит? Погоня за престижем или модой?..

– Московские театры дружно ставят Чехова не потому, что модно, а чтобы друг перед другом себя показать и в знакомом материале что-то новенькое найти. Часто даже не удосуживаются вникнуть в суть написанного, доходя порой до абсурда и намекая на то, чего у автора и в помине нет. В одной из мо-

~ постоянство разума

их книг я рассуждал о том, что будущее пьес Чехова – в их невероятной страсти. Возьмите, к примеру, пьесу «Иванов». Великий шекспировский Отелло ребенком выглядит рядом с главными героями!

Кстати, об Отелло. Можно, играя на сцене, сказать жестко и грубо: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» А можно вкрадчиво, тихо, противным тонким голоском: «Молилась ли ты на-а ночь... Де-е-зде-мо-о-на?»

К каждой написанной сцене автора нужно и можно найти свою интонацию и свое отношение к фразе. Так делают величайшие режиссеры. Они находят такой подспудный смысл, что порой, зная текст, сам поражаешься от новизны ощущения.

Мне кажется, что цензуру, ограничения в искусстве, в театрах вводить нельзя, такой опыт у нас уже был.

Или другой пример – «Ревизор» Гоголя. На сцене Малого театра я играл Городничего 22 года. Каково, а?!

Понял одно – сыграть его невозможно. Там такая глубина... до дна так и не дошел. Наверное, надо бы лет 40 играть, чтобы до сути докопаться.

Могу похвалиться! За время исполнения этой роли я терял на сцене 2,5 – 3 кг, весь спектакль играл на бешеном взводе. А пьеса диктует именно это: «К нам едет ревизор!».

Величайшая пьеса – пьеса-абсурд! Вот вам и классика. Бездна чувств! Вникай и вникай.

Юрий Соломин
и Евгений Весник

Нельзя научить тому, чем не владеешь сам. Это закон.

Капнист, русский философ и поэт, в XVI веке написал:

*«К свободе Русь не подросла,
Не гни холодного стекла».*

А нас все гнут да гнут, гнут да гнут. Но человек все равно остается человеком.

В нем, что Бог дал, то и есть.

В 14 лет, когда арестовали и сослали мою мать, я стал воспринимать многое по-иному. Отца рас-

– **Каким вы видите современный театр, современного театрально-актера? Какими, на ваш взгляд, особыми качествами он должен обладать?**

– «Если театр становится развлекательным, стоит ли в него так много вкладывать?» – так рассуждал Станиславский, и не только он один.

Бессмысленно театру быть таким, он должен отвечать на проблемы сегодняшнего дня. Так же, как актер становится большим мастером только тогда, когда создает и художественный образ, и одновременно ищет ответы на жизненные острые вопросы. Я был свидетелем, как

как считаете, нужны ли в театре запреты?

– В искусстве человеку необходимо художественно самовыражаться, пробовать и дерзать. Но во все времена настоящих художников часто травят, изводят завистью, запретами. Многие не выдерживают, глубоко страдают, пьют горькую, но при этом стараются не терять себя. Есть и другие, и я их знаю. Вот они-то удачно приспособляются, умеют молчать и врать на должностях. Ни один деятель искусства, который занимает должность и врет, не может быть в творчестве кристально правдив и честен, так не бывает.

Мне кажется, цензуру, ограничения в искусстве, в театрах вводить нельзя, такой опыт у нас уже был. Другое дело, есть ли потребность у общества открывать огромное количество театров? Ведь театр должен демонстрировать зрителю высочайшее художественное качество. А кто это качество определит? Думаю, что сегодня качество спектакля должен определять не зритель и не начальство – это деградация театра. Театрами должны руководить выдающиеся личности. Нельзя научить тому, чем не владеешь сам. Это закон. Об этом пишет умнейший философ, мой любимый французский писатель XVI века Мишель Монтень в своей книге «Опыты». Чему может научить художественный руководитель, назначенный по благу, а не по степени таланта? И сколько таких в России?!

– **Расскажите о себе. Как актера Весника знает вся страна. А как человека... Хотелось бы узнать, что и кого любите, чем занимаетесь на досуге, какие любимые книги, писатели?..**

сверху навязывали образ Владимира Ильича Ленина, причем играли его так бездарно, что, вопреки стараниям режиссеров, у зрителя этот герой вызывал отвращение, не преувеличиваю. Кого мог воспитывать такой театр?

Я знаю многих талантливых людей и восхищаюсь ими. Например, удивительный актер Евгений Миронов. Его «Идиот» в кино – потрясение для меня. Но при всем восхищении я... еще и удивлен. Настораживает его «всеядность». Видел много его работ после, и они вызывают у меня лишь недоумение и огорчение. Должность худрука «Театра наций» и вовсе понять не могу. Таким талантом, как у него, нельзя разбрасываться, им нужно дорожить...

– **Сейчас много говорят о цензуре, о запретах в искусстве. А вы**

– Последние годы мой день начинается в 7 утра. Я беру ручку, бумагу и сажусь писать. Сам процесс работы приносит удовольствие. Не помню, кто из великих писателей сказал, что главное в профессии писателя – вычеркивать лишнее.

В этом смысле я рекордсмен – вычеркиваю еще не написанное. Тем не менее уже издано тринадцать книг, две из них в мягком переплете, а одну, «Дарю, что помню», издательство готовит в пятый раз.

Люблю смотреть каналы «Культура» и «Спорт», все передачи о животных, они очеловечивают.

Бесконечно могу смотреть все фильмы с участием Чарли Чаплина. Вот самый великий комик и социальный актер!

Естественно, очень люблю литературу. Современных писателей, конечно, читаю, но мало. (Ольга Славникова, получившая Букеровскую премию за роман «2017», понравилась своей фантазией, также интересна проза Дины Рубиной.)

Мой любимый русский писатель – Салтыков-Щедрин, рядом с ним современные писатели – дети. У него и острота, и фантазия, и краткость. Всю жизнь использую при общении его образные выражения.

Много думаю о своей жизни, о людях, с которыми свела судьба. Ска-

жу без кокетства, не люблю, когда мне говорят комплименты, с такими людьми не дружу. Надо делать хорошие дела, а не слушать, как хорошо ты их делаешь. Конечно, человек нуждается в одобрении, но в ином. В частности, в искусстве это выражается в аплодисментах, цветах, слезах, наконец. В Библии написано, делай добро и не жди благодарности. Этому и стараюсь следовать.

Как-то звонят мне из газеты «Трибуна» и говорят: «У нас есть такая рубрика, ответьте, пожалуйста, объяснились ли вам в любви?»

С ходу отвечаю.

– Да, Крупская.

– Как?

– Да, Надежда Константиновна Крупская во сне объяснялась мне в любви.

– Что же она вам сказала?

– Женька, я тебя люблю!

– А вы?

– Надя, возьми себя в руки, у Володи плохо с деньгами, ему надо выпускать газету «Искра».

Думал, не напечатают. Нет, выпустили.

– **И напоследок хочу пожелать читателям журнала «СМЕНА»: любите больше жизнь, это самое ценное, что есть у человека.**

Беседовала Наталья Лукичева.

15 января Евгению Яковлевичу Веснику исполнилось 85 лет. Редакция и читатели «Смены» искренне поздравляют юбиляра и желают крепкого здоровья и долгих лет творческой жизни.

Надо делать хорошие дела, а не слушать, как хорошо ты их делаешь. В Библии написано, делай добро и не жди благодарности. Этому и стараюсь следовать.

Культура в обществе – как фитиль в свече: маленькая тонкая нить – но если ее нет, то и свечи нет – это просто кусок мертвого воска.

Нет культуры – нет ни народа, ни страны – нет смысла существованию, и жизнь разваливается под тяжестью осознания бессмысленности собственного существования.

Марина Князева

Жизнь культурная и жизнь развлекательная

Действительно ли некоммерческие творческие группы и есть первичная ячейка гражданской самоорганизации общества, надежда возникновения и платформа для развития гражданского сознания?

Россия значительна и велика только своей культурой.

Экономика, политика, социальная жизнь — это не те сферы, в которых мы преуспели или преуспеем. Только культура нас делает великой державой.

Д. С. Лихачев

Что в нашей стране происходит сегодня с культурой?

С 1991 года не ведется статистика организаций культуры и культурных проектов. Мы не знаем в точности, сколько у нас «ячеек» приобщения человека к художественной жизни, сколько поэтов и писателей, художников, режиссеров, сколько издательств, галерей, типографий, сколько издается книг, ставится спектаклей, работает студий и литературных объединений. Мы не знаем, как живет культура в своем истинном глубинном существовании, та, которой не дано угодить в глянец или засветиться в медиадействе.

С коммерческой культурой все более или менее ясно: она живет только на виду — сама кидается в глаза, кричит из каждого проигрывателя, ослепляет с экранов, нападает в машинах, парках, скверах, на катках, вопит в кафе, парикмахерских, магазинах, на автозаправках. Ее искать не нужно. Она сама догонит. Тут вкладываются и должны окупать себя миллионы, добытые продюсерами. У нас человек подвергается повсеместному **насильственному** воздействию низкопробных, слабокачествен-

ных музыкально-песенных потоков. Это не просто масс-поп развлечения, это развитая технология бездумного времяпрепровождения, индустрия ничегонеделания. Эту квази-культуру недавно метко назвали «поющие трусы».

Обо всем этом шла речь на жарких, даже пламенных заседаниях Общественной палаты России 2007 года. Тема — состояние и перспективы культуры в нашем современном российском обществе. Стиль разговора и его окраску сами участники обозначили, назвав все происходящее «Плачем Ярославны».

Я была привлечена как ведущий эксперт для подготовки материалов к докладу Общественной палаты России-2007 «Гражданская самоорганизация: потенциал и влияние» по разделу «Культура». Цель: получить ответ на вопрос, никогда не исследовавшийся так подробно и ответственно: каково состояние и в чем роль **негосударственной некоммерческой** культуры в нашем обществе?

Крепко, насмерть связаны между собой — уровень культуры и качество жизни, духовное благополучие человека и общества. Есть мышление бухгалтерское, а есть — стратегическое. Есть те, кто считает культуру «затратной», а есть те, кто знает: самое главное вложение, которое может и должно делать государство — это **инвестиции в человека**. Мы — не бедная страна. В нашей стране сегодня не дефицит средств, а дефицит культурологического сознания.

Культура движется частными личными гражданскими инициативами

Это — исконный способ существования русской культуры. «Кружковое», домашнее начало лежит в основе как знаменитых литературных стилей и направлений — будь то общество «Любителей российской словесности», собиравшееся в доме у Державина, «Зеленая лампа», влиявшая на Пушкина, или «Башня» Вяч. Иванова, ставшая гнездом символизма, или великий «Цех поэтов», созданный Н. С. Гумилевым, или дом В. Волошина в Коктебеле. В домашне-кружковой форме развивалась и вольная, живая словесность XX века: Лианозовцы, Концептуалисты или авторская песня — все это слагаемые живого народного, неучтенного свободного творчества. Некоммерческие негосударственные художественные группы также соотносимы с традициями народной культуры, где каждое событие жизни обыгрывалось как бытовой театр, и становилось новой сценой народной трагикомедии, и где много веков успешно развивалось импровизационное начало «театра одного актера» и крестьянского «мира» как художественного коллектива, а вся реальность художественно осваивалась в ходе ручного труда и ремесленных домашне-семейных навыков.

Подобными же путями развивался русский театр, вышедший и на всем своем пути питавшийся и получавший импульсы к развитию от народного студийного движения, по-своему переосмысленного и использованного К. С. Станиславским. Источником почти всех театральных достижений и новаций, подлинной кузницей талантов оте-

В государственной целевой программе по развитию села до 2010 года на культуру выделено 1,1 %. Это 8 копеек на одного сельского жителя в год. И на изостудию, и на художественную школу, и на кино, и приглашение артистов! Из подростков, оказавшихся в колонии, 78 % свободного времени были предоставлены улице, свое типичное времяпрепровождение они назвали так: «гуляли».

чественного театра и кинематографа XX века стали студийные коллективы, студии, существовавшие при вузах, школах, домах пионеров, домах культуры. Студии, кружки дали путевку в жизнь плеяде блистательных артистов и режиссеров. Примеров тому — множество.

Вот мнение одного из ведущих специалистов в деле массового театрального движения, более полувека отдавшая развитию и поддержке студийных театров, одной из создателей и руководителей Центра содействия независимым театрам, М. Ю. Корбиной: «Это, в основном движение, касающееся регионов, провинций, причем провинций глухих, где существуют любительские театры как единственное средоточие духовного воспитания людей и единственная возможность для людей познакомиться с живым театром, любительские театры помогают людям войти в живое творчество. Я не могу назвать количество этих театров, — сейчас никто не ведет статистики — но могу сказать ответственно, что почти во всех провинциальных, глухих местах та-

кие театры существуют, и они существуют под руководством людей грамотных. На протяжении многих десятилетий велась большая работа для того, чтобы заманить и заменить самодеятельных руководителей профессиональными. Участники могут быть самодеятельными, но руководитель должен знать, что с ними хочет делать. Люди, которые ведут эту работу в провинции — как правило, образованные режиссеры с высшим образованием.

Живут они очень скудно! Как правило, их мало кто ценит — я имею в виду руководителей; денег у них почти нет; зарплата — 2-3 тысячи рублей. Квартир им никто не предоставляет. Это, как вы говорите, подвижники, миссионеры в полном смысле, очень самоотверженные люди. Так что делать с этими людьми, которые как бы

Две дороги открываются в жизни входящему в мир человеку: дорога Улицы, и дорога к Храму, ведущие к романтике творчества, созидания, единомыслия. К красоте.

никому не нужны, за исключением тех, с кем они работают?

Любительство — это то, что создает вокруг себя гражданское общество. Любительство, в особенности связанное с детьми, вовлекает в свою орбиту огромное количество людей. Потому что любого ребенка приводит на занятия бабушка, мама, папа; на спектакль, на премьеру они обязательно приводят своих родственников и друзей. Это движение охватывает огромное количество людей».

Это не просто негосударственная некоммерческая художественная деятельность, а это **естественная свободная** культура, которая и есть самопроявление народа, народного духа, дыхания времени. Очень плохую службу сыграла с нами нынешняя теория, разделившая культуру на «массовую» — как бы культуру для всех — и «эли-

тарную» — как бы культуру не для всех. Это плоское деление ничего не объясняет, а только лукаво уводит нас от истинного положения дел. «Массовая» культура делает вид, что она «народная», а на самом деле — она коммерческая. И дело здесь не в тиражах. Библия издается миллионными тиражами. От этого она не приобретает черты массовой. Есть культура о человеке и для человека — **смысловая, общая, естественная**. Ее делает народ и ее ищет человек, чтобы разобраться во времени и в себе. Ответом на поиски человека и становится самоорганизующаяся некоммерческая культура — мост между вершинами творчества и повседневной жизнью.

Феномен русской негосударственной некоммерческой художественной деятельности — это феномен русского подвижничества.

На дорогу к творчеству дано в год 8 копеек. А на содержание одного подростка в колонии требуется 200-250 тысяч рублей в год. Вот такая рентабельность политики.

Развитие массовой художественной деятельности, охватывающей самые широкие слои населения — главный залог исторического прогресса страны на нынешнем этапе, условие и предпосылка перехода от сырьевой экономики к интеллектуально емкой. Некоммерческие творческие группы и есть первичная ячейка гражданской самоорганизации общества, и есть платформа для развития гражданского сознания.

Культура в обществе — как фитиль в свече: маленькая тонкая нить — но если ее нет, то и свечи нет — это просто кусок мертвого воска. Нет культуры — нет ни народа, ни страны — нет смысла существования, и жизнь разваливается под тяжестью осознания бессмысленности собственного существования.

Фото Евгения Филонова

Мнение экспертов

Дина Константиновна КИРНАРСКАЯ,

профектор Российской академии музыки имени Гнесиных:

Мы так стыдливо избегаем формулировки определения гражданского общества. То же самое: а что такое культура? В нашем контексте культура — это установка ценностей и приоритетов доступными ей средствами в целях самосохранения и саморазвития общества. Тогда культура — это и есть тот главный приводной ремень, который дает возможность обществу ощущать себя нацией, единством на основе един-

ства целей и приоритетов. Если мы — нация и общество — хотим сохраниться и продолжать развиваться, то главным средством для этого является культура.

Таким образом, вопрос о том, нужна она или нет, и зачем она нужна, снимается, поскольку культура, получается, это инструмент самосохранения и саморазвития общества. Причем главный инструмент на самом деле. Мы иногда думаем: «Ааа, спектакль, и без него можно прожить. Фильм? — А, черт с ним, без фильма жили, и без фильма проживем». Но это не так. Культура является мощнейшим ресурсом интеллектуального развития. Именно художественное

развитие дает нам прекрасных математиков, замечательных физиков, изумительных инженеров, менеджеров и всех остальных. Вот опыт: в Москве есть обычная общеобразовательная школа, она же по совместительству — музыкальная. Так из этой школы в МГИМО поступают не по блату. В Чикаго провели гигантское исследование, которое доказало: результаты по математике превзошли все мыслимые пределы именно в тех школах, где была расширенная программа искусства: театра, изобразительного искусства, музыкального искусства. В тех школах, где этого не было, результаты были гораздо хуже.

Андрей Максимович РАЙКИН,

тележурналист и сценарист телеканала «Культура», лауреат многих премий:

К нам на телеканал «Культура» приходят стажеры — студенты разных гуманитарных вузов, которые готовят людей по специальности «журналистика», и когда с ними начинаешь общаться вплотную, то понимаешь, что-то происходит такое, что у меня, например, просто не умещается в голове.

Появляется девушка из одного престижного вуза — третий курс. Просит поехать куда-то на съемку, чтобы мы дали ей возможность посмотреть, как снимается сюжет для телеканала «Культура».

— Вы можете поехать в РАМТ. Она меня спрашивает: «Что такое РАМТ?»

— РАМТ — это аббревиатура — Российский Академический Молодежный Театр.

— А где это находится?

Я говорю: «Это находится на Театральной площади».

— А где Театральная площадь?

— Ну, как, это площадь, где несколько театров находится: Большой театр, Малый театр, филиал Большого театра и Молодежный театр.

Пауза. Я понимаю, что что-то происходит не то. Я ее спрашиваю: «Извините, вы — москвичка?» Ну, мало ли. Человек переехал из другого города, перевелся...

Она говорит: «Да».

— И вы всегда жили в Москве?

— Да, всегда жила в Москве.

— Ну, понимаете, это площадь, где находится Большой театр, — говорю я патетически. Девушка — ноль эмоций.

Я говорю:

— Вы когда-нибудь были в Большом Театре?

— Нет.

— Ну, вы хоть видели, как он выглядит?

— Нет.

Я достаю 100 рублей и показываю картинку на 100 рублях. Вот, видите, вот он нарисован.

На такие мелочи, что нарисовано на ста рублях, она просто не обращала внимания.

И это ситуация непридуманная, это реальный случай.

Вроде бы, давно стало обычным делом, анализируя жизнь и творчество великих мастеров, прежде всего соотносить их историю с историей общества. Вряд ли это правило так уж непреложно, бывают и более мощные побудительные причины для творца, чем социальные катаклизмы. Но случаются судьбы, сопряженные с ритмом истории особенным образом, как будто в противофазе. Этим художникам не находится места в периоды национальных торжеств и военных побед, а во времена упадка и лишений, напротив, их гений оказывается полностью раскрыт и востребован. Видимо, что-то в самой природе государства действует как блокирующий фактор на их развитие. Такова судьба нашего героя – одного из самых ярких кинорежиссеров первой половины XX века.

Антон Аксюк **Сокровище нации**

8 АВГУСТА 1918 ГОДА, КОГДА В БИТВЕ ПОД Амьеном немецкие войска сдавались в плен целыми полками, конечно же, был днем гибели кайзеровской империи. Удивительно, но для немецкой культуры, той самой «души народа», которую не уставала упоминать все державная пропаганда, значение этого дня совсем иное, едва ли не противоположное. Поражение Германии означало кризис, унижительные репарации, потерю колоний, но и высвобождение большого творческого потенциала. А самое главное – это был день конца войны. Лучшие, худшие, либералы или патриоты, – солдаты возвращались. И среди прочих – молодой лейтенант-радист, в миру – театральный актер Вильгельм Фридрих Мурнау, урожденный Плюмпе.

Нелепая (букв. Plump – неуклюжий) фамилия досталась ему от отца – владельца текстильной мануфактуры. Мурнау (по имени маленького немецкого городка) звучало куда как выразительно, музыкально и зловеще, «как у актера». Он обожал театр, хорошо играл и пытался ставить для сцены сам, но после демобилизации в 1918 в труппу не вернулся, а сразу взялся за свой первый киносе-

нарий. Мурнау жил тогда на вилле матери друга, погибшего на войне (между прочим, в Латвии, на восточном фронте), может быть, это, вкупе с общим национальным трауром по кайзеровским порядкам, определило депрессивный строй дебюта. «Голубой мальчик» – история про нищего дворянина, сходящего с ума над реликвией – фамильным портретом – двойником из славного прошлого. Фильм не сохранился, но уже по набору образов-кодов можно предположить, что интересовало здесь Мурнау. Рефлексия, разрушительное вглядывание человека в себя, проклятие аристократической крови, поиск корней. Последний пункт особенно важен, ведь этот поиск – одна из главных движущих сил всей немецкой истории, как мотив она сопровождает все важные события в жизни Германии 19 – 20 веков, включая самые жуткие.

В 1920 году он снимает «Голову Януса», одну из первых экранизаций «Странной истории доктора Джекилла и мистера Хайда». Героев зовут иначе, сюжет завязан на древние проклятия, а в остальном повторяет рассказ Стивенсона о благопристойном господине, превращающемся по ночам

в свою «звериную» половину. Критика фильм заметила, публика смотрела с удовольствием, можно считать эту работу первым настоящим успехом Мурнау на родине. Эпизодическую роль сыграл молодой Бела Лагоши – будущий великий Дракула из голливудской экранизации романа Брэма Стокера. Но гораздо важнее то, что в создании «Головы Януса» приняли участие 2 человека из обоймы главного немецкого (и одного из главных в мире) фильма десятилетия – «Кабинета Доктора Калигари». Героя в обеих ипостасях сыграл Конрад Вейдт, а сценарий написал Густав Яно-

Конрад Вейдт в «Кабинете Доктора Калигари»

виц – один из авторов «Калигари». Это сотрудничество неслучайно, Мурнау заявляет о себе не просто как талантливый режиссер, но как последовательный режиссер-экспрессионист.

Киноэкспрессионизм – в чистом виде немецкое изобретение. С одной стороны, здесь есть очевидная связь с живописью (многие знаменитые берлинские художники делали декорации к фильмам Ланга, Вине и Мурнау), но частично правы и те, кто считает его метафорой расколотого, искаженного мировосприятия немцев, типика, в который привели Германию поражение в войне и революция 1918 года. В этих фильмах пространство сужается, сворачивается и, кажется, атакует героя, крыши домов угрожающе нависают над ним, а тени не только больше самих предметов, но порою живут своей собственной жизнью, действуя, конечно, злобно и таинственно. Эмоции актеров – гипертрофированны, а пластика – не в меру вычурна, что многократно

усиливает значимость каждого жеста. Ранние фильмы Мурнау строго выдержаны в этой сумрачной и болезненной стилистике.

Пиратский «Дракула»

Конечно, «Голова Януса» не могла соперничать с «Калигари» по популярности – это работы разного масштаба (к слову сказать, на сегодняшний день фильм считается утерянным безвозвратно). Но через два года Мурнау снял то, что называется «симметричный ответ». В 1922 году на экраны всего мира выходит его «Носферату-симфония ужаса» – первая и самая необычная экранизация «Дракулы», первый великий фильм ужасов и известнейшая на сегодня работа режиссера.

Самое примечательное здесь – фигура вампира. Мы привыкли к вариациям типажа, Бела Лагоши – к безупречно одетому аристократу, интересному мужчине в расцвете сил. Ничего подобного

В фильме Мурнау использовал массу технических новинок для создания «ужасной» атмосферы, многие из них – впервые в истории кино. Сейчас большинство из них не производит на зрителя должного впечатления, в отличие от Носферату и его подручных – нескольких десятков крыс-пасюков, разносящих чуму. Последние так потрясли публику, что возник стойкий миф об утерянной сцене из фильма, в которой город наводняют сотни, если не тысячи, грызунов. В итоге эта сцена была «восстановлена» Вернером Херцогом в 1978 году. В его римейке «Носферату» снялись Клаус Кински и Изабель Аджани.

Клаус Кински кусает Изабель Аджани – кадр из римейка 1978 г.

Другой миф нашел свое воплощение в фильме 2000 года «Тень вампира», где самого Мурнау сыграл Джон Малкович. Автор – Элиас Мерридж раскручивает здесь легенду о том, что в роли графа Орлока в фильме Мурнау снялся настоящий вампир. Легенда основана на том, что пресловутый Макс Шрек действительно ни до, ни после «Носферату» не появлялся в кино. Все, что о нем известно – этот актер долго работал в России и был страстным

Макс Шрек в роли Носферату

поклонником школы Станиславского. По Мерриджу получается – настолько страстным, что пил человеческую кровь для лучшего вхождения в образ.

Мурнау не предлагает. Его граф Орлок (Мурнау не смог купить авторские права, так что, имена героев романа были изменены) в исполнении Макса Шрека вообще мало похож на человека, скорее это нечто среднее между крысой и пауком. Лысый череп, заостренные уши, кривые когти, огромные глаза и нос крючком. Истощенное, голодное существо наделено страшной властью над мертвыми, но даже властвует оно не грозно, а мутно и суетливо, бочком пробираясь от подворотни к подворотне с гробом под мышкой, как будто не получая никакого наслаждения от своего могущества. Дракула Стокера и Браунинга – тиран, не чуждый благородства. Орлок Мурнау – воплощение чумы и злобной порчи. Между прочим, «Носферату» и пе-

реводится с греческого как «разносчик болезни».

Под стать Графу и антураж: приземистый замок в «Трансильвании» (съемки шли в нынешней Словении), мертвые окна заброшенных домов, пустые улицы Бремена, снятые с необычных ракурсов. В фильме Мурнау нет случайных деталей, каждая мелочь в обстановке символична, подчинена главной задаче – поселить в зрителе тревогу, расшатать воображение, а в нужный момент – напугать до смерти.

Акакий Акакиевич 100 лет спустя

Фильм класса «Носферату» не мог не перешагнуть географических границ Германии. К режиссеру приходит мировая известность. Теперь он – большой художник, один из тех, кто каждой картиной совершенствует молодой еще киноязык и раздвигает стилевые границы. Мурнау – перфекционист, он изо всех сил старается придать своему кадру совершенство живописного полотна, сообщить максимальную энергию зрелищу. И с помощью оператора Карла Фройнда добивается этого в фильме 1924 года «Последний человек».

Во многом его сюжет заимствован из «Шинели» Гоголя. Герой – пожилой добродушный швейцар, стоящий у дверей огромного отеля. Главный его талант – умение шикарно носить шинель с галунами. Шинель – не просто атрибут, она – символ человеческого достоинства, знак статуса в мире гостиничных служащих. Соседи по дому благоговейно перед ним, приходя со службы, швейцар благосклонно улыбается каждому, молодцевато отдает честь мальчишкам и старухам-сплетницам, от чего каждый встречный становится чуть-чуть счастливее.

Но происходит катастрофа – старика переводят на работу служителем туалета, отбирают шинель и взамен выдают позорный белый китель. Удар страшный, после такого не поднимаются. В сцене развенчивания актер Эмиль Яннингс добивается какой-то сумасшедшей выразительности – из конического монумента на золотых пуговицах он превращается в кривоногое дрожащее ничто в шерстяных рейтузах и жилетке. Чуть ли не на четвереньках он крадетсЯ теми переулками, по которым триумфально вышагивал всю жизнь, и тащится за ним по стенам домов его раздутая, злобная тень. А вместе с ними движется (мы сначала это

~ интересное кино получается

го не отслеживаем, а вот в 1924 году критики только ее и заметили) камера!

Оператора Карла Фройнда не случайно считают гением. Дело даже не в том, что они с Мурнау придумали подвеску для кинокамеры, а в том, что подвижные планы, снятые с этого смешного устройства не уступают по красоте изыскам нынешних мастеров. Сложные траектории, в нюансах воспроизведенное раскачивание картинки в глазах напившегося швейцара, а когда надо – идеальная фокусировка на объекте: все это просто снять сейчас, но придумать это тогда могли

Эмиль Яннингс в «Последнем человеке»...

«Последний человек» должен был стать городской трагедией, швейцар, от которого отказалась даже любимая племянница, по сценарию, умирал, сидя на стуле в ненавистной уборной. Но для повышения сборов продюсеры потребовали ввести в сюжет «бога из машины» – прикрутить невероятный ход с внезапным обогащением старичка-швейцара и триумфальным отъездом из отеля. Мурнау был в бешенстве, но концовку изменил.

только настоящие фанатики кино, не боящиеся никаких трудностей.

Получился шедевр. Фабула, игра, картинка – здесь все сложилось одно к одному. Фильм снят вообще без титров (кроме текста, письма о понижении героя в звании, еще нескольких надписей), при этом в нем читается каждая реплика, то есть это ка-

кое-то абсолютное немое кино, достигшее своей высшей точки. И даже высосанный из пальца хеппи-энд вызывает понимание, ведь как ни крути, а милого усатого служаку действительно жалко до слез, и в этом смысле (как и в более сложном смысле определения настоящей причины падения швейцара), замысел режиссера оказался выполнен.

Игра с тенями, давящие интерьеры, искаженное лицо Яннингса – все это отсылало к прежним, экспрессионистским работам. Но в «последнем человеке» эти приемы использовались лишь для усиления драматизма, как одна из красок в палитре, не более. Мурнау окончательно перерос свою школу начала 20-х, теперь он был сам себе – правила и стиль.

С этим фильмом связан прелестный анекдот: в Америке долго не понимали – как его показывать, ведь каждый американец знает, что служащий туалета получает больше, чем простой швейцар.

Метафизика балагана

А между тем ситуация в кинобизнесе менялась стремительно, как и внутренняя обстановка в Германии. Правительство добилось обратного введения государственной цензуры, отмененной в 1918 году. Вроде бы, для борьбы с порнографией и общего повышения качества кино, однако за каждым «А» следует «Б», и понимающие люди могли уже тогда предвидеть день, когда в культурную политику придут серьезные ребята, точно знающие, что должно делать. Мурнау, этот чуткий эстет, разумеется, знал, куда дует ветер. Впрочем, пока дела его были совсем не плохи. Сделав Эмиля Яннингса звездой первой величины, он продолжил сотрудничество с ним в костюмной экранизации мольеровского «Тартюфа». А вскоре боссы концерна UFA предложили ему экранизировать национальное достояние Германии – гетевского «Фауста». Фактически, это означало госзаказ, экранизация должна была стать очередным сильным заявлением в программе раскрутки немецкой культуры.

И опять Мурнау обращается к помощи Фройнда, ведь «Фауст» должен был явить не только силу немецкой мысли, но и масштаб немецкого зрелища. И шоу получилось незабываемое. Были построены детальнейшие макеты городов, гор и домов, проложены рельсы с хитрыми траекториями, по которым плавно двигалась каме-

ра. Эмилю Яннигсу, игравшему Мефисто, пошли меховой костюм с крыльями, в котором он, нависая над крошечным городком, выглядел настоящим дьяволом. Но главный спецэффект фильма, конечно же, сцена полета на плаще Сатаны, когда Мефистофель берет омоложенного Фауста в путешествие ко двору восточной принцессы. Вода и ветер в лицо, несущиеся навстречу тучи и мелькающий внизу ландшафт – все это выглядит поразительно живым даже сегодня, а для зрителя 1926 года волшебный полет был полностью реальным, безо всяких «но».

... и в «Фаусте»

Но если со зрелищностью все было отлично, то философскую сторону фильма современники критиковали – кто во что горазд. Сценарий фильма конечно, не мог претендовать на гетевскую глубину. Мурнау снял «Фауста» фольклорного – по мотивам легенд и песен, что сближает фильм с мелодраматической оперой Гуно. Но в этой трактовке есть и своя глубина, присущая, например, комедии дель арте или высокой клоунаде, чуждая любого психологизма глубина маски. Мурнау очень тщательно отбирал актеров, в итоге, Яннигсу достался его любимый Мефистофель, Фауста-старика сыграл могучий швед Гёста Экман, а Гретхен-Маргариту – трепетная Камилла Хорн.

Они похожи не столько на живых людей, сколько на колоду карт: Король – Фауст-старик, пылкий валет – Фауст-юноша, чистая, страдающая королева – Гретхен. И блохой скачет между ними неуловимый джокер – Мефисто в плаще, при шпаге и бантах. Они написаны крупными штри-

хами, можно было бы сказать – гламурно, если бы не поразительная точность и правда этой прорисовки, точно в духе благороднейшего течения начала XX века – символизма. Германия того времени была центром новых мистических учений, влияние которых естественный мистик Мурнау просто не мог не впитать. И раскладывая колоду своего «Фауста», он меньше всего заботится о психологической достоверности. Так Гретхен – не живой человек, но и не простая аллегория чистоты в духе балагана, она в исполнении Камиллы Хорн – персонифицированная Юность

Камилла Хорн — Гретхен в мечтах о любимом

Вечная, если угодно – икона, живой образ, вступающий в диалог с каждым зрителем.

Но для кинокритиков того времени, завороченных Марксом и Фрейдом, символическая глубина не значила ничего, им нужен был социальный посыл, как в «Последнем человеке». «Фауста» объявили безобразной вульгаризацией Гете, не заметив очевидных достоинств картины. Впрочем, публика с удовольствием смотрела фильм, увлеченная красотой и размахом постановки. А Мурнау, снявший свой главный немецкий фильм, будто чувствуя, что отдал родной культуре все долги, принимает приглашение голливудской студии. Он уезжает в Америку с тем, чтобы не вернуться.

Пророк без отечества

Первый его фильм в Голливуде «Восход: песня для двоих» получает «Оскара» сразу в нескольких номинациях, в том числе и за «выдающуюся художественную постановку». Мурнау здесь выступает

как тонкий художник-пейзажист, рифмуя сюжетную линию фильма (драматичная история – адюльтер с попыткой убийства) с видами сельской природы, которую он обожал и прекрасно умел снимать еще в первых своих фильмах, включая «Носферату». Успех был несомненный, до сих пор «Восход» регулярно входит в рейтинги лучших голливудских фильмов. А затем настал сложный период, так (ныне утерянную) цирковую драму «Четыре дьявола» компания Fox решила озвучить уже после выхода в прокат, попутно изменив концовку, к неудовольствию режиссера.

Гёста Экман — доктор Фауст

Последней его работой стала «Табу» – постановочно-документальная лента о жизни полинезийцев. Красота дикой природы, красота человеческая все больше привлекают его. Кажется, на экране оживают картины Поля Гогена, с таким мастерством и любовью снят этот фильм. Правда, то, что считалось нормальным для живописца-француза, режиссеру-немцу не простили. Картину ханжески покровсали, пытаясь избавиться от любого присутствия в кадре обнаженной женской груди – затея, учитывая место съемок, бесполезная, чтобы не сказать – идиотская.

Возвращение

Но даже в таком варианте Мурнау своего фильма не увидел. Незадолго до премьеры в 1931 году он разбивается насмерть, выпав из автомобиля на полном ходу. Как будто добывая режиссера, пресса с неожиданной злостью бросилась бездоказательно обвинять его в гомо-

Эмиль Яннигс – настоящий кумир немецкой публики, великий актер начала века. Внушительный и в тоже время пластичный, великолепный мим, он начинал в театре сразу на первых ролях – Мефистофеля, Отелло... После трагикомического швейцара из фильма Мурнау, его второй выдающейся ролью считают пожилого профессора из «Голубого ангела» Фон Штернберга, где он играет в дуэте с порочной и прекрасной Лолой Лолой – Марлен Дитрих. Впрочем, у артистов такого уровня любая роль драгоценна.

Яннигс остался в Германии после прихода нацистов и был в числе любимых актеров Гитлера, даже удостоился звания государственного артиста, чего ему, конечно, после падения режима не простили. Играть на родине он больше не может, уезжает в Австрию, где и умирает в одиночестве в 1950 году.

сексуализме, в итоге, на похороны в Америке пришли от силы 10 человек. Гроб перевезли в Германию, и только там Мурнау были оказаны почести, приличествующие художнику такого уровня. Зал был полон, на похоронах присутствовали друзья и коллеги – Роберт Флаэрти, Эмиль Яннигс, Грета Гарбо. Прощальную речь читал создатель «Метрополиса» и «Нибелунгов» великий Фриц Ланг.

Германия прощалась с Мурнау, а на самом деле – с эпохой, которую он во многом создал и безупречно выразил своими фильмами. С поразительным временем, когда молчали великодержавные барабаны, а люди во всем мире, и прежде всего – сами немцы, ясно слышали тревожный и таинственный голос подлинного немецкого искусства. До серьезных перемен в истории страны оставалось 2 года, вряд ли кто-то мог увидеть в случайной и глупой смерти режиссера знак скорой фатальной трансформации. Такие вещи могут быть видны только нам – наследникам. В этом – наше преимущество. И шанс научиться распознавать время, пока оно еще здесь.

МИРА ЗДАНИЕ СВОБОДА ОТ ИЗВЕСТНОГО

ГЕНИИ: ОНИ — КТО?

Сергей Каленикин

В «Большом энциклопедическом словаре» написано: гениальность — наивысшая степень проявления творческих сил человека. А мы попробуем несколько расширить смысл этого понятия. В римской мифологии гений — это первоначально божество, прародитель рода, затем бог мужской силы, олицетворение внутренних сил и способностей мужчины. Считалось, что каждый мужчина (!) имеет своего гения. Особенно почитался глава фамилии. В день его рождения гению приносились дары. Рабы и отпущенники посвящали надписи гениям своих господ и патронов, например: «Гений нашего Гая» или «Гений нашего Марка»...

Античные философы создавали целые теории о том, что к внезапным вспышкам озарения и интуиции, а также к резким переменам настроения от апатии к безудержной радости или ярости причастны таинственные невидимые существа или сущности. Они сопровождали человека на протяжении всей его жизни и вносили изрядную лепту в то, что одни люди становятся выдающимися деятелями науки и искусства, а другие, едва достигнув совершеннолетия, стремительно деградируют, превращаясь в пьяниц или подонков общества. Эти сущности назывались гениями, и именно отсюда пошло выражение «гениальный», то есть осененный воздействием незримого начала.

Можно сказать, что гении — это боги-покровители, бывшие у каждого человека от самого его рождения и до конца жизни. Были гении не только отдельных людей, но и гении народов, легионов, собраний, городов, стран, лагерей, театров, даже богов. Гении местностей изображались чаще всего в виде змей, а остальные гении — в виде людей с рогом изобилия и жертвенной чашей в руках.

Но есть мнения и из совсем других рядов. Например, Томас Эдисон утверждал: гений — на 99 про-

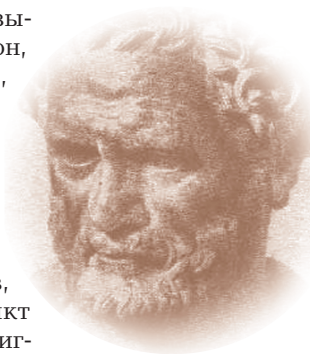
центом труд до изнеможения и на один процент — игра воображения.

Но так ли это? И кого можно причислить к гениям за все время существования человечества?

Как ни удивительно, их, оказывается, не так уж и мало: Платон, Демокрит, Гегель, Кант, Руссо, Монтень, Эйнштейн, Суворов, Наполеон, Петр I, Ньютон, Чарльз Дарвин, Александр Чижевский, Дмитрий Менделеев, Александр Пушкин, Александр Македонский, Константин Циолковский, Владимир Бехтерев, Мишель Нострадамус, Бенедикт Спиноза, Михаил Ломоносов, Зигмунд Фрейд, Вольф Мессинг и многие другие...

И хотя далеко не все мы имеем отношение к понятию «гениальность», почему же все-таки не любопытствовать, что происходит там — по ту сторону замочной скважины?..

Интересно, что многие гениальные открытия свершались во сне. Отдаваясь во власть Морфею, некоторые из нас могут во сне увидеть нечто вещее — то, с чем предстоит столкнуться в грядущих днях. Сны бывают обыкновенные, естественные, и сны, посылаемые свыше. С самых древних времен эти сны служили средством для открытия воли Божией человеку, и

многие из них отличались своим пророческим значением.

Доктор медицинских наук, профессор Яков Левин говорит, что сон — идеальное состояние самокопирования, самопознания, когда участки мозга работают сами для себя. Это период самоотключения, самоизоляции. Во сне наше подсознание активизируется, а сновидения — окошко, через которое мы наблюдаем сами себя, быть может, куда правильнее, чем во время

любитель. Дарвин никогда не изучал биологию профессионально, он лишь «любительски» интересовался природой и животными. И в результате этого интереса в 1832 году записался добровольцем на исследовательское судно «Бигл» в составе экспедиции, снаряженной правительством Великобритании. Возвратившись после пятилетнего путешествия, которое потрясло его, он пришел к выводу, что живые организмы созданы не Всевышним Творцом по отдельности, как это утверждалось, а произошли от единого предка и затем видоизменились, в зависимости от условий природы.

Эта гипотеза Дарвина не основывалась ни на каком научном объяснении или эксперименте. Как теория она утвердилась только благодаря поддержке известных в то время биологов-материалистов. Согласно этой теории, все живые организмы, существующие на Земле, происходят от одного предка, но в течение длительного времени подвергаются небольшим изменениям, которые со временем накапливаются, и, таким образом, они начинают отличаться друг от друга. По мнению Дарвина, человек являлся самым развитым продуктом этого механизма.

На сегодняшний день, теория Дарвина — лишь одна из теорий. А им несть числа.

Гением был и Альберт Эйнштейн. Ученый-философ. Мозг. Поклонники теории относительности до сих пор заявляют: основные начальные положения теории относительности подтверждаются многими физическими опытами и даже явлениями Природы... Но что показал критический анализ этих и прочих опытов? Они по всем статьям не соответствуют

теории относительности, но подтверждают обратное: скорость распространения света подчиняется классическому для всех видов материи закону сложения скоростей, предложенному еще Галилеем! И кто тут гений?

Наука не может двигаться без внезапных скачков мысли, озарений, неожиданных идей, но в том числе и без перевоплощений умов. Гений Леонардо да Винчи — художник, Ампер и Фарадей — без специального образования, Вольта учился в школе иезуитского ордена, Джоуль — из пивоваров, Коперник, Гельмгольц, Майер — врачи... Юристами были Авогадро, Лавуазье и Ферма... Выдающийся астроном Эдвин Хаббл — юрист. Астроном Гершель — музыкант, Кулибин — самоучка, Мендель — монах, Коперник — каноник, Ламарк — военный. Дарвин — фермер, Ньютон — чиновник, Менделеев — педагог, Николай Федоров — библиотекарь... А писателей, получивших профессиональную подготовку, можно пересчитать по пальцам. Толстой был артиллеристом, Достоевский — топографом, Чехов — врачом...

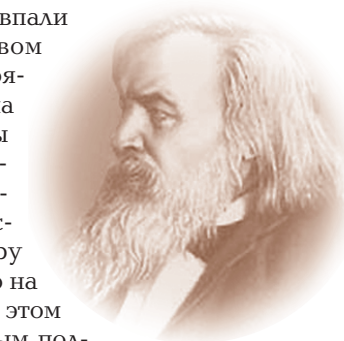
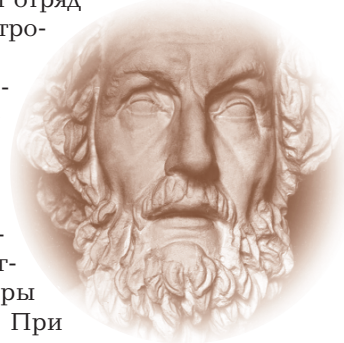
Еще мальчиком Генрих Шлиман заявил отцу: «Когда вырасту, я найду Трою»... Со временем он изучил множество языков, стал торговцем, королевским купцом, основал банк и тогда все бросил, поехал искать Трою, легендарный город, описанный Гомером в «Илиаде». Он открыл новый мир, уникальные памятники, сделал историю богаче на тысячу лет. И Шлиман не был профессионалом!

Мне доводилось не раз встречаться с первым отечественным космическим навигатором, доктором технических наук Василием Селезневым. Он не только многие

лета бок о бок работал с Сергеем Королевым, другими выдающимися умами, но и был первым у истоков отечественной космической навигации. Готовил первый отряд космонавтов. Василий Петрович рассказал следующее.

«Радиолокационные измерения расстояний до Венеры в Советском Союзе проводились в 1962-1975 гг. Измерения осуществлялись путем посылки мощных радиолокационных сигналов в сторону Венеры наземными станциями. При этом определялось время прихода на Землю отраженных сигналов с венерианской поверхности. Локацию начинали в период, когда расстояние до Венеры достигало около 80 млн. километров, затем оно сокращалось до 40 млн. километров и потом опять увеличивалось. Заметьте: результирующая скорость прохождения радиосигналов была различной, однако эта особенность не учитывалась — скорость распространения сигналов считалась постоянной, равной скорости света. И данные не совпали с фактическими. На первом участке расчетные расстояния оказались короче, а на втором — длиннее. Чтобы свести концы с концами, исследователи приняли «оригинальное» решение — условно переместить Венеру вперед по орбите примерно на 700 километров. Только в этом случае оказалось возможным подтвердить справедливость специальной теории относительности Альберта Эйнштейна!..

В науке сложилась парадоксальная ситуация: физика и механика имеют разные взгляды на возможность получения и использования

Гениальный Эйнштейн обожал фильмы Чарли Чаплина. Однажды он послал Чаплину телеграмму: «Ваш фильм «Золотая лихорадка» понятен всем в мире, и я уверен, что Вы станете великим человеком. Эйнштейн».

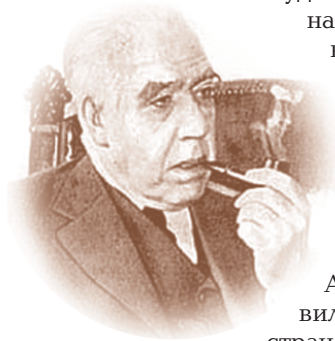
Чаплин ответил: «Я вами восхищаюсь ещё больше. Вашу теорию относительности не понимает никто в мире, но Вы всё-таки стали великим человеком. Чаплин».

бодрствования. На сей счет весьма удачно высказался Зигмунд Фрейд, назвав сновидения «царственной дорогой в бессознательное». Если же вещи сны объяснять с материальной точки зрения, то они — очень хороший анализ и построение программы поведения, которая будет близка к реальности, причем на основе даже незначительных фактов и явлений.

Нильс Бор во сне установил структуру атома, Грегор Мендель — законы наследственности, Александр Флеминг открыл пенициллин, Элиас Хоуэ сконструировал швейную машинку, а Альберт Эйнштейн во сне «уловил» взаимосвязь между пространством и временем...

Но вернемся к прозе жизни.

«Наш» гений — Чарльз Дарвин: член-корреспондент Петербургской АН, английский естествовед-

больших скоростей движения. С точки зрения классической механики, предельных скоростей не существует. А релятивистская физика — специальная теория относительности — утверждает обратное: дескать, скорость света постоянна — 300 000 километров в секунду и ничто другое не может превзойти эту величину. Абсурд! Ведь свет — материаль-

лась по пути — заветам Бора, благодаря которому и были достигнуты серьезные успехи. Он как-то заметил: «Чтобы определить, какое утверждение является глубоким, нужно раньше определить, что такое ясное утверждение. Утверждение считается ясным, если противоположное утверждение или правильно, или ложно. Глубокое утверждение должно обладать тем свойством, что противоположное утверждение также является глубоким». Но у Бора мне больше нравится другое: «Эта идея недостаточно сумасшедшая, чтобы быть верной»... Тут можно было бы продолжить разговор о телепортации, эффектах торсионного поля, но не все сразу. Кстати, Альберт Эйнштейн предсказывал возможность телепортации.

Гении похожи друг на друга, они так восторженны и увлечены красотой и энергией Идеи, которая превышает все иное, что забывают и не замечают ничего вокруг.

Прислушаемся к одному из великих умов Земли — Константину Циолковскому: «Гений нашел цель существования: это познание, совершенствование, устранение зла и всякого страдания — распространение Высшего Смысла Жизни... Только о существовании вне Земли разумных или хоть каких-нибудь существ ровно ничего не известно. Но голос Разума, голос гения кричит во все горло, что не только Вселенная битком набита ими, но даже огромный процент этих существ достиг совершенства, непостижимого пока для ограниченного Человечества, находящегося еще в младенческом фазисе своего Бытия»... Мысли гения живут века, иной раз 1000, а некоторые даже бесконечность веков...

ная частица фотона. Если летишь навстречу фотонам, то скорость будет больше, если удаляешься — будет меньше. Данный эффект проверен опытом, сплошь и рядом используется в технике. То есть свет подчиняется классическому закону сложения скоростей, что, кстати, относится и к радиосигналам при проведении навигационных измерений».

Эйнштейн хотя и великий, но и он не безгрешен. Припомните и мировую интеллектуальную его дискуссию с великим датским физиком Нильсом Бором по проблемам квантовой механики, когда были затронуты самые сокровенные стороны и пути развития научного познания мира, его основные принципы.

Этот поединок Альберт Эйнштейн вчистую проиграл. И с 1935 года физика, в основном, развива-

Однажды, зайдя в берлинский трамвай, Эйнштейн, не глядя на кондуктора, вынул из кармана заранее отсчитанные на билет деньги.

— Здесь не хватает 15 пфеннигов, — сказал кондуктор.

— Не может быть, — ответил ученый.

— А я вам говорю — не хватает.

Эйнштейн еще раз покачал головой, дескать, такого не может быть. Кондуктор возмутился:

— Тогда пересчитайте.

Эйнштейн пошарил рукой в кармане и действительно нашел нужную монету. Ему стало неловко, но кондуктор, улыбаясь, сказал:

— Ничего, дедушка, просто нужно выучить арифметику.

ность — это всегда поломка организма...»

Да, с последней мыслью не поспоришь. Скажем, умомпомешательством страдали такие гении, как Ампер, Шуман, Свифт, Ньютон, Руссо, Шопенгауэр...

Обратимся к великому русскому ученому-неврологу Владимиру Бехтереву. В одном из своих трудов «Одаренность, гениальность и мозг» он писал:

«Первоначально полагали, что показателем высокой одаренности является вес головного мозга, и к этому, как казалось, было основание — ведь мозг дикарей в общем весит меньше, чем мозг цивилизованных людей.

Однако умственная одаренность человека получает свое пластическое выражение не в весе мозга, а в чем-то ином. И, с другой стороны, можно признать, что относительно большая разница в преобладании левого полушария над правым говорит о большей одаренности вообще. Но преобладание левого полушария над правым еще не определяет качество той или иной одаренности.

... Можно было бы создать целый музей мозгов — пантеон знаменитостей и великих людей, и этим путем гений человека, этот неуловимый пока сфинкс, перестал бы со временем быть загадкой и предстал бы пред человечеством еще в большей красоте и величии».

Владимир Бехтерев был не только мыслителем, но и практиком. Среди прочих, он изучал мозг и гения Дмитрия Ивановича Менделеева.

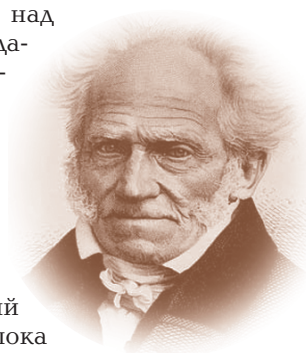
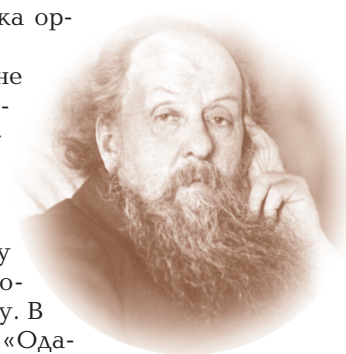
Мы решили побеседовать с правнуком Менделеева — профес-

Но они, как правило, развиваются односторонне, в ущерб другим своим свойствам. Их нравственные недостатки нередко бывают много сильнее, чем у обычных людей. Но вот вопрос: как оправдать жестокость фортуны к избранным, гениям? Гений уже получил «апогей своего развития», далее следует власть и часто страшные ошибки, портящие Личность. Тогда гений идет обратным путем, его начинают презирать, и не остается «живых идеалов». К тому же он бывает в себе уверен, не допускает «идеи других» и ... порождает зло. А это во много раз превышает сделанное ранее им добро. А счастье, успех зачастую развращает, обезличивает и расслабляет. Такова пока жалкая «природа Человека» с отменными дарованиями.

Энергия идеи, «живые идеалы» — все это красиво. Но, пожалуй, пора вспомнить и про мозги. Ведь в их глубинах и таится гениальность.

Что она такое, с точки зрения физиологии? Не так давно гениальных людей изучали в Научно-исследовательском институте мозга РАМН в Москве, и, утверждается, что ничего особенного и сверхъестественного не обнаружено.

«По-моему, гениальность — это тоже болезнь, — говорит директор Института мозга человека РАН Святослав Медведев. — Это способность к нетривиальным решениям, открытиям. Нормальный мозг не может себе этого позволить. Почему гений живет недолго? Потому что его психика несбалансированна. К счастью, очень многие люди теряют гениальность с возрастом. Посмотрите, большинство открытий в области теоретической области сделаны как минимум до 40 лет. Гениаль-

сором МГУ, академиком РАЕН Иваном Ивановичем Суднициным.

— Иван Иванович, Дмитрий Менделеев — гений, и гений с большой буквы. А кто, по-вашему, с ним сопоставим?

— Я мог бы назвать десятки фамилий. Но если ограничиться биохимией и биосферой, то тут два титана — Василий Васильевич Докучаев и Владимир Иванович Вернадский. В отвлеченном смысле гений — высшая степень общих или специальных способностей.

Элементов: когда стало окончательно ясно, что масса атома закономерно определяет его свойства, начала стремительно развиваться физика атомного ядра, которая привела к пересмотру всей системы Мироздания. Гений творит порой бессознательно, иногда не сразу подчиняясь мукам рождения новой идеи и получая ее непосредственно и как бы случайно. Известно, что вид падающего яблока навел Ньютона на закон тяготения, а Галилей пришел к выводам законов маятника при виде качающейся висящей люстры.

Вспоминается рассказ близкого друга Менделеева профессора А.А. Иностранцева, который зашел его проведать и застал в мрачном, угнетенном состоянии. Менделеев с горечью заговорил: «Все в голове сложилось, а выразить таблицей не могу». Потом он три дня и три ночи, не ложась спать, пробовал скомбинировать результаты своей мысленной конструкции в таблицу, но попытки оказались неудачными. Наконец, под влиянием крайнего утомления, лег спать и тотчас заснул. Позже он рассказывал: «Вижу во сне таблицу, где элементы расставлены, как нужно. Проснулся, тотчас записал на клочке бумаги, — только в одном месте впоследствии оказалась нужной поправка».

— Откуда у молодого Менделеева появилось видение и понимание устройства того, что порой и увидеть нельзя?

— Все три русских гения — Менделеев, Докучаев и Вернадский — были потомками древних священнических родов. Их религиозные традиции чтились особо и, конечно, глубоко и прочувство-

~ свобода от известного

ванно. Образно говоря, трехмерность они впитали с молоком матери, так как их матери, отцы и весь русский народ были глубоко и искренно верующими православными христианами, свято чтившими основные его заветы, в том числе и Троицу.

— Великое событие — открытие Периодического закона состоялось 17 февраля 1869 года. Но приходилось читать, что коллеги Менделеева не очень-то любили по этому историческому случаю...

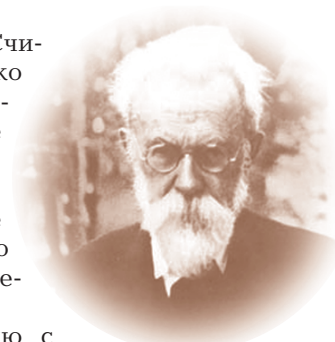
— Увы. Некоторые, даже близкие к Менделееву ученые, особенно его старшие коллеги, не понимая в то время огромного научного значения открытия, подругески советовали ему бросить теоретические работы и «заняться делом». Его даже не выбрали действительным членом Академии Наук. Он так и умер членом-корреспондентом.

Но и иностранные ученые, бившиеся над этой проблемой, после ее блестящего разреше-

ния Д.И. Менделеевым дружно принялись доказывать, что они уже давно сконструировали подобную периодическую систему и отказали ему в Нобелевской премии. Только спустя десятилетия им пришлось признать его первенство.

Лессинг как-то сказал: «Считаться великим гением только в своей жизни или полстолетия после смерти — плохое доказательство гениальности». И как в воду смотрел. Ровно через 50 лет после смерти Д. Менделеева его именем был назван 101-й элемент — Менделеевий.

Чего стоит, по сравнению с этим, нобелевская премия?! Ведь это — единственное русское имя в таблице элементов. Хотя до сих пор западноевропейские и североамериканские ученые не присоединяют его имя к названию периодической системы элементов. Видимо, их самолюбие до сих пор не может перенести мысли, что он опередил их.

Едут в поезде два одессита. Вместе с ними седой, взъерошенный старик. Выходит он куда-то, один его сосед спрашивает другого:

— А это кто? — Ты чего, это ж Альберт Эйнштейн!

— Ну, и что? — Так он же нобелевский лауреат, теорию относительности изобрел.

— А это что такое? — Ну, предположим, два волоса на голове, это много?

— Нет. — А в супе?

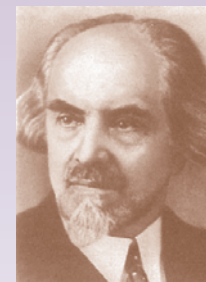
— Ну, в супе... — Во, — все относительно.

Мужик помолчал и спросил:

— И с этим приколом он собрался в Одессу?

Немногие, как Микеланджело и Леонардо да Винчи, проявляли свою гениальность во всех отраслях творчества. Еще реже встречается это явление в науке и практической жизни. Почти всегда гений более или менее односторонен, чаще же всего, за исключением сферы своей специальности — посредственность или совершенно ограничен.

Прежде всего гений — оригинален. Им создается что-нибудь совершенно новое, разрешаются проблемы, до него не разрешенные, он дает мыслям и стремлениям своего века совершенно новые содержание и цель, создавая целую эпоху. Это точно соответствует открытию Д. И. Менделеевым Периодической Системы

P.S.

От Николая Бердяева.

«Гениальность — по существу трагична, она не вмещается в «мире» и не принимается «миром». Гений-творец никогда не отвечает требованиям «мира», никогда не исполняет

заказов «мира», он не подходит ни к каким «мирским» категориям. В гениальности всегда есть какое-то неудачничество перед судом «мира», почти ненужность для «мира».

Гениальная жизнь есть жертвенный подвиг. Она знает минуты экстаического блаженства, но не знает покоя и счастья, всегда находится в трагическом разладе с окружа-

ющим миром. Слишком известно, как печальна судьба гениев. Даже те гении, жизнь которых сложилась внешне счастливо, как например, Гете и Лев Толстой, внутренне были близки к самоубийству и не знали безопасного устройства. Но гениальность — шире гения. Гениев в строгом смысле слова рождается мало. Гениальность присуща многим, которых гениями назвать нельзя. Потенция гениальности заложена в творческой природе человека, и всякий универсальный творческий порыв гениален.

В гениальности трепещет цельная природа человеческого духа, его жажда иного бытия. Гениальная натура может сгореть, не воплотив в мире ничего ценного, в ней всегда — безмерность. Гениальность — дерзновение, и в судьбе ее есть святость жертвенности».

ХРИСТИАНИН ВЕЛИКОГО ОПТИМИЗМА

Поход героя в иной мир

*Подробности из жизни
Джованни Гуайта*

Sono inaliano

...Я — итальянец. Родился на острове Сардиния. В простой, хорошей семье, очень счастливой. У меня — две сестры и один брат. Я — третий. В середине! Так и жил там на Сардинии, учился. Сначала — начальная школа, потом — средняя, затем — лицей. Классический — латынь, греческий, философия, филология. Литературу любил всегда, много читал, будучи ребенком, подростком. Даже писал некоторые вещи.

В 18 лет уехал жить в Швейцарию. Учился в Лозаннском и Женевском университетах. Но сначала два года только работал и не знал ни одного слова по-французски. Даже очень не любил этот язык. Знал английский немного и мертвые языки: латынь, греческий. Были друзья, знакомые. Начал самостоятельно жить не по надобности — так как был из обеспеченной семьи — а ради интереса. Какое-то время продавал цветы на улице — французский так и выучил. Ни одного урока специально не брал.

Потом поступил в университет Лозанны, выбрал три специализации: основную — русский язык, дополнительные — итальянский язык и литературу и историю изобразительных искусств. Будто бы был влюблен во все русское! Даже изобразительные искусства и итальянский язык и литературу стал склонять в сторону русской литературы и культуры. При оформлении с профессором программы для экзамена по истории изобразительных

«История движется именно потому, что есть такие люди, которым нужен не только хлеб насущный. «Нет, я должен идти еще куда-то!»

искусств я выбрал русскую икону, хотя основной курс лекций был посвящен итальянскому Возрождению. Иконы — важнейшая часть русской культуры. В итальянской литературе тоже умудрился найти точки соприкосновения с русской литературой: написал диплом об одном итальянском поэте, который был русистом и преподавал историю русской литературы в Римском университете — Анджело Мария Рипеллино. В его стихах очень часто встречаются скрытые цитаты из русской литературы. Свои стихи он пишет по законам русского стихосложения — ямбом, хореем, то есть силлаботоническим стихом. В итальянской литературе ритмические стихи — редкость. А затем — последняя защита. Правда, из Лозаннского университета я уже перешел в Женевский. Написал работу об Андрее Тарковском. Он, во-первых, писал сценарии к своим фильмам. Во-вторых, в его фильмах много скрытых цитат из стихов отца, поэта Арсения Тарковского.

Есть и другая очень важная сторона моей жизни. Одновременно с русской культурой я стал изучать православие. Русскую церковь и в целом русскую духовность. На богословском факультете ходил на специальные курсы. Все-таки духовная, религиозная жизнь очень многое определила в русской литературе и культуре. Почему это все так взаимосвязано, и в особенности, с фильмами Тарковского? Тарковский снял совершенно разные фильмы и по кинематографическим жанрам, и по содержанию. «Иваново детство» — классический фильм о войне. «Андрей Рублев» — историческая картина — Русь, средние века. «Солярис» — фантастика. «Сталкер» — это совсем другой жанр. «Зеркало» — сугубо личная страница, как бы из дневника. «Ностальгия» — взрослый Тарковский собирается эмигрировать в Италию. И вот потом — «Жертвоприношение». Но на самом деле они все очень похожи. Образы, повторяющиеся из фильма к фильму. Канва, структура фильмов. Это же поход героя в иной мир. Начиная с «Иванова детства» ребенок идет в мир войны, в мир взрослых — он чужой в этом мире. Так же и в «Ностальгии» — русский эмигрант в Италии, и в «Солярисе». Как мне показалось — это именно поиск духовности. Какое-то внутреннее путешествие, это метафоры, притчи, если выражаться богословским, евангельским языком. Это даже поход по ту сторону жизни, в царство мертвых, допустим. Как раз поиски жизни, но уже по ту сторону жизни. В советском кино я находил у Тарковского какие-то вещи, которые его связывали с классической русской литературой и даже с русской духовностью, с православием.

Получилось так, что в 1985 году попал впервые в Советский Союз, через неделю после того, как Горбачев стал генсеком. Помню старый строй не по рассказам, а видел своими глазами! Лозунги — Миру мир! Слава Труду!.. Потом стали говорить (правда, достаточно робко) о демократизации, о перестройке, о гласности.

В 1988 в Доме кино организовали первые Международные чтения об Андрее Тарковском. Как раз в это время я должен был защитить работу во ВГИКЕ, и меня пригласили выступить. Я был тогда молодым студентом и выступать по-русски перед такой аудиторией достаточно страшно было. К тому же была среда абсолютно нерелигиозная. Но я выступал, говорил о религиозном содержании фильмов Тарковского. И это имело эффект сюрприза. Потом у меня брали интервью, вышла моя статья в

«Киноведческих записках». Так что, для меня была естественная эволюция — русская культура, литература, русская церковь.

В Москве живу, в общей сложности, больше 20 лет. Не могу сказать, что москвич, но для меня российская жизнь — далеко не туризм. Кстати, я никогда не жил в домах для иностранцев, которые были в 70-80-е годы на Кутузовском проспекте. Там было гетто для иностранцев, которые питались в «Березках» и так далее. Я работал в советском издательстве «Радуга». У меня была советская зарплата. Переводил русскую классику на итальянский язык. Потом стал преподавать в МГУ, в Институте иностранных языков историю итальянской литературы. Четыре года стажировался при духовной академии Русской православной церкви в Санкт-Петербурге. Перевел письма о Павла Флоренского, написанные им из концлагеря на Соловках. Также перевел на итальянский язык (и на французский) «Сына Человеческого» Александра Меня и «Откровенные рассказы странника» неизвестного автора. Участвовал в большом проекте по созданию энциклопедии о святых всех восточных церквей. Затем заинтересовался армянской церковью. Последние несколько лет занимался исследованием вопроса о геноциде армян в Османской империи.

Человек молодой, взрослый

В молодости важно к чему-то стремиться, а то пропадает молодость, юность. Нужны утопия, мечты. Часто они рушатся — это естественно. Но не означает, что молодость этим заканчивается. Нет. Нужно стремиться к идеалу даже при понимании, что до него можно и не дойти. Мы все должны себе ставить сложные цели. Для осуществления которых нужно много усилия. Даже взрослый человек остается молодым, интересным, привлекательным, нескудным для молодых, если у него еще есть какие-то азартные цели. И это кропотливая работа. История движется именно потому, что есть такие люди, которым нужен не только хлеб насущный. «Нет, я должен идти еще куда-то!»

Я — христианин, а верующий человек стремится к чему-то чрезвычайно сложному. Победа над собой — это гораздо сложнее, чем победа над всеми остальными! Верующий человек знает — нужна ежедневная борьба. Но все-таки верующий человек — оптимист. Я не знаю такого христианина, который не был бы оптимистом. Для христиан оптимизм — как воздух. Они купаются в этом оптимизме. Не могут христиане быть не оптимистами.

Христианин верит в самую парадоксальную что ни на есть истину — Иисус Христос победил смерть. Ни один ученый не докажет вам этого, здесь нужна вера. Вся история человечества и есть борьба со смертью. Победить смерть, оставить след, когда нас не будет физически. Либо оставить свое произведение, либо детей... В каком-то смысле обрести бессмертие.

Христианин верит в парадоксальное — смерть не есть конец всего. Он знает, что Христос не в пример победил, а победил для него. Поэтому, с одной стороны, христианин должен быть активным, к чему-то стремиться, не расслабляться. Но с другой стороны, знает наверняка — он победит.

С верой ничего не поделаешь!

С концом советского строя стало модным быть верующим, православным. Как вызов коммунизму. Раньше — идеология, сейчас — религия. Но это тоже, увы, может стать идеологией, фирменным знаком, что ли. Вера — это то, что переворачивает жизнь человека, его убеждения. Но не только. Христианская вера — это жизнь каждый день, это когда тебя толкают в метро, и ты знаешь, как себя вести. Это когда, например, тебя выгоняют из университета без причины и т.д. И при этом нужно оставаться оптимистом. И с этим ничего не поделаешь!

Христианин чувствует, что его вера — драгоценная жемчужина, и хочет этим поделиться с другими. Он не хочет убеждать других, агитировать, настаивать, потому что христианство не есть идеология.

Например, когда в вашей жизни случается что-то радостное, дающее смысл жизни, надо с кем-то поделиться. Мы не можем держать радость внутри себя, впрочем, как и горе. Для христианина вера — это такая радостная вещь. Кстати, Евангелие и называется — «радостная весть».

Иногда на работе коллеги спрашивают: «Как ты можешь не обижаться, как ты можешь быть таким спокойным?» Да, человек постоянно преодолевает себя. Когда в моей жизни спрашивают, я рассказываю, но не афиширую. Иисус Христос говорит — все по тому узнают, что вы ученики мои, если будете любить друг друга. Он не говорит, «если будете это афишировать». То есть для христианина слово — самое последнее из патронов. Первый показатель — жизнь.

Бывает, человек переживает какой-то сложный момент в своей жизни. И первый, с кем он хочет поделиться, как раз верующий человек. Христианство — вызов. Сложно оставаться равнодушным.

Кругом много хороших людей. В религии таких людей называют святыми. Но не надо думать, будто святой — не от мира сего, не умеет себя вести в нормальном обществе, разделять радости и горести своих ближних, какой-то чудак. Ничего подобного! Христианин — как раз полноценный человек. Человек, который удался! Не тот, кто показывает свою отрешенность, праведность.

Раньше в духовной жизни акценты ставились на такие вещи, как соблюдение поста, долгая молитва и т.д., — и это, конечно, все остается. Но христианство 21 века требует от человека также того, чтобы он влился в гущу ежедневной жизни, жил бок о бок со всеми. Со всеми соблазнами, со своими ошибками.

Русский менталитет

Подход к вере у русского человека идет через сердце, а не через разум и мысли. Вера для него — это не перечень догматов и даже не только система ценностей, которые человек признает, подписывает договор, и это становится его взглядом на жизнь. Нет. Скорее для него важен опыт жизни. А это ближе именно к библейскому менталитету. Действительно, в Библии, когда речь идет о вере, не имеются в виду какие-то постулаты, а скорее то, как человек живет. Наверное, поэтому я и испытываю такую симпатию к русской культуре. Мне кажется, что она — значительно ближе к тому, каким было изначально христианство.

Национальные особенности русского народа формировались много веков именно в лоне православной веры. Они присутствовали и в советское время и сейчас. Такие качества, как верность друзьям, и даже максимализм. Все отдавать, до последнего куса хлеба. Но такая безмерная щедрость может иметь и отрицательный характер — можно все отнять, как и отдавать. Если вы внимательно прочтете вашу классику, то увидите, как русский мужик может жизнь положить ради друзей своих. С другой стороны, говорит Достоевский, русский может убить лучшего друга, чтобы украсть у него часы. Перед убийством он обязательно перекрестится и скажет: «Господи, прости!»

Есть какие-то явления, которые продолжаются с советских времен. Так называемая совковость, которая продолжается и в посткапиталистической России. Некая пассивность: государство мне что-то должно, я на это имею право. То, что государственное, казенное — можно портить, тратить, ломать.

Москва — столица капитализма. Я не знаю ни одного более капиталистического города. Не понимаю, почему москвичи с гордостью говорят о том, что Москва — самый дорогой город в Европе и в мире. Мне кажется, что здесь мало чем можно гордиться. Важнее всего стало зарабатывать деньги, делать карьеру во что бы то ни стало... Это вещи, которые не характерны для России. Не были, во всяком случае.

За Москвой идет вся страна. Она — эталон для всех. Удивительно для такой огромной страны. При рекламе товаров в крупных СМИ дается московский телефон или адрес. Даже в Италии такое немыслимо и никто не думает о том, чтобы по общенациональному ТВ говорить только о Риме.

У каждого времени — свои трудности

Русская православная церковь объявила 2008 год Годом Семьи. Это очень важно, потому что положение семьи в России катастрофическое. Об этом говорил Патриарх в рождественском послании.

Дети, которые могли бы воспитываться в нормальной семье, где присутствуют два родителя, увы, составляют меньшинство. Отсюда — череда последствий, в том числе низкая рождаемость. Если русские не хотят исчезнуть как народ, то должны прежде восстанавливать семью. Опять-таки восстанавливать — это не возврат в прошлое. Вы не будете ходить в лаптях — нереально!

И все-таки христианство — общинная религия. Индивидуально христианство невозможно. По Ветхому Завету первая заповедь — «Люби Господа Бога всем сердцем и разумением своим». А вторая, подобная ей, — «Возлюби ближнего своего как самого себя». Вот об этом говорит вся религия Моисея. Но Иисус Христос дважды говорит: «Новую заповедь даю вам», а в другом месте: «Сия есть заповедь моя». Она звучит так: «Да любите друг друга, как я возлюбил вас». Вот это действительно ново в Евангелии — взаимность. Это не только любить каждого по отдельности — любить Бога и любить ближнего. И Церковь есть ни что иное, как община людей, которые хотят действительно любить друг друга.

*Беседовала Сона Тамамян.
Фотография Евгения Стецко*

Захар Радов

Загадка Базы - 211, или Немцы в Антарктиде

Недавно стал известен рассказ последнего из оставшихся в живых участников операции «Табернал», главной целью которой был поиск и уничтожение Базы-211.

Вскоре после окончания Второй мировой войны в дипломатических кругах разгорелся скандал, связанный с... филателией. 1 февраля 1946 года британская почта выпустила в обращение серию из 8 марок. На семи из них были изображены Фолклендские (аргентинцы называют их Мальвинскими) острова, за право владения которыми Лондон давно спорил с Буэнос-Айресом; а на 8-й – карта Антарктиды. Эта марка, кроме аргентинцев, возмутила еще и чилийцев, потому что весь ледяной материк, если верить британским картографам, принадлежал Великобритании.

Зачем Соединенному королевству, ослабленному войной, понадобился новый международный конфликт из-за, казалось бы, никому не нужной необитаемой земли? Большинство историков полагают, что, выпуская марки, Лондон как бы заявлял свои права на материк, богатый полезными ископаемыми. Однако крайняя нужда в сырье — лишь часть ответа. Мало кто знает, что интерес Великобритании к Антарктиде был намного глубже. В Лондоне считали, что речь идет о национальной безопасности страны...

Удавка все туже затягивается вокруг Берлина. Столица Третьего рейха лежит в руинах, город сотрывается от разрывов десятков тысяч снарядов и бомб. Адольф Гитлер в бессильной ярости мечется по бункеру. Конечно, фюрер не намерен сдаваться в плен. На такой случай заранее был предусмотрен план побега.

Гитлер с ближайшими помощниками пробирается по подземному ходу на заброшенный аэродром и садится в самолет без опознавательных знаков и летит на... Южный полюс. Там находится сверхсекретная база, о существовании которой знают считанные единицы...

Бред какой-то, не правда ли! Конечно, к этой версии можно и, наверное, следует относиться, как к сценарию фантастического фильма. И все же немало вполне серьезных и здравомыслящих людей считают, что именно так должны были развиваться события в последние дни войны в Европе.

НОВАЯ ШВАБИЯ

Антарктида заинтересовала немцев задолго до прихода к власти

нацистов. Впервые нога подданного кайзера Вильгельма ступила на ледяной континент в 1873 году. Экспедицию на корабле «Гренланд» отправила на крайний юг планеты Немецкая навигационная компания.

Следующая экспедиция примечательна тем, что пароход «Гаусс» ровно год находился в ледяном плену. В 1911 году на юг отправился из Гамбурга «Дойчланд» под командованием Вильгельма Фильчнера, в 1925 — «Метеор» с доктором Альбертом Мерзлом на борту, а в 1938 — авианосец «Швабия» под командованием Альфреда Рихтера. За три недели два немецких самолета обследовали более 600 тысяч квадратных километров в наименее исследованной части Антарктиды, Земле Королевы Мод, и Рихтер объявил эти земли территорией Третьего рейха, назвал их Новой Швабией и сбросил с самолетов несколько тысяч пограничных столбиков со свастикой.

В Лондоне настороженно отнеслись к деятельности главного соперника на седьмом континенте, считавшемся сферой интересов Великобритании. Особенно ломать голову над истинной целью экспедиции не пришлось. В те годы все, что делалось в Германии, было так или иначе связано с приготовлениями к большой войне. Британская разведка пришла к выводу, что капитан Рихтер искал подходящее место для немецкой базы. Этот вывод подтверждала активность в военные годы немецких подводных лодок, которые часто замечали в южных морях. В спецслужбах США и Великобритании полагали, что гитлеровские субмарины ходят в Антарктиду, где немцы еще до начала войны в Европе обзавелись секретной ба-

зой, возят людей, оборудование, продукты. Предположительно, она называлась База-211.

Агенты Интеллидженс сервис установили, что 4 апреля 1944 года из Гамбурга вышла субмарина U-859 с 67 моряками и 33 тоннами ртути в стеклянных бутылках. Конечно, пунктом назначения груза ртуть в Лондоне считали Антарктиду. Зачем она понадобилась на Южном полюсе, долго оставалось загадкой. Единственный мало-мальски подходящий ответ — ртуть использовалась в качестве топлива для некоторых видов реактивных двигателей. Факты вновь указывали на то, что в Антарктиде немцы занимаются какими-то странными делами.

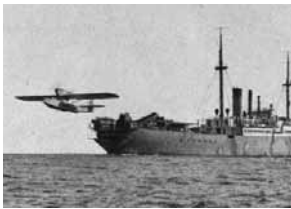
Масло в огонь добавил Карл Денниц, возглавивший с 31 января 1943 года и до конца войны подводный флот Германии и бывший главой Третьего рейха 20 дней после смерти Гитлера вплоть до своего ареста 23 мая 1945 года. Еще в 43-м адмирал объявил, что «немецкие подводники с гордостью докладывают о возведении в другой части земного шара, в Шангри Ла, неприступной крепости». Союзники по антигитлеровской коалиции увидели в этих словах намек на базу в Антарктиде.

18 июля 1945 года газеты многих стран вышли с сенсационными статьями, в которых говорилось, что Адольф Гитлер не совершил самоубийство, а прячется на Южном полюсе.

Интересно, что фюрер собирался сделать своим преемником Ганса-Ульриха Руделя, офицера люфтваффе, часто бывавшего на Терра дель Фуэге, ближайшем к Антарктиде южноамериканском острове. Упоминался Терра дель Фуэге и в одной из последних те-

леграмм, отправленных Денницу Мартином Борманом.

Шумиха в газетах поднялась через неделю после того, как 10 июля аргентинским морякам сдалась немецкая субмарина U-530 из сверхсекретного соединения «Конвой фюрера». Капитан Вильгельм Бернхард рассказал на допросе, что его корабль участвовал в операции «Валькирия-2». 13 апре-

В спецслужбах США и Великобритании полагали, что гитлеровские субмарины ходят в Антарктиду, где немцы еще до начала войны обзавелись секретной базой. Предположительно, она называлась База-211.

ля лодка вышла из Киля и взяла курс на Антарктиду. Моряки спрятали во льдах таинственные ящики, содержимое которых ему было не известно. По одной из версий, в них находились документы и реликвии Третьего рейха: Копье судьбы, Святой Грааль и другие полумифические предметы. По другой, U-530 доставила на немецкую базу в Антарктиде останки Гитлера и Евы Браун. Нашлись и такие, кто утверждал, что фюрер и его любовница скончались в Антарктиде в 1971 году.

Сдавались немецкие субмарины и после этого. Но как ни подсчитывали общее число подлодок, как ни округляли в большую сторону, но все равно около 40 подводных лодок нацистов бесследно исчезли.

Газета «Франс суар» в конце 1946 года написала о невероятном случае, произошедшем с исландским китобойным судном «Юлиана» в районе Фолклендских островов.

Исландцы были поражены, увидев неожиданно всплывшую перед ними огромную подводную лодку с фашистским флагом, окаймлен-

ным черной траурной полосой. Вооруженные автоматами немцы поднялись на борт траулера и потребовали часть улова. Немецкий офицер, бегло говоривший на английском языке, расплатился американскими долларами. На прощание он дал капитану денег из расчета 10 долларов для каждого члена экипажа и сообщил координаты огромного стада китов.

немецкую базу в районе гор Мюлиг-Гоффмана. Отправной точкой поисков должна была служить британская база Модхейм. Она находилась в 320 километрах от хребта и была самой близкой к Базе-211.

Еще раньше, в 1944 году, обитатели Модхейма наткнулись на странный тоннель. Из Лондона поступил приказ исследовать его и, если там обнаружатся немцы, уничтожить их. Та операция закончилась полным провалом. Из тридцати человек, участвовавших в ней, уцелели лишь двое. Хотя, судя по тому, что рация перестала отвечать, решили, что они тоже погибли. Последними словами из Модхейма, принятыми британским радистом на Фолклендах, был крик: «Они нашли нас!..»

Но один из них все же остался жив. И когда участников операции «Табернал» выбросили в 30 километрах от Модхейма, им удалось обнаружить его. Этот человек рассказал членам экспедиции об огромной подземной пещере, в которой нацисты оборудовали свою базу, и вход в которую удалось найти лишь потому, что предполагался он в одной из высохших долин Антарктиды.

Когда их группа прошла по тоннелю больше 20 километров, она очутилась в громадной пещере. Там было тепло и, что самое удивительное, светло. Видимо, пещера обогревалась геотермальными водами из нескольких озер, одно из которых вполне могло сообщаться с океаном. Если пещера была связана с океаном, то это — идеальное место для стоянки подводных лодок.

Пещера оказалась настолько большой и имела столь сложную конфигурацию, что начальник базы приказал разделить на не-

сколько групп. Помимо доков для субмарин, британские полярники увидели «ангары для самолетов очень необычной формы, горнопроходческое оборудование и мощную технику».

К сожалению, охрана заметила непрошенных гостей, и завязался бой. Ввиду численного перевеса немцев он оказался коротким. Британских полярников, оставшихся в живых после боя, немцы расстреляли.

Выслушав этот рассказ, группа решила обследовать этот тоннель, и на следующее утро двинулась к нему на снегоходах. Оставив двух человек у входа, остальные девять вошли в темноту. В рюкзаках они несли несколько центнеров взрывчатки, при помощи которой собирались разрушить фашистскую базу.

Свет забрезжил через четыре часа, а еще через час британцы вошли в пещеру. После двух дней разведки было решено приступить к закладке взрывчатки. Но закончить минирование отряд не успел. Неожиданно появилась немецкая охрана, и вновь завязался бой. Британцы начали отходить к тоннелю, откуда вышли только трое: норвежец, ученый и офицер, позже рассказавший об этой экспедиции.

Вернувшись на базу в Модхейм, британцы вызвали по радиации самолет и улетели на Фолклендские острова. Там им строго-настрого запретили говорить об операции «Табернал», после чего увезли на Большую землю.

АМЕРИКАНЦЫ НЕ ДОПРЫГНУЛИ

В Лондоне сомневались, что командос удалось уничтожить

Базу-211. Британцы, очевидно, понадеявшись, что своими силами с нацистами не справятся, поделились информацией с Вашингтоном.

27 января 1947 года министр обороны Джеймс Форрестол направил в Антарктиду большую эскадру в составе 40 судов, в том числе несколько эсминцев, авианосец «Касабланка», на котором базировалось 18 самолетов и 7 ге-

18 июля 1945 года газеты многих стран вышли с сенсационными статьями, в которых говорилось, что Адольф Гитлер не совершил самоубийство, а прячется на Южном полюсе.

ОПЕРАЦИЯ «ТАБЕРНАЛ»

Конечно, имея столько информации о существовании секретной немецкой базы в Антарктиде, Лондон должен был попытаться хотя бы ее проверить. Лишь совсем недавно стал известен рассказ последнего из оставшихся в живых участников операции «Табернал», главной целью которой был поиск и уничтожение Базы-211.

Об операции рассказал офицер элитного подразделения британской армии. В октябре 1945 года его вместе с несколькими другими командос тайно перебросили на Фолклендские острова и начали готовить к секретной операции.

Командиром группы был назначен майор, настоящего имени которого никто не знал. В суровых зимних условиях командос готовил норвежец, участник норвежского сопротивления. Был в отряде и свой ученый, который проходил подготовку наравне со всеми.

После месяца напряженных тренировок участников экспедиции, наконец, посвятили в ее цели. Британцам предстояло найти

Моряки спрятали во льдах таинственные ящики. По одной из версий, в них находились документы и реликвии Третьего рейха: Копье судьбы, Святой Грааль и другие полумифические предметы. По другой, на немецкую базу были доставлены останки Гитлера и Евы Браун. Нашлись и такие, кто утверждал, что фюрер и его любовница скончались в Антарктиде в 1971 году.

вертолетов, подводную лодку, ледадок «Северный ветер», а также 12 кораблей, на борту которых находились, по разным данным, от полутора до 4 тысяч морских пехотинцев.

Командовал операцией «Высокий прыжок» адмирал Рихард Берд.

Прессе объявили, что экспедиция отправляется на поиски залежей угля и других полезных ископаемых. Почему в геологической экспедиции участвуют столько военных, никто не объяснял. На самом же деле американцы хотели найти подземную Базу-211 в Новой Швабии.

Позже сторонники теории о немецкой базе в Антарктиде утверждали, что Форрестол, якобы выпрыгнувший из окна больницы с криком: «Русские идут!», с ума не сходил, а был убит, потому что собирался раскрыть эту информацию. По крайней мере, санитарам бывший министр, которого держали в полной изоляции и не раз-

решали встречаться даже с женой, успел рассказать о подземной базе нацистов вблизи Южного полюса.

Вся информация об операции «Высокий прыжок» до сих пор засекречена. Только из одного СМИ, майского номера журнала «Бризант», можно было узнать, что же на самом деле произошло в Антарктиде в 1947 году, и почему экспедиция была неожиданно прервана.

ными аппаратами, двигались, словно улитки. Не успел я и глазом моргнуть, как два «корсара» были сбиты какими-то непонятными лучами из носовых частей этих «летающих тарелок», и упали в воду рядом с кораблями. Перемещались эти штуковины абсолютно бесшумно. Они носились между кораблями, как какие-то дьявольские черные ласточки с кроваво-красными клювами, и непрерывно плевались смертельным огнем. Эсминец «Мэрдок», находившийся от нас в десяти кабельтовых, внезапно вспыхнул ярким пламенем и начал уходить под воду. Этот кошмар продолжался не больше двадцати минут. Затем противник вновь скрылся под водой, а мы начали подсчитывать потери».

В тот день американцы потеряли один корабль и четыре боевых самолета. Еще девять самолетов были сильно повреждены. Их оставили в Антарктиде как не подлежащие ремонту. Деморализованный Берд принял решение срочно уходить из Антарктиды.

Вернувшись оттуда, адмирал Берд давал длительные объяснения на заседании спецкомиссии в

Вашингтоне, которая пришла к выводу: корабли и самолеты антарктической экспедиции подверглись нападению... странных «летающих тарелок», которые «... выныривали из-под воды, и, двигаясь с огромной скоростью, нанесли экспедиции значительный урон».

По мнению Берда, эти удивительные летательные аппараты были, скорее всего, произведены на замаскированных в толще антарктического льда авиастроительных заводах нацистов, конструкторы которых овладели какой-то неведомой энергией, применявшейся в двигателях этих аппаратов. Хотя уфологи всего мира в один голос твердят, что адмирал Берд понес ощутимые потери от каких-то таинственных «летающих тарелок», изготовленных нацистами по технологии мифических инопланетян. Но сегодня есть все основания полагать, что американским самолетам дали отпор аппараты, изготовленные именно по немецким технологиям!

Примерно через 10 лет Ричард Берд отправился в очередную экспедицию в Антарктиду и погиб при загадочных обстоятельствах.

Какова же судьба непобедимой Базы-211, если она, конечно, существовала? Кое-кто считает, что она сохранилась до наших дней. Только разрослась, превратилась в целый подземный город и называется сейчас Новый Берлин. В нем будто бы живут два миллиона человек, занимающихся геной инженерией и летающих в космос. Но так ли это?..

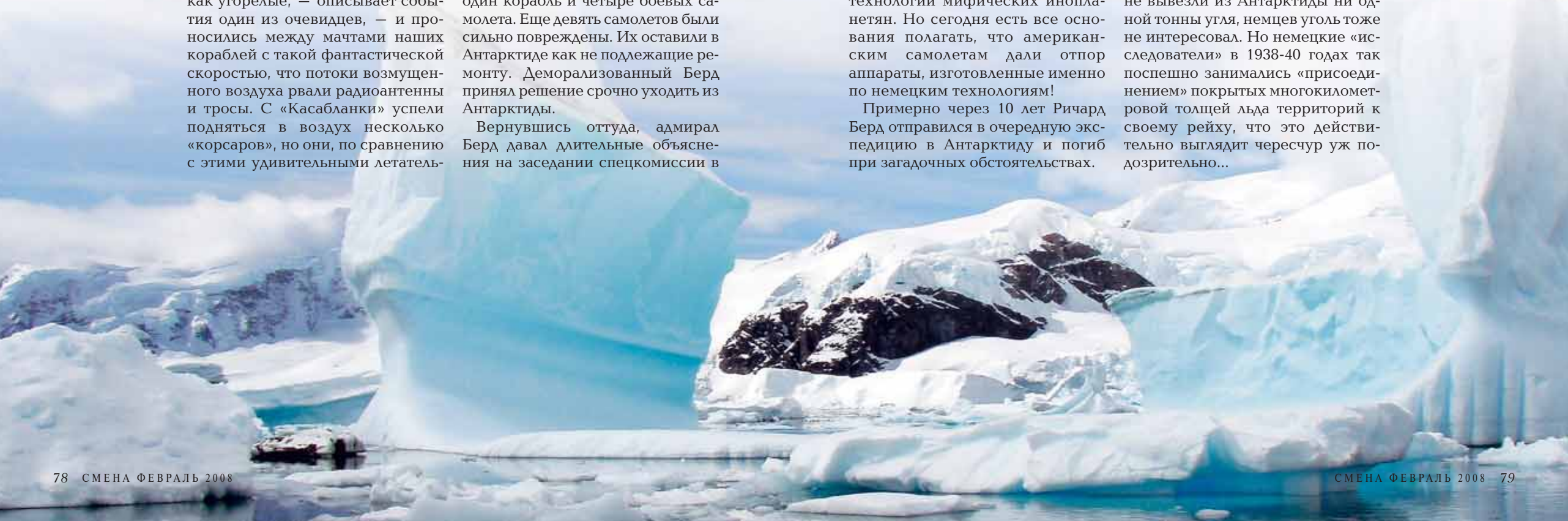
Сторонники теории заговоров считают, что «самолеты странной формы», которые видели британские командос в пещере, были летательными аппаратами, перемещавшимися с огромной скоростью и легко менявшими направление полета. Это и были те самые летающие тарелки, которые позже стали называть НЛО.

P.S. Американцы за всю историю не вывезли из Антарктиды ни одной тонны угля, немцев уголь тоже не интересовал. Но немецкие «исследователи» в 1938-40 годах так поспешно занимались «присоединением» покрытых многокилометровой толщей льда территорий к своему рейху, что это действительно выглядит чересчур уж подозрительно...

27 января 1947 года министр обороны Джеймс Форрестол направил в Антарктиду большую эскадру в составе 40 судов, в том числе несколько эсминцев, авианосец «Филиппинское море», подводную лодку и ледокол «Северный ветер». Командовал операцией «Высокий прыжок» адмирал Ричард Берд. Вся информация об операции до сих пор засекречена.

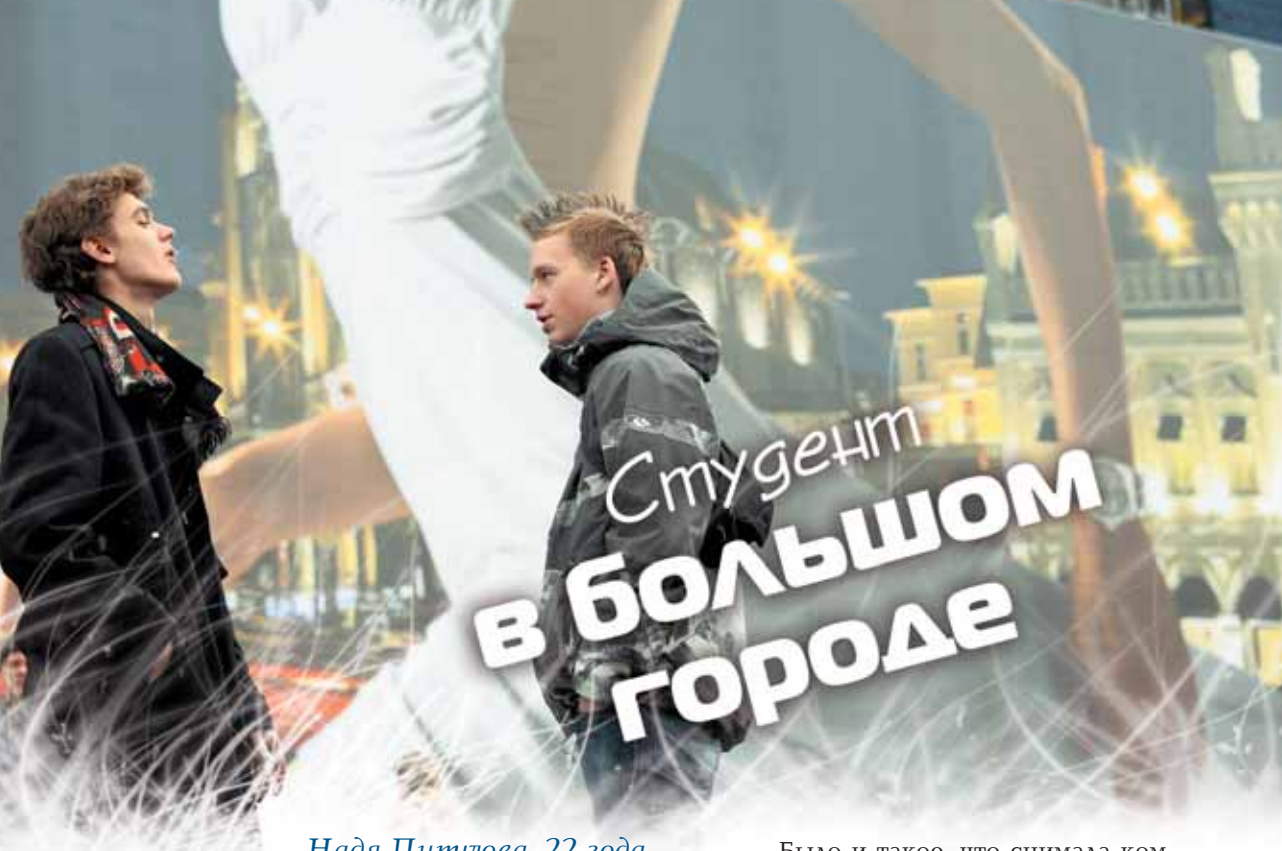
«Они выскакивали из-под воды, как угорелые, — описывает события один из очевидцев, — и проносились между мачтами наших кораблей с такой фантастической скоростью, что потоки возмущенного воздуха рвали радиоантенны и тросы. С «Касабланки» успели подняться в воздух несколько «корсаров», но они, по сравнению с этими удивительными летатель-

ПЛАНЕТА UNLIMITED
СВОЁМЫСЛИЕ

*Рубрику ведут Нина Чугунова
и Евгений Стецко.*

*Надя Питилова, 22 года
Казахстан*

С большими городами, как с большими деньгами, надо уметь поладить. У меня с Москвой был изначальный договор: она учит, я учусь. В 2003 году, после нескольких этапов экзаменационных неврозов и психозов, мы все-таки скрепили наш «союз» студенческим билетом факультета журналистики МГУ. Признаюсь, не ожидала, что Москва готовила задания из разряда «Выживешь, учтешь».

Эпопее с квартирами известны всем. Они до безобразия похожи. Декаданс, да и только! Тут были и «агенты-кидальщики»: возьмут 100 у.е. за показ квартиры, а сами на место не приезжают. Приходишь в агентство, а на тебя смотрят, как на «приезжего» с Планеты НеЛюдей и говорят: «А мы вас первый раз в глаза видим, вы, собственно, чего хотите...?»

Было и такое, что снимала комнату (в 2-комнатной квартире с хозяйкой) с одной кроватью на двоих: соседкой «по кровати» была не известная мне аспирантка из института с труднопроизносимым названием. Хозяйку квартиры, только вышедшую из сумасшедшего дома, по ночам не переставали посещать зеленые человечки и агенты Лубянки. За ней вообще круглые сутки кто-то следил. Спасаясь то от первых, то от вторых, она кричала что-то невнятное, молилась то Мухаммеду, то Христу. Каждый раз отчаянно и горько.

Потом у меня появилась своя кровать. Она стояла в трехкомнатной квартире, в которой таких развалин было штук 12, и, как ни парадоксально, заняты все. Ой, весело было: общага отдыхает!

В общем, правила съема усваивать лучше не в одиночку.

Куда интересней устройство на работу. Коллективизм сведен к ну-

~ СВОЁМЫСЛИЕ

лю. Студент должен быть, по меньшей мере, Санчо Пансой. Эдаким одиночкой с юмором.

С одиночеством еще куда ни шло, но вот юмор подводит. Особенно, когда в первый же день после собеседования на должность журналиста-редактора на 24-часовой новостной канал шеф-редактор решает провести шоковую терапию разрядом в 220 В.

Меня, как и многих, швырнули под рельсы поминутной махины, круглосуточного конвейера новостей, чтобы постфактум предъявить расплющенные останки. Однако выжила. И мой «продукт» дошел до эфира. Вернее, его довел конвейер. И, наверное, я тоже стала частью этого гигантского, нещадного механизма. И пусть я по-прежнему «кусочек мяса» для «телевизионных консервов». Пусть. Ведь кто-то должен быть на конвейерной дорожке. Иначе он остановится.

*Саша, 21 год
г. Екатеринбург*

О Москве никогда не мечталось. Сестра старшая здесь живет с мужем и ребенком. Перебралась сюда давно из Екатеринбурга. Наш родной город казался ей мрачным. Жаловалась, что дома серые, люди угрюмые... По той же причине и я «бежал» в Москву. Почти сразу после окончания школы. Пришлось с девушкой расстаться. Об этом не жалею. Мы были очень разными людьми: она — студентка третьего курса университета, журналистка, а я — выпускник школы с амбициями, как мне тогда казалось. Заранее договорился с приятелем, что буду жить у его московского знакомого в коммуналке. Делили одну комнату, маленькую, и, почему-то, с пианино.

Ни он, ни я не умели играть на пианино, так что, зря занимало место. Вещи стирали в тазике, когда можно было в ванную прорваться. Сушить разрешали только в своей комнате, на батарее. Хозяйка комнаты приходила редко. Проверяла, все ли в порядке, не мешаю ли я соседям (их было семеро, в каждой комнате не меньше двух человек).

Самыми мирными оказались две девушки-студентки из ближайшей к нам комнаты. Удалось «поделить» спаренный телефон: они разговаривали, в основном, по выходным, а мы — по будням. Мой сосед по комнате — актер. Не помню, где он учился. Какое-то театральное училище или курсы. Играл в театре у Виктюка. Вообще-то, неприятный тип. То ли долгое пребывание в одном пространстве, то ли наши сложные характеры не дали сдружиться или хотя бы поладить. Мы пару раз поболтали, после совсем перестали общаться. Сосед был весь с головой в театре, и никого к себе не водил в гости. Мне не хватало живого диалога — часто приглашал в гости девушек, в основном, новые знакомые из клубов, с концертов. С соседом не ругались, но было все равно что-то не так.

Первой серьезной московской проблемой оказались деньги. Те, что привез из Екатеринбурга, потратил быстро — Москва большая! Тогда сестра помогла устроиться работать на телевидение, музыкальный канал. Зарплата такая, что надо было жить скромно. По московским меркам, за коммуналку я платил очень мало — одна комнатка на двоих с соседом. Мобильный телефон, концерты, пиво... Знакомых появилось много, а настоящих друзей — нет. Приезжал друг из родного города пару раз. Договорился с соседом, что будет спать у

нас на полу в спальнике. Соседу моя идея не понравилась, но из вежливости ничего не сказал. На второй день к другу пришла девушка. Они еще в Екатеринбурге встречались. Потом она переехала в Москву. Поступила в Медицинский университет, училась уже на третьем курсе. Приезд друга, мои воспоминания, другие обстоятельства... Обстановка оказалась гнетущей до такой степени, что я всеерьез надумал съезжать от соседа. Надоели чужие люди везде, недовольство, умалчивание какое-то, тесная комната.

Друг уехал, но начались «горячие» дни на канале. Я работал в отделе менеджмента. Поток клиентов, да еще календарное событие. Музыкальная премия года. Работал почти непрерывно несколько дней. Держался на энергетических напитках. Это почти то же самое, что черный кофе, только сил больше давало.

Неожиданно приехала мама. В коммуналку пригласить неловко. Встретил ее, погуляли по Москве. Предложил вместе навестить беременную сестру. Они тогда жили вдвоем с мужем на съемной квартире. Маме, кандидату философских наук, не понравилось, что я трачу время на ерунду. Уговорила поступать в московский вуз. На мой взгляд, самым демократичным оказался РУДН. Готовился, сдавал вступительные экзамены. Приняли! Общагу, правда, долго не давали. Пришлось какое-то время жить у сестры до рождения ребенка, потом — у друзей. Наконец, перебрался в общежитие. Общага наша — место специфическое, как говорят, на любителя. Запахи экзотических блюд, бесконечные компьютерные игры и т.д. К РУДН привык, хотя первый год

друзей не было никаких. Потом появилась одна подруга. Пока не работаю. Стипендия зато есть, и родители присылают деньги из Екатеринбурга. Летом их навещаю. Как-то раз все два месяца прожил там. Обрато вернулся и чувствую, насколько домашнее отличается от московского. Сильно тянуло домой! Учиться — не могу сказать, что очень нравится, но я занимаюсь разными сетевыми проектами. Поначалу было совсем бесплатно, а сейчас они уже немного окупаются. Это интересно. Один большой плюс РУДН — иностранные языки. Здесь я начал учить испанский. Мечтаю поехать дикарем куда-нибудь, например, в Мексику. Москва разная, хотя и большая. При желании можно жить хорошо, учиться и работать.

*Анастасия, 24 года,
г. Киров*

На мой взгляд, полноценно учиться на дневном отделении и при этом работать по стандартному графику — невозможно. Конечно, можно заняться фрилансом, но это довольно-таки непостоянный вид заработка. А для студента первого курса, который снимает квартиру и не получает дотаций со стороны, это не вариант. Поэтому, поступая в столичный вуз, я сознательно шла на «вечерку».

Почему-то большинство переезжающих в Москву думает, что основная трудность, — найти работу. Отнюдь. Если у вас две руки, две ноги и голова на плечах, то найти себе занятие вы сможете. Гораздо сложнее — с жильем. Это первое серьезное испытание для тех, у кого не оказалось родственников или друзей, готовых приютить на первое время.

Вопрос № 1 – квартирный

Очень многие студенты, переезжавшие на вступительных экзаменах, сбиваются в прайды и снимают жилье сообща. Это дешевле и веселее. У меня был как раз такой вариант студенческой коммуналки за МКАДом, практически без мебели и техники. На полу — матрас, вместо шкафа — гладильная доска, пельмени из тазика — такие истории может рассказывать почти каждый приезжий студент без средств, и это, в общем-то, не новость. Кто-то после пережитого остается друзьями на всю жизнь, а кто-то потом о бывших соседях слышать не может, и денежный вопрос тут не последний. Ведь холодильник у вас общий, плюс мыло, сахар, спички, зубная паста и бог знает что еще. Дели-не дели, а все равно приходится строить коммунизм в отдельно взятой квартире.

Но даже такой «дворец»-общагу за приемлемую для студентов цену найти очень сложно. Меня в первый раз благополучно обманули в одном из информационных агентств на ощутимую тогда сумму. Через два дня нужно было вынести вещи, и что самое обидное, я должна была оказаться на улице в свой день рождения. Хорошо, что оказался на свете недобросовестный агент по недвижимости Вася, который сдал нам квартиру в обход своего работодателя.

Вопрос № 2 – рабочий

Я не могу сказать, что мне сразу повезло с работой. Даже, скорее, не повезло. В то время я не знала о сайтах, через которые ищут работу, и никакого приличного опыта у меня не было. Советчика тоже не нашлось — все соседи-первокурсники были зелеными в одинаковой

степени. Поэтому месяц у метро с листовками мне был практически обеспечен. Это уже потом ты обростаешь опытом и контактами, и найти приличную работу не составляет труда. Но в первый раз — лотерея. Особенно трудно после жизни с родителями получить сразу два в одном: учеба плюс работа. Я полгода привыкала к новому ритму, и се-стра до сих пор не может понять, как можно так жить. Но так живут почти все студенты-вечерники. Это как в анекдоте про маленьких собачек: как вы думаете, почему они такие злые? — просто они концентрированные. Не то чтобы событий становится слишком много, просто они идут плотнее.

Основная проблема лично у меня — это недосып и необходимость объяснять каждому новому работодателю, что тебе нужно уходить на полчаса раньше, зато ведь и приходишь ты будешь тоже раньше. Эти полчаса — от куда не денешься. Потому что лекции начинаются в шесть вечера, и рабочий день, черт побери, тоже до шести. В остальном одно другому не мешает. Прелесть вечернего отделения в том, что, по сути, тебя никто не заставляет усердно учиться и постоянно отпрашиваться с работы. Каждый возьмет ровно столько знаний, сколько захочет. Можно появляться пару раз в семестре, потом как-нибудь сдать экзамены и как-нибудь получить диплом. Если все ради корочки, то это вполне себе реально. Если хочется действительно поучиться, придется напиться и в суровом варианте проводить выходные в библиотеках.

В общем и целом, я пережила все классические прелести переезда в столицу, и могу точно сказать, что безвыходных ситуаций нет.

Подготовила Анна Сулемина.

Фильтруйте звук, господа аудиалы!

Анастасия
Мелентьева

Больше половины часов в сутки они обитают в обществе неосознанных, но столь ясных и ощутимых мелодий, вибраций, голосов. Аудиалы — поглотители радиоэфира станций FM-диапазона, «с плеером в ушах», любители бесед, «теле-

фонные пылесосы», заядлые поклонники аудиокниг. Именно на этой категории людей и делают свой бизнес «музыкальные книгопродавцы». Аудиалы составляют 25% от общего числа потенциальных покупателей аудиокниг. Очень хорошо! Жаль только, что сегодня аудиокнижная ниша в России по сравнению с США, Великобританией или Германией слегка провисает. Чем больше слушателей у таких книжек, тем лучше будет развита от-

расль: достойный выбор, возможные варианты музыкальной обработки произведений, новые форматы аудиокниг.

Бытует мнение: аудиокниги кон-

курируют с бумажными. Не могу с этим согласиться хотя бы потому, что круг читателей бумажных книг постоянен независимо от эпохи. Человек, получающий удовольствие от запаха типографской краски, шелеста свежих, кое-где не расклеенных страниц, ценитель хороших иллюстраций не может погибнуть. Он никогда не изменит любимому кожаному корешку. Книга как фетиш! Совсем другое дело с аудиокнижниками. Выбирают подобный носитель из-за максимального удобства, возможности лучшего восприятия, своего способа получения удовольствия от звука, насыщенного информацией.

Час работы настоящего профессионала при записи аудиокнижки стоит, в среднем, 200 долларов. Плюс гонорар автору произведения, звукорежиссеру, аренда звукового содержания, дизайнерское оформление диска, тираж (в России он составляет 1000 — 2000 экземпляров). Себестоимость на-

стоящей аудиокнижки у нас может превышать 10 000 долларов. Возможно, поэтому официально выпущено не более 2000 наименований.

На российском рынке успешно работает 30-40 легальных медиакомпаний. В 2007 году издательство «Эксмо» приобщилось к ним, приобретя 51% акций/долей бизнес-направления аудиокниг фирмы «Сидиком» и 25% плюс одна акция издательства «Манн, Иванов и Фербер». «Эксмо» занимает 14% книжного рынка нашей страны. Думаю, такой смелый шаг включает в себе ответ на вопрос «Выживут ли аудиокниги в некогда самой читающей державе?». Попытки закрепиться

на рынке аудиокнижной продукции сделали и другие: «Буквоед», «Топ-книга», «Снарк»... К примеру, «Буквоед» открывает специализированный отдел аудиокниг в своем главном магазине, что на Площади Восстания в Санкт-Петербурге. Как обстоит дело с аудиокнигами за границей? Аудиокнига в США существует более 70 лет. Ежегодно вручаются премии за лучшие продукты (Grammy, Audie Awards). Причем, если в России выпускаются, в основном, MP3-книги, то в США наиболее удобной формой текстовой и звуковой записи наравне с CD до сих пор считаются магнитные ленты.

Обернемся и посмотрим... в сторону. Как обстоит дело с аудиокнигами за границей? Аудиокнига в США существует более 70 лет. Ежегодно вручаются премии за лучшие продукты (Grammy, Audie Awards). Причем, если в России выпускаются, в основном, MP3-книги, то в США наиболее удобной формой текстовой и звуковой записи наравне с CD до сих пор считаются магнитные ленты. Американские мамы и папы находят аудиокассеты безопасными для малышей из-за прочности оных. Взрослые покупают через интернет и слушают книги на CD. В России сетевые продажи аудиокниг не практикуются из-за

наличия записей в свободном сетевом доступе. Зарубежная аудиокнижка снабжается «замочком» DRM, защищающим авторские права. В октябре 2007 года после долгих колебаний известный мировой книгоиздатель Penguin прекратил сотрудничество со вторым по величине сетевым магазином eMusic из-за того, что последний не применяет DRM-технологии при продаже. Учитывая, что доля продаж аудиокниг в мире — 10% (2.5-3 млрд. долларов в год) от общего книгоиздательского, можно всерьез говорить о защите авторских прав. Львиная доля дохода приходится на США (925 млн. долларов). Остальное в равной мере делят между собой Западная Европа и другие страны. Аудиокнига — удобство в эксплуатации или вынужденная необходимость? Без звукового текста не учат иностранные языки. Отсюда распространенное явление — лингафонные кабинеты в крупных библиотеках, университетах и некоторых продвинутых школах. Вспомните любимые детские пластинки? Они не просто отвлекали ребенка, как игрушка. Развивалось образное мышление, фантазия малыша. Подобным же образом действовали и познавательные радиопередачи, нынче которых большая нехватка. Гармоничный звук не возбуждает, помогает сосредоточиться, не отвлекаясь на шум и мелькающие картинки. Все это способствует здоровому развитию маленького и лечит психическое здоровье большого человека нашего стремительного мира, испещренного частую лишней информацией. Учитесь фильтровать звуки.

Приятного прослушивания!

Приятного прослушивания!

УСТРОЙСТВО ПРИШЕЛЬЦЕВ

ИЗЛУЧАЮЩИЕ СВЕТ

...У юной Франсуаз Маретт (девичья фамилия Дольто) были все шансы стать невротиком.

Она родилась в 1908 году и росла в большой семье. В детстве она часто слышала фразу: «Франсуаза, поменьше говори, откуда эти фантазии!»

С детьми было не принято разговаривать на отвлеченные темы, общепринятая модель отношений между родителями и детьми была далека от сегодняшней (тоже, впрочем, не идеальной). Вопросы любознательной девочки часто оставались без ответа. Например, она слышала: «Креветки хотят быть сваренными живыми». Она вопрошала: «Откуда вам знать, чего хотят креветки?», и в ответ получала: «Мой Бог, как она глупа!»

Фрагмент

Детство Дольто

Софья Суцневская

Рубрику ведут *Нина Чугунова*
и *Евгений Стецко*.

Она не забыла этого сверхценного опыта вживания в язык, через которое проходит каждый ребенок. Позже своим коллегам она описывала эти беспрестанные поиски смысла, продиранья сквозь видимое бессмыслие, выстраивание своего словесного мира. Слово в ее жизни и ее работах отныне будет стоять во главе угла, Слово, которым надо насытить ребенка, воспитать его душу.

Она очень рано поняла, что и болезнь, и здоровье — совокупность наших взаимоотношений — с самим собой, с миром, с другими людьми. Таким образом, физическое состояние ребенка — лишь продолжение его психического состояния. В своей последней книге «Автопортрет психоаналитика» она описывает случай, который произошел с ее младшим братом Филиппом. Гувернантка и кухарка поскадалили и с истошным криком ворвались в детскую, где Филипп ел свою кашу. Через некоторое время мальчика стошнило, и мать вызвала врача, опасаясь за здоровье сына. Доктор прописал голодную диету и постельный режим. Для матери и всех остальных это были два никак не связанных между собой события — ссора домашних и «болезнь» мальчика. От Франсуаз же не скрылось то, что брата стошнило как бы в унисон с гувернанткой, которая изрыгала словесные нечистоты. Взрослые гадали, почему у мальчика случилось несварение желудка, а для 5-летней девочки было очевидно, что брат хотел что-то донести, но его никто не слышал. Она недоумевала, почему доктор не поговорил с малышом, не попытался Словом вывести причины случившегося... Для доктора Дольто много лет спустя было очевидно, что дети стре-

мятся эмоционально сравняться со взрослыми в силу своей восприимчивости к чужому настроению; что наши болезни — это слепки наших психических проблем и недомоганий; что лечить тело, оставляя в стороне душу, бессмысленно. Так что, Дольто можно назвать предтечей психосоматики, ныне признанной и одобренной.

В 8 лет на вопрос: «Кем ты будешь, когда вырастешь?», Франсуаз ответила: «Врачом-воспитателем». Ребенок интуитивно чувствовал, что лечить без воспитания нельзя. Она и стала первым детским психоаналитиком, бравшимся работать даже с грудными пациентами.

Когда ей было 12 лет, умерла старшая сестра Жаклин. Мать бросает Франсуаз фразу, которая отравила ее отрочество: «Это потому, что ты плохо молилась». Чувство вины, боль утраты, пошатнувшиеся основы мира окрасили юность Франсуазы в невеселые краски. Ее поступление на медицинский факультет не вызвало восторга у матери и добавило напряжения. Ее жизнь в семье была удушающей. Но она сделала свой выбор, а не выбор матери, отца, семьи, и прожила свою жизнь, **согласно предназначению.**

Дольто умерла в 80 лет, написав 20 книг, 2 из которых стали безусловной классикой педагогики XX века — «На стороне ребенка» и «На стороне подростка». Читать ее непросто. Стиль ее местами афористичен, местами конспективен. Несмотря на то, что Дольто была популяризатором науки, книги ее требуют вдумчивого чтения, они далеки от популярных психологических поделок. Тем не менее, родитель, пожелавший вспомнить свое детство, будет вознагражден сполна. Понимать своего ребенка можно, только научившись понимать себя.

Полностью
читайте в № 1
журнала
«Дигадога»,
март 2008 г.

Оригинальный человек

Наступила минута молчания, и среди лязга ножей о тарелки, смутного говора за дальними столами, шороха одежд и поскрипывания полов под быстрыми ногами лакеев чей-то тихий и кроткий голос произнес:

— А я люблю негритянок!

Антон Иванович поперхнулся водкой, которую глотал; собиравший посуду лакей исподлобья бросил безразлично-любопытный взгляд, все с изумлением обернулись к говорившему, — и тут впервые увидели дробное личико с рыжими усиками, концы которых намокли в водке и щаж и темнели, бесцветные маленькие глазки и тщательно причесанную головку Семена Васильевича Котельникова. Пять лет служили они вместе с Котельниковым, каждый день здоровались с ним и прощались, и о чем-то говорили, всякое двадцатое число после получки жалования вместе с ним обедали в ресторане, как сегодня, и первый раз увидели его. Увидели и изумились. Оказалось, что Семен Васильевич даже недурен, если не считать усиков и веснушек, похожих на грязные брызги от резиновой шины, что он хорошо одевается, и высокий белый воротничок у него — самый чистый, хоть и бумажный.

Прокашлявшись, Антон Иванович, столоначальник, еще красный от напряжения, внимательно и любопытно оглядел выпученными глазами смутившегося Семена Васильевича и, задышавшись, с ударением спросил:

— Так вы, Семен ... как вас?

— Семен Васильевич, — напомнил Котельников и выговорил не «Василич», а полностью: «Васильевич», и это всем понравилось, как выражение чувства достоинства и самоуважения.

— Так вы, Семен Васильевич... любите негритянок?

— Да, я очень люблю негритянок.

Леонид Николаевич Андреев (1871 — 1919) — один из самых ярких, противоречивых, необычных русских писателей XX века.

Закончив в 1897 году юридический факультет Московского университета, он несколько лет выступал в суде в качестве защитника.

Поддержанный Горьким (он помог молодому писателю в 1901 году выпустить первый сборник рассказов), Анд-

реев вскоре не только сравнялся славой с ним, но и превзошел его.

В своих рассказах Леонид Андреев показывал не только трагедию маленького человека в огромном, чуждом ему мире, но затрагивал и психологические проблемы своих героев, потрясенных социальной несправедливостью. И эта потрясенность находила живой отклик у читателей — каждый новый рассказ

вызывал бурные дискуссии, отвержение или восторг и становился событием в общественной жизни: «Бездна», «Тьма», «Красный смех», «Иуда Искариот», «О семи повешенных», роман «Сашка Жегулев» и многие другие.

Позже Андреев обратился и к драматургии. Его драмы «Царь-голод», «Дни нашей жизни» сразу же появились на сценах столичных и провинциальных театров.

В 1906 году Андреев поселился в Финляндии. Не покидая своего дома, он неожиданно становится эмигрантом, так как Финляндия отделяется от России. Но Россия Андреева как писателя отнюдь не отвергла. В 1911-17 годах выходит полное собрание сочинений писателя в 17 томах.

Сам же Андреев готовил свой сборник и включил в него рассказы, которые считал лучшими, так как они вы-

И голос у него был хотя и тихонький и как будто немного сморщенный, как залежавшаяся щуплая репа, но приятный. Антон Иванович поджал нижнюю губу, так что седые усы уперлись в самый кончик красного, с ямочками, носа, обвел всех чиновников округлившимися глазами и, выдержав необходимую паузу, густо и сочно захохотал:

— Ха-ха-ха! Он любит негритянок! Ха-ха-ха!

И все дружно засмеялись, и толстый и мрачный Ползиков, вообще не умевший смеяться, болезненно заржал: ги-ги-ги! Семен Васильевич тоже хохотал тихоньким и дробным, как сухой горох, смешком, краснел от удовольствия, но в то же время слегка боялся: не вышло бы каких неприятностей.

— Да вы это серьезно? — спросил Антон Иванович, отсмеявшись.

— Вполне серьезно-с. В них, в этих черных женщинах, есть нечто такое пламенное, или, как бы это вам пояснить, экзотическое.

— Экзотическое?

И опять все прыснуло, но, смеясь, соображали, что Семен Васильевич даже образованный и умный человек, так как знает такое редкое слово: экзотический. Потом начали с жаром доказывать, что негритянок любить нельзя: они черные, маслянистые, у них невозможно толстые губы, и от них пахнет чем-то дурным.

— А я люблю! — скромно настаивал Семен Васильевич.

— Вольному воля, — решил Антон Иванович. — А я скорее козу люблю, чем эту черномазую.

Но всем стало приятно, что среди них, на правах их товарища, находится такой оригинальный человек, который серьезно любит негритянок, и по этому случаю заказали еще полдюжины пива, а на соседние столы, где не было оригинальных людей, стали смотреть с некоторым презрением. И говорить начали громче и развязнее, а Семен Васильевич перестал сам зажигать спичку для своей папиросы и ждал, пока подаст огня лакей. Когда пиво было выпито, и заказали еще, толстый Ползиков сурово поглядел на Семена Васильевича и с упреком сказал:

— Почему мы с вами, господин Котельников, до сих пор на «вы»? Кажется, в одном ведь отделении лямку трем. Нужно брудершафт выпить, если вы порядочный человек.

ражали главную мысль писателя — поиск смысла жизни.

Как любил говорить Андреев, «природа или натура человека дают мне только материал, я же его перерабатываю в своей лаборатории, и это новое и похоже, и не похоже на жизнь».

Именно из этого «андреевского» сборника мы предлагаем вашему вниманию несколько малоизвестных рассказов писателя.

— Извольте. Я с большим удовольствием, — согласился Семен Васильевич. Он то сиял от восторга, что его, наконец-то, увидели и оценили, то боялся почему-то, что его побьют, и на всякий случай держал руку у груди, чтобы загородить, в случае нужды, лицо и прическу. После Ползикова он выпил на брудершафт с Троицким и Новоселовым и остальными, и так крепко целовался, что губы его распухли. Антон Иванович пить брудершафта не стал, но приветливо заявил:

— Когда будете в наших краях, заживайте. Хоть вы и любите негритянок, но у меня дочери. Им будет интересно поглядеть на вас. Так вы это серьезно?

Семен Васильевич поклонился, и хотя немного покачивался от пива, но все заметили, что и манеры у него хорошие. По уходе Антона Ивановича еще пили, а потом шумно, всей компанией, шли по Невскому и ни перед кем не сторонились, а сами заставляли всех сторониться. Семен Васильевич шел посредине под руку с Троицким и мрачным Ползиковым и объяснял:

— Нет, брат Костя, ты этого не понимаешь. В негритянках есть нечто особенное, так сказать, экзотическое.

— И понимать не хочу, — говорил Ползиков, — черная и черная, и больше ничего.

— Нет, брат Костя, для этого нужен вкус. Негритянки, они, брат... — До этого дня Семен Васильевич ни разу не думал о негритянках и не мог более точно пояснить, что в них хорошего, и повторил: — Они, брат, пламенные.

— Ну, чего ты споришь, Костя! — сердито говорил Троицкий, спотыкаясь и шлепая большой, обмененной калошей. — Удивительный ты спорщик, все не по тебе. Значит, он знает, почему любит. Валяй, Сеня, люби, не слушай дураков. Ты у нас молодец, мы возьмем вот сейчас да скандал устроим. Ей-богу, какого черта!

— Черная и черная, только и всего, — угрюмо настаивал Ползиков.

— Нет, Костя, ты этого не понимаешь... — объяснял ему кротко Семен Васильевич, и так они шли, качаясь, гадя, споря и толкаясь, и очень довольные.

Через неделю весь департамент знал, что чиновник Котельников очень любит негритянок, а через месяц об этом знали швейцары соседних домов, просители и постовой городской на углу. На Семена Васильевича приходили смотреть из соседних отделений барышни, работавшие на ремингтоне, а он сидел тихонький и скромный, и все не знал наверное, будут хвалить его или побьют. Один раз он был уже на вечере у Антона Ивановича, пил чай с вишневым вареньем на новой камчатной скатерти и объяснял, что в негритянках есть нечто экзотическое. Барышни конфузились, а дочь хозяина, Настенька, читавшая романы, щурилась близорукими глазами, поправляла завитушки и спрашивала:

— Но почему?

И всем было очень приятно, а когда интересный гость ушел, о нем говорили с большим сочувствием, и Настенька называла его жертвой пагубной страсти. И Семену Васильевичу понравилась Настенька, но так как он любил только негритянок, то не решился показать этого, и был

хоть и вежлив, но холоден и недоступен. И всю дорогу он думал о негритянках, какие они черные, маслянистые и противные, и при мысли, что он целует одну из них, у него делалось что-то вроде изжоги, хотелось тихонько плакать и писать к матери в провинцию, чтобы она приезжала. Но за ночь он поборол припадок малодушия, и когда утром явился в канцелярию, то по всей его фигуре, по красному галстучку, по таинственному выражению лица видно было, что человек этот очень любит негритянок.

Вскоре после этого Антон Иванович, принявший участие в его судьбе, познакомил его с одним театральным репортером, а репортер бесплатно привел его в кафешантан и представил директору, m-г Жаку Дюкло.

— Вот этот господин, — сказал репортер, выдвигая вперед скромно склонившегося Семена Васильевича, — вот этот господин очень любит негритянок. Никого, кроме негритянок. Изумительный оригинал. Вы ему, Жак Иванович, окажите поощрение, потому что если таких не поощрять, то кого же поощрять? Это, Жак Иванович, дело общественное.

Репортер покровительственно похлопал Семена Васильевича по узенькой, гладко обтянутой спине, а директор, француз с храбрыми черными усами, вскинул глаза к небу, как бы что-то отыскивая, сделал решительный жест и, стрельнув черными глазами в продолжавшего кланяться чиновника, сказал:

— Негритянок! Это превосходно. У меня сейчас есть три прекрасные негритянки.

Семен Васильевич слегка побледнел, но m-г Жак очень любил свое учреждение и ничего не заметил. А репортер попросил:

— Да вы ему, Жак Иванович, дайте бесплатный билетик. Сезонный.

С этого вечера Семен Васильевич начал ухаживать за негритянкой, мисс Коррайт, у которой белки глаз были как глубокие тарелки, а самый зрачок не более черносливины. И когда она, медленно поворачивая весь этот снаряд, делала ему глазки, ноги у него холодели, он поспешно кланялся, блестя под электричеством своей напояженной головкой, и с тоской думал о бедной своей матери, которая живет в провинции. Порусски мисс Коррайт ни слова не понимала, но, к счастью, нашлось много добровольных переводчиков, которые приняли близко к сердцу интересы молодой пары и точно передавали Семену Васильевичу восторженные о нем отзывы черной девицы.

— Она говорит: никогда еще не видала такого любезного и красивого джентльмена. Верно?

Мисс Коррайт учащенно кивала черной головой, скалила зубы, широкие, как клавиши у фортепиано, и во все стороны двигала своими тарелками. А Семен Васильевич так же бессознательно кивал головой и бормотал:

— Скажите ей, пожалуйста, что в негритянках есть нечто экзотическое.

И все были очень довольны. Когда Семен Васильевич в первый раз целовал негритянку руку, смотреть собрались почти все артисты и многие зрители, и один старый купец, Богдан Корнейч Селиверстов, проследил от умиления и патриотических чувств. Потом пили шампанское, и два дня у Семена Васильевича было мучительное сердцебиение, он не

ходил на службу и несколько раз начинал письмо: «Дорогая маменька», но от слабости не мог кончить. А когда явился в канцелярию, его пригласили в кабинет его превосходительства. Семен Васильевич пригладил щеткой волосы, вздыбившиеся за время болезни, расправил темные кончики усов, чтобы говорить яснее, и, замирая от страха, вошел.

— Послушайте. Правда, мне сказали, что вы... — Его превосходительство заикнулся. — Правда, что вы любите негритянок?

— Так точно, ваше превосходительство.

Генерал сосредоточил взгляд на его темени, на гладкой середине которого упорно поднимались и дрожали два тонкие волоска, и несколько удивленно, но вместе одобрительно спросил:

— Э, но почему же вы их любите?

— Не могу знать, ваше превосходительство, — ответил Семен Васильевич, так как мужество его покинуло.

— То есть как же не можете знать? Кто же может знать? Э, вы не стесняйтесь, мой милый. Я люблю в моих подчиненных проявление самостоятельности и вообще самостоятельности, если они, конечно, не переходят известных законных границ. Скажите же мне откровенно, как бы вы сказали вашему отцу, почему вы любите негритянок?

— В них, ваше превосходительство, есть нечто экзотическое.

В тот же вечер за генеральским винтом в Английском клубе его превосходительство, сдавая карты пухлыми белыми руками, с деланной небрежностью заметил:

— А у меня в канцелярии есть чиновник, который ужасно любит негритянок. Простой писец, представьте.

И трем другим генералам стало завидно: у них у каждого, в департаменте, было много чиновников, но это были самые обыкновенные, неоригинальные и бесцветные люди, о которых нечего было сказать. Желчный Анатолий Петрович долго думал, остался на верных четырех без одной и за следующей сдачей сказал:

— Вот тоже мой экзекутор: половина бороды черная, а половина рыжая.

Но все поняли, что победа осталась на стороне его превосходительства: экзекутор несколько не повинен в том, что у него половина бороды рыжая, а половина черная, и, вероятно, сам этому не рад, а указанный чиновник самостоятельно, по доброй воле, любит негритянок, каковое пристрастие, несомненно, свидетельствует о его оригинальных вкусах. А его превосходительство, как бы ничего не замечая, еще добавил:

— Утверждает, что в негритянках есть что-то экзотическое.

Существование во втором департаменте удивительного оригинала создало ему весьма лестную популярность в чиновничьих кругах столицы и породило, как это всегда бывает, много неудачных и жалких подражателей. Один седой и многосемейный писец из шестого департамента, уже двадцать восемь лет незаметно сидевший за своим столом, всенародно заявил, что он умеет лаять по-собачьи, а когда над ним только посмеялись и всем отделением начали лаять, хрюкать и ржать, он очень сконфузился и впал в двухнедельный запой, забыв даже подать рапорт о болезни, как делал во все эти двадцать восемь лет. Другой чиновник, молоденький, притворился влюбленным в жену китайского посланника

и на некоторое время привлек к себе общее внимание и даже сочувствие, но опытные взоры скоро различили жалкую и недобросовестную подделку под истинную оригинальность, и неудачник был позорно ввергнут в пучину прежней безвестности. Были и другие попытки в том же роде, и вообще, в тот год среди чиновников замечался особый подъем духа, давно таившаяся тоска по оригинальному и с особенной силой охватила чиновничью молодежь и в некоторых случаях повела даже к трагическим последствиям: один канцелярист, сын хороших родителей, не сумев выдумать ничего оригинального, наговорил дерзостей начальству и был изгнан со службы. И у самого Семена Васильевича появились враги, открыто утверждавшие, что он ничего не понимает в негритянках, но как бы в ответ им в одной газете появилось интервью, в котором Семен Васильевич публично заявил, с разрешения начальства, что он любит негритянок за то, что в них есть нечто экзотическое. И звезда Семена Васильевича засияла новым немеркнущим светом.

Теперь на вечерах у Антона Ивановича он стал самым желанным гостем, и Настенька не раз горько плакала — так ей жаль было его загубленную молодость, а он гордо сидел по самой середине стола и, чувствуя направленные отовсюду взгляды, делал несколько меланхолическое и в то же время экзотическое лицо. И всем: и самому Антону Ивановичу, и его гостям, и даже глухой бабушке, перемывавшей на кухне грязную посуду, было приятно, что в доме у них совсем запросто бывает такой оригинальный человек. А Семен Васильевич возвращался домой и плакал в подушку, так как очень любил Настеньку и всей душой ненавидел проклятую мисс Коррайт.

Перед Пасхой прошел слух, что Семен Васильевич женится на негритянке мисс Коррайт, которая для этого случая принимает православие и покидает службу у м-г Жака Дюкло, и что посаженным отцом у него будет сам его превосходительство. Сослуживцы, просители и швейцары поздравляли Семена Васильевича, а он кланялся, хоть и не так низко, как прежде, но еще более галантно, и прилизанная головка его блестела в лучах весеннего солнца. На последнем перед свадьбой вечере у Антона Ивановича он был положительным героем, и только Настенька через каждые полчаса бегала в свою комнатку плакать и так потом пудрилась, что с лица ее пудра сыпалась, как с мельничного жернова мука, и оба соседа ее в черных сюртуках побелели соответственно этому количеству. За ужином все поздравляли жениха и пили за его здоровье, а разошедшийся Антон Иванович сказал:

— Одно, брат, интересно: какого цвета будут у тебя дети?

— Полосатые, — мрачно сказал Ползиков.

— Как же это, полосатые? — изумились гости.

— А так: полоска белая, полоска черная, полоска белая, полоска черная, — все так же безнадежно пояснил Ползиков, которому всем сердцем жаль было старого друга.

— Не может этого быть! — возмутился побледневший Семен Васильевич, а Настенька, не сдержавшись, всхлинула и выбежала из-за стола, чем произвела общий переполох.

Два года Семен Васильевич был самым счастливым человеком, и все радовались, глядя на него и вспоминая его необычайную судьбу. Одна-

жды он был принят с супругой у самого его превосходительства и при рождении ребенка получил довольно крупное пособие из сверхсметных сумм, а вскоре затем, вне очереди, был назначен помощником делопроизводителя четвертого стола. И ребенок родился не полосатый, а только слегка серый, вернее, оливковый. И всюду Семен Васильевич говорил о том, как горячо любит он жену и сына, но не торопился возвращаться домой, а возвратившись, не торопился дергать за ручку звонка. А когда на пороге его встречали широкие, как фортепианные клавиши, зубы и вертящиеся белые тарелки, и гладко причесанная голова его прижималась к чему-то черному, маслянистому и пахнущему мускусом, он весь замирал в чувстве тоски и думал о тех счастливых людях, у которых белые жены и белые дети.

— Милая! — говорил он покорно и, по настоянию счастливой матери, шел смотреть малютку.

Он ненавидел губастого, серого, как асфальт, малютку, но покорно нянчил его, мечтая в глубине души о возможности уронить его нечаянно на пол.

После долгих колебаний и потаенных вздохов он написал матери в провинцию о своей женитьбе и, к удивлению, получил от нее весьма радостный ответ. Ей тоже было приятно, что сын у нее такой оригинальный человек и что сам его превосходительство был посаженным отцом, а относительно черноты тела и дурного запаха она выражалась так: пусть морда овечья, была бы душа человечья.

А через два года Семен Васильевич умер от брюшного тифа. Перед кончиной он послал за приходским священником, и тот с любопытством оглядел бывшую мисс Коррайт, расправил широкую бороду и многозначительно сказал:

— Н-да.

Но видно было, что он уважает Семена Васильевича за оригинальность, хотя и считает ее греховной. Когда батюшка наклонился к умирающему, последний собрал остатки сил и широко раскрыл рот, чтобы закричать:

— Ненавижу этого черномазого дьявола!

Но вспомнил он его превосходительство, пособие из сверхсметных сумм, вспомнил доброго Антона Ивановича и Настеньку, взглянул на черное заплаканное лицо и тихо сказал:

— Я, батюшка, очень люблю негрятянок. В них есть нечто экзотическое.

Последним усилием он придал своему костеневшему лицу подобие счастливой улыбки и с ней на устах скончался. И земля равнодушно приняла его, не спрашивая, любил он негрятянок или нет, истлила его тело, смешала его кости с неизвестными костями других умерших людей и уничтожила всякий след белого бумажного воротничка.

И второй департамент долго хранил память о Семене Васильевиче, и, когда ожидавшиеся просители начинали скучать, швейцар водил их в свою каморку курить и рассказывал об удивительном чиновнике, который ужасно любил негрятянок. И всем, рассказчику и слушателям, становилось приятно.

Ложь

— ТЫ ЛЖЕШЬ! Я знаю, ты лжешь!

— Зачем ты кричишь? Разве нужно, чтобы нас слышали?

И здесь она глала, так как я не кричал, а говорил совсем тихо-тихо, держал ее за руку и говорил тихо-тихо, и это ядовитое слово «ложь» шипело, как маленькая змейка.

— Я тебя люблю, — продолжала она. — И ты должен верить! Разве это не убеждает тебя?

И она поцеловала меня. Но, когда я хотел охватить и сжать ее руки, ее уже не было. Она ушла из полутемного коридора, и я снова последовал за ней туда, где заканчивался веселый праздник. Почему я знаю, где это было? Она сказала, чтобы я пришел туда, и я пришел и видел, как всю ночь кружились пары. Никто не подходил ко мне и не заговаривал со мной, и, всем чужой, я сидел в углу около музыкантов. Прямо на меня было направлено жерло большой медной трубы, и оттуда рычал кто-то запертый и через каждые две минуты отрывисто и грубо смеялся: хо-хо-хо.

Иногда ко мне приближалось белое душистое облако. То была она. Не знаю, как она умела ласкать меня незаметно для людей, но на одну коротенькую секунду я плечо ее прижималось к моему плечу, на одну коротенькую секунду я видел, опустив глаза, белую шею в прорезе белого платья. А когда поднимал глаза, то видел профиль, такой белый, строгий и правдивый, какой бывает у задумавшегося ангела над могилой забытого человека. И глаза ее я видел. Они были большие, жадные к свету, красивые и спокойные. Окруженный голубым ободком, чернел зрачок, и сколько я ни смотрел в него, он был все такой же черный, глубокий и непроницаемый. Быть может, я смотрел в него так недолго, что сердце не успевало еще сделать ни одного толчка, но никогда я так глубоко и страшно не понимал, что значит бесконечность, и никогда с такой силой не ощущал ее. Со страхом и болью я чувствовал, что вся моя жизнь тоненьким лучом переходила в ее глаза, пока я становился чужим для самого себя, опустевшим и безгласным — почти мертвым. Тогда она уходила от меня, унося с собою мою жизнь, и опять танцевала с кем-то высоким, надменным и красивым. Каждую подробность изучил я в нем: форму его обуви, широту приподнятых плеч, равномерный взмах отделившейся пряди волос, — а он своим безразличным, невидящим взглядом словно вдавливал меня в стену, и я делался таким же плоским и несуществующим для глаз, как и стена.

Когда стали тухнуть свечи, я подошел к ней и сказал:

— Пора ехать. Я провожу вас.

Но она удивилась:

— Но ведь я еду с ним. — И она показала на высокого и красивого, который не смотрел на нас. И, отведя меня в пустую комнату, она поцеловала меня.

— Ты лжешь, — сказал я тихо-тихо.

— Мы сегодня увидимся. Ты должен прийти, — ответила она.

Из-за высоких крыш смотрело зеленое морозное утро, когда я ехал домой. И на всей улице было только нас двое: извозчик и я. Он сидел,

понурившись и спрятав лицо, а за ним сидел, понурившись, я и прятал лицо до самых глаз. И у извозчика были свои мысли, а у меня — свои, а там, за толстыми стенами, спали тысячи людей, и у них были свои сновидения и мысли. Я думал о ней и о том, что она лжет; я думал о смерти, и мне казалось, что эти сумеречно освещенные стены уже видели мою смерть и оттого они так холодны и прямы. Не знаю, о чем думал извозчик. Не знаю, о чем грезил те, скрытые стенами. Но ведь и они не знали, о чем думаю и грежу я.

Итак, мы ехали по длинным и прямым улицам, а утро поднималось из-за крыш, и все кругом было неподвижно и бело. Душистое холодное облако приближалось ко мне, и прямо в мое ухо смеялся кто-то запертый: хо-хо-хо.

ОНА СОЛГАЛА. Она не пришла, и я напрасно ждал ее. Серый, ровный, застывший полумрак спускался с темного неба, и я не знал, когда сумерки перешли в вечер и вечер перешел в ночь, и думал, что все это была одна долгая ночь. Все теми же шагами, однообразными, равномерными шагами долгих ожиданий ходил я взад и вперед. Я не подходил близко ни к высокому дому, в котором жила любимая мной, ни к стеклянной его двери, желтевшей под желтым навесом, а все теми же равномерными шагами ходил по противоположной стороне — взад и вперед, взад и вперед. И идя вперед, я не сводил глаз со стеклянной двери, а, возвращаясь обратно, часто останавливался и оборачивал голову, и тогда острыми иглами снег колот мое лицо. И так длинны были они, эти острые и холодные иглы, что проникали до самого сердца и кололи его тоской и гневом бессильного ожидания. От светлого севера к темному югу свободно мчался холодный воздух, со свистом играл на обледенелых крышах и, срываясь оттуда, сек мое лицо острыми маленькими снежинками и мелко стучал в стекла пустых фонарей, где одинокое, дрожащее от холода сгибалось желтое пламя. И мне жаль было одинокого пламени, живущего только ночью, и я думал, что вот вся жизнь кончится на этой улице, и я уйду, и только снежинки будут нестись по пустому пространству, а желтое пламя все будет дрожать и сгибаться — в одиночестве и холоде.

Я ждал ее, и она не приходила. И мне чудилось, что одинокое пламя и я, мы похожи друг на друга, и только фонарь мой не был пуст: в том пространстве, которое я измерял своими шагами, иногда показывались люди. Они неслышно вырастали за моей спиной, большие и темные, двигались мимо меня и, серея, словно призрак, внезапно исчезали за острым углом белого здания. И снова выходили они из-за угла, равнялись со мной и медленно таяли в сером пространстве, полном бесшумно движущегося снега. Закутанные, бесформенные, молчаливые, они были похожи друг на друга и на меня, и мне казалось, что десятки людей ходят взад и вперед, как и я, ждут, дрогнут и молчат, как и я, и думают о чем-то своем, загадочном и печальном.

Я ждал ее, и она не приходила. Не знаю, почему я не кричал и не плакал от боли; не знаю, почему я смеялся и радовался и сжимал пальцы так, будто они когти и будто я держу в них то маленькое и ядовитое, что

шипит, словно змейка: ложь! Она извивалась в моих руках и кусала мое сердце, и от яда ее кружилась моя голова. Все было ложь. Исчезла грань между будущим и настоящим, между настоящим и прошлым. Исчезла грань между тем временем, когда я еще не жил, и тем, когда я стал жить, и я думал, что я жил всегда — или не жил никогда. И всегда, когда я еще не жил и когда я стал жить, царила надо мной она, и мне странно было думать, что у нее есть и тело, и что в существовании ее есть начало и конец. У нее не было имени, и всегда она была та, что лжет, та, что вечно заставляет ждать и никогда не приходит. И не знаю, почему я смеялся, и острые иглы вонзались в мое сердце, и прямо в ухо мое смеялся кто-то запертый: хо-хо-хо.

Открывая глаза, я видел освещенные окна высокого дома, и они тихо говорили мне своим синим и красным языком:

— Ты обманут ею; в эту минуту, пока ты одиноко блуждаешь, ждешь и страдаешь, она, вся красивая, вся яркая, вся лживая, находится здесь и слушает то, что шепчет ей высокий и красивый человек, презирующий тебя. Если бы ты ворвался сюда и убил ее, ты сделал бы хорошо, так как убил бы ложь.

Я крепче сжимал руку, в которой был нож, и, смеясь, отвечал:

— Да, я убью ее.

Но печально глядели на меня окна и печально добавляли:

— Но ты никогда не убьешь ее. Никогда, потому что оружие в твоей руке — такая же ложь, как и ее поцелуи.

Давно уже исчезли безмолвные тени ожидавших, и в холодном пространстве остался один я да дрожащие от стужи и отчаяния одинокие языки пламени. Невдалеке, на церковной колокольне, стали бить часы, и их унылый металлический звук дрожал и плакал, вылетая в пространство и теряясь в массе безумно кружащихся снежинок. Я начал считать удары и рассмеялся: часы пробили пятнадцать. Колокольня была старая, и часы были старые, и хотя верно показывали время, но удары отбивали без счету, иногда так много, что старый седой звонарь взлезал вверх и удерживал руками судорожно бьющийся молоток. Для кого лгали эти дрожащие, старчески печальные звуки, охваченные и задушенные морозной тьмой? Так жалка и нелепа была эта ненужная ложь.

И с последним лживым звуком часов стукнула стеклянная дверь, и по ступенькам спускался кто-то высокий. Я видел только его спину, но я узнал ее, так как только вчера видел ее, гордую, презрительную. И походку узнал я, и была она более легкой и уверенной, чем вчера: так не раз отходил и я от этой двери: так уходят люди, которых только сейчас целовали женские лживые уста.

И ГРОЗИЛ, я требовал, скрежеща зубами:

— Строй мне правду!

И с холодным, как снег, лицом, с удивительно приподнятыми бровями, под которыми все так же бесстрастно и загадочно темнел непроницаемый зрачок, она спрашивала меня:

— Но разве я лгу тебе?

Она знала, что я не могу доказать ее лжи, и что все мои тяжелые, массивные создания пытающей мысли могут быть разрушены одним ее словом — еще одним лживым словом. Я ждал его — и оно сходило с ее уст, сверкающее на поверхности красками правды и темное в своей глубине.

— Я люблю тебя. Разве я не вся твоя?

Мы были далеко от города, и в темные окна глядело снежное поле. Над ним была тьма и вокруг него была тьма, густая, неподвижная, молчаливая, но оно сияло своим сокровенным светом, как лицо мертвеца во мраке. Одна только свеча горела в большой, жарко натопленной комнате, и над краснеющим пламенем виднелся бледный отсвет мертвого поля.

— Как бы ни была печальна правда, я хочу знать ее. Быть может, я умру, узнав ее, но смерть лучше, чем незнание правды. В твоих поцелуях и объятиях я чувствую ложь. В твоих глазах я вижу ее. Скажи мне правду — и я навсегда уйду от тебя, — говорил я.

Но она молчала, и взгляд ее, холодно-пытливый, проникал в глубь меня, выворачивал мою душу и со странным любопытством рассматривал ее. И я закричал:

— Отвечай, или я убью тебя!

— Убей! — спокойно ответила она. — Иногда так скучно жить. Но разве угрозами можно добиться правды?

И тогда я стал на колени. Сжимая ее руки, плача, я молил ее о жалости — и о правде.

— Бедный, — говорила она, кладя руку на мои волосы. — Бедный!

— Пожалей меня, — молил я. — Я так хочу правды.

И я смотрел на ее чистый лоб и думал, что правда там, за этой тоненькой преградой. И мне безумно хотелось сорвать череп, чтобы увидеть правду. А вот здесь, за белой грудью бьется сердце — и мне безумно хотелось разорвать грудь и хоть раз увидеть обнаженное человеческое сердце. И неподвижно желтело острое пламя догоравшей свечи, и, темнея, расходились стены, и было так грустно, так одиноко, так жутко.

— Бедный, — говорила она. — Бедный.

Судорожно метнувшись, упало желтое пламя и стало синим. А потом оно погасло — тьма охватила нас. Я не видел ни лица ее, ни глаз, ее руки охватывали мою голову, и я уже не чувствовал лжи. Закрыв глаза, я не думал, не жил, я только впитывал в себя ощущение ее рук, и оно казалось мне правдивым. И в темноте тихо звучал ее шепот, боязливый и странный:

— Обними меня. Мне страшно.

И опять тишина, и опять тихий, полный страха шепот.

— Ты хочешь правды, — а разве сама я знаю ее? И разве я не хочу знать ее? Защитите меня! О, как страшно!

Я открыл глаза. Побледневший мрак комнаты в страхе бежал от высоких окон, и собирался у стен, и прятался в углы, — а в окна молча глядело что-то большое, мертвенно-белое. Казалось, что чьи-то мертвые очи разыскивают нас и охватывают своим ледяным взглядом. Дрожа, мы прижимались друг к другу, и она шептала:

— О, как страшно!

IV Я УБИЛ ЕЕ. Я убил ее, и, когда вялой и плоской массой она лежала у того окна, за которым белело мертвое поле, я стал ногой на ее труп и рассмеялся. Это не был смех сумасшедшего, о нет! Я смеялся оттого, что грудь моя дышала ровно и легко, и внутри нее было весело, спокойно и пусто, и от сердца отпал червяк, точивший его. И, наклонившись, я заглянул в ее мертвые глаза. Большие, жадные к свету, они остались открытыми и были похожи на глаза восковой куклы — такие же круглые и тусклые, точно покрытые слюдой. Я мог трогать их пальцами, закрывать и открывать, и мне не было страшно, потому что в черном, непроницаемом зрачке уже не жил тот демон лжи и сомнений, который так долго, так жадно пил мою кровь.

Когда меня схватили, я смеялся, и схватившим меня людям это показалось страшным и диким. Одни с отвращением отворачивались от меня и отходили в сторону; другие прямо и грозно, с укором на устах, шли на меня, но, когда на их глаза падал мой светлый и веселый взгляд, лица их бледнели, и земля приковывала к себе их ноги.

— Сумасшедший, — говорили они, и мне казалось, это слово утешает их, потому что помогает понять загадку: как, любящий, я мог убить любимую — и смеяться. И только один, толстый, краснощекий и веселый, назвал меня другим словом, и оно ударило меня и затмило в моих глазах свет.

— Бедный человек! — сказал он с состраданием и без злобы, потому что был толстый и веселый. — Бедный!

— Не надо! — крикнул я. — Не надо называть меня так!

Не знаю, зачем я кинулся к нему. Конечно, я не хотел ни убивать его, ни трогать, но все эти перепуганные люди, видевшие во мне сумасшедшего и злодея, перепугались еще больше и закричали так, что мне опять стало смешно.

Когда меня выводили из комнаты, где лежал труп, я громко и настойчиво повторял, глядя на веселого, толстого человека:

— Я — счастливый! Я — счастливый!

И это была правда.

V КОГДА-ТО В ДЕТСТВЕ я видел в зверинце пантеру, поразившую мое воображение и надолго полонившую мысли. Она была не похожа на других зверей, которые бессмысленно дремали или злобно смотрели на посетителей. Из угла в угол, по одной и той же линии, с математической правильностью ходила она, каждый раз поворачиваясь на одном и том же месте, каждый раз задевая золотистым боком за один и тот же металлический прут решетки. Хищная острая голова ее была опущена, и глаза смотрели перед собой, ни разу, никогда не поворачиваясь в сторону. Перед ее клеткой целые дни толпился народ, говорил, шумел, а она все ходила, и ни разу глаза ее не обратились к смотрящим. И немногие лица из толпы улыбались; большинство серьезно, даже мрачно смотрели на эту живую картину тяжелого безысходного раздумья и со вздохом отходили. А отойдя, еще раз недоумевающе, пытливо оглядывались на нее и вздыхали, как будто было что-нибудь общее в судьбе их, свободных людей, и этого несчастного пленного зверя. И, когда впоследствии

со мной, уже взрослым, люди и книги заговорили о вечности, я вспомнил пантеру, и мне показалось, что я уже знаю вечность и ее муки.

В такую пантеру превратился я в моей каменной клетке. Я ходил и думал. Я ходил по одной линии наискось клетки, от угла к углу, и по одной короткой линии шли мои мысли, такие тяжелые, что, казалось, не голову, а целый мир ношу я на своих плечах. Только из одного слова состоял он, но какое это было большое, какое мучительное, какое зловещее слово.

Ложь — так произносилось это слово.

Опять оно, шипя, выползло из всех углов и обвивалось вокруг моей души, но оно перестало быть маленькой змейкой, а развернулось большой, блестящей и свирепой змеей. И жалила и душила она меня своими железными кольцами, и, когда я начинал кричать от боли, из моего открытого рта выходил тот же отвратительный, свистящий змеиный звук, точно вся грудь моя кишела гадами:

— Ложь!

И я ходил и думал, и перед моими глазами серый, ровный асфальт пола превращался в сереющую прозрачную бездну. Ноги переставали ощущать прикосновение к камню, и мне чудилось, что в бесконечной высоте я парю над туманом и мглой. И, когда грудь моя исторгала свистящий стон, оттуда — снизу — из-под этой рдеющей, но непроницаемой пелены медленно приносился страшный отзвук. Так медленно и глухо, точно он проходил сквозь тысячелетия и в каждую минуту и в каждой частице тумана терял свою силу. Я понимал, что там — внизу — он свистел, как ветер, который срезает деревья, но в мое ухо он входил зловещим коротким шепотком:

— Ложь!

Этот подлый шепот приводил меня в негодование. Я топал ногой по камню и кричал:

— Нет лжи! Я убил ложь!

И нарочно я отворачивался в сторону, так как знал, что она ответит. И она отвечала медленно, из глубины бездонной пропасти:

— Ложь!

Дело, как видите, в том, что я жалко ошибся. Женщину я убил, а ложь сделал бессмертной. Не убивайте женщины, пока мольбами, пыткой и огнем вы не вырвете из души ее правды!

Так думал я и ходил наискосок клетки, от угла к углу!

VI ТЕМНО И СТРАШНО ТАМ, куда она унесла правду и ложь, — и я пойду туда. У самого престола сатаны я настигну ее, и упаду на колени, и заплачу, и скажу:

— Открой мне правду!

Но, Боже! Ведь это ложь. Там — тьма, там — пустота веков и бесконечности, и там нет ее и нет ее нигде. Но ложь осталась. Она бессмертна. Я чувствую ее в каждом атоме воздуха, и, когда я дышу, она с шипением входит в мою грудь и рвет ее, рвет!

О, какое безумие быть человеком и искать правды! Какая боль!

— Спасите меня! Спасите!

*Публикация Станислава Никоненко.
Иллюстрация Льва Рябинина*

ДАНТЕ ГАБРИЭЛЬ РОССЕТТИ и его трагическая муза

Ирина Опимах

История любви Элизабет Сиддал и Данте Габриэля Россетти, любви, вдохновившей художника на создание одной из лучших его картин «Благословенная Беатриче», давно стала мифом, легендой, будоражащей воображение живописцев, писателей, поэтов и историков викторианской эпохи уже на протяжении почти полутора столетий.

А начиналась эта история так...

Однажды — это было в 1849 году — Уолтер Деверелл, молодой лондонский художник, зашел в модную лавку некой миссис Тозер, где выбирала себе очередную шляпку его мать. Миссис Деверелл в этом сложном деле — а выбор шляпки чрезвычайно сложное дело — помогала очаровательная девушка. Стройная, с огромными глазами и роскошными рыжими волосами, она произвела неизгладимое впечатление на мистера Уолтера. Он тут же попросил ее попозировать ему, и мисс Элизабет Сиддал — так звали красавицу — согласилась. Ее родители были люди не очень зажиточные — отец с сыновьями управлял небольшой скобяной лавкой, а мать с дочерьми занималась

портняжным делом. В семье было семеро детей, Лиззи хорошо знала, что такое нужда, и потому была рада подзаработать, даже столь сомнительным способом — в то время считалось, что труд натурщицы сродни работе проститутки. А, кроме того, Лиззи очень хотелось учиться рисовать! Однако денег на обучение не было, а потому она согласилась позировать Девереллу, видно, решив, что, попав к художникам (кстати, старший Деверелл был директором художественной школы), сможет и сама чему-нибудь научиться. А Уолтер был счастлив — наконец, он нашел свою Виолу, героиню картины «Двенадцатая ночь», над которой он тогда работал.

В мастерской Деверелла Лиззи встретила его друзей, художни-

Женщина
с гирляндой
(1873 г.).

ков, членов Братства Прерафаэлитов. Это было весьма оригинальное братство. Возникло оно за год до встречи Уолтера и Лиззи, в 1848 году, когда группа студентов лондонской Академии художеств в знак протеста против холодного, бездушного официального искусства провозгласила своим идеалом творения мастеров раннего, «дорафаэлевского», Возрождения. В своих картинах они старались следовать принципам, изложенным в их манифесте, который был опубликован в изданном ими журнале «Исток». Правда, порой полотна прерафаэлитов были уж слишком символичны, слишком вычурны, но они так отличались от всего того, что делалось тогдашними мэтрами английского искусства, что не могли не привлечь внимания критиков и публики. Кроме Уолтера Деверелла, в группу входили Дж. Миллес, Уильям Холмен, Хант и Данте Габриэль Россетти — последний был признанным лидером прерафаэлитов. Его отец, бывший хранитель Бурбонского музея в Неаполе и ярый карбонарий, участвовавший в восстании 1820 года, по политическим причинам переехал в Лондон. Мистер Россетти стал профессором итальянской литературы в Королевском колледже, а в свободное время составлял комментарии к произведениям Данте. Неудивительно, что в семье Россетти царил культ великого итальянца. Россетти-старший так почитал Данте, что даже дал его имя своему сыну. Любовь к литературе отец передал всем своим детям — старшая дочь, Мария Франческа, написала книгу «Тень Данте», младшая, Кристина, стала известной поэтессой, младший сын Уильям Майкл — критиком и биографом брата. Габриэль, самый

талантливый и известный из детей, начал писать в пять лет, а в пятнадцать его стихи уже печатались! Длинные волосы, выразительные итальянские глаза, нервное, подвижное лицо, нарочитая небрежность в одежде, дерзость в поведении — юный Россетти был настоящим бунтарем-романтиком, но, надо отметить, этот юноша с гордым именем Данте, несмотря на отсутствие особого усердия в учении, обладал глубокими познаниями в литературе и искусстве.

И вот, зайдя как-то в мастерскую своего приятеля Деверелла, он встретил там Лиззи Сиддал и был просто потрясен — он увидел ту, что постоянно присутствовала в его снах и мечтах. «Это самое прекрасное создание, в котором благородство сочетается с чувственностью, ощущением собственного достоинства и некоторой надменностью. Лиззи — высокая, отлично сложенная девушка, с длинной шеей, тонкими, хотя и не совсем правильными чертами лица, большими, зеленовато-голубыми, холодными глазами и роскошными тяжелыми волнами рыжевато-золотистых волос», — писал он в письме к другу.

Лиззи отвечала всем требованиям, которые предъявляли к своим натурщицам художники-прерафаэлиты, а потому, с легкой руки Деверелла, она стала появляться на полотнах его друзей — прежде всего, Россетти, Ханта, Миллеса. Милейшая миссис Тозер разрешила Лиззи работать в лавке только часть дня, поэтому у девушки вполне хватало времени на позирование своим новым друзьям. В 1852 году Миллес задумал создать картину «Офелия». Конечно же, шекспировская героиня, уже жившая в его воображе-

нии, была как две капли воды похожа на Лиззи Сиддал. На картине утонувшая Офелия должна была лежать в реке, и Миллес, для достижения подлинности, укладывает Лиззи в ванну, воду в которой подогревают лампы. Лиззи часами вынуждена была лежать в воде, а ведь когда перегоревшие лампы сгорали, вода тут же становилась холодной. Но поглощенный работой Миллес ничего не замечал — ни посиневших губ Лиззи, ни того, что все ее тело дрожит от холода мелкой дрожью. Сеансы закончились жесточайшей простудой, которая потом переходит в туберкулез.

А Россетти по-настоящему влюбился в Лиззи. Он хотел, чтобы она принадлежала только ему, и с 1852 года девушка позирует только Габриэлю. И не только позирует, они живут вместе в снятом им доме на Чэтем-плейс, и счастливая Лиззи берет уроки рисования у своего друга и возлюбленного.

В 1854 году Данте знакомит Лиззи со своей сестрой Кристиной. Дочь хозяина скобяной лавки, да к тому же натурщица, не могла понравиться дочери лондонского профессора. Нет, эта девушка никогда не станет женой брата, возмущалась Кристина дома, рассказывая о встрече с Лиззи. Видя, как брат увлечен Лиззи, Кристина, наверное, страшно ревновала. А Габриэль по-прежнему не желал расстаться со своей музой, вдохновлявшей его на создание замечательных картин.

Между тем Лиззи делала заметные успехи в живописи и рисунке, кроме того, она писала стихи! Первые свои строки она сочинила еще в детстве, а теперь, рядом с Россетти, талантливая Лиззи преуспевает как в литературе, так и в

искусстве. Только вот чувствует она себя не очень хорошо.

В 1854 году подруга Лиззи Анна Мэри Хоуит уговорила ее показаться врачу. Доктор Уилкинсон нашел, что у Лиззи слабые легкие, и прописал ей пребывание на чистом воздухе. Лиззи едет в Гастингс, надеясь, что все скоро будет хорошо. Габриэль ни дня не мог прожить без своей Лиззи и собрался сопровождать ее. Но тут неожиданно в семейство Россетти приходит горе — умирает отец.

Длинные волосы, выразительные итальянские глаза, нервное, подвижное лицо, нарочитая небрежность в одежде, дерзость в поведении — юный Россетти был настоящим бунтарем-романтиком.

Похоронив отца, Габриэль все же уезжает в Гастингс, несмотря на протесты сестер и брата

Когда, пройдя курс лечения, влюбленные вернулись в Лондон, поздоровевшая и окрыленная Лиззи сразу же приступает к созданию серии картин — иллюстраций к поэме Россетти «Сестра Элен». Им так хорошо вдвоем — он учит ее всему, что умеет сам, а она — она не только прилежная ученица, но, главное, любимая женщина, преданная, верная, самоотверженная.

Однажды, примерно в 1855 году, Россетти показал работы Лиззи Джону Рескину. Известный критик был потрясен мастерством и талантом молодой художницы и тут же купил все ее картины. Габриэль так рассказывал об этом в письме Уиль-

Сон Данте
(1871 г.).

Беатриче
Благословенная
(1863 г.).

~ творец и женщина. другая

яму Аллингэму: «Примерно неделю назад Рескин увидел и тут же купил все, даже самые мелкие работы мисс Сиддал. Он заявил, что они гораздо лучше моих и чьих бы то еще, и был просто безумно рад, став их владельцем». Так Лиззи обрела покровителя в лице одного из самых ярких критиков Англии. Рескин, видя, что девушка слаба здоровьем, быстро устает, принял живое участие в ее судьбе и оплатил прием у известного оксфордского доктора Генри Вентворта. Вентворт, как и другие врачи, снова порекомендовал Лиззи уехать из Лондона, и Рескин отправил ее во Францию. Тут же в Париж к ней примчался Россетти, но ненадолго. Дела и живопись звали его обратно. А Лиззи из Парижа отправилась в Ниццу. Все бы хорошо, но жизнь в Ницце была недешевой, и вскоре у девушки кончились деньги. (К этому времени гордая Лиззи уже отказалась от помощи Рескина — по-видимому, ей казалось, что он уж слишком ее контролирует и определяет ее жизнь.) Что оставалось делать? Она отправила письмо Россетти с просьбой о материальной помощи. У того тоже денег не было, но он быстро написал трипгих «Паоло и Франческа», продал его Рескину и отправил полученную сумму Лиззи.

Лиззи очень хотелось стать настоящей художницей, и, похоже, у нее все получалось. В 1857 году прерафаэлиты устроили выставку своих работ в Мэрилебоне на Фицрой-сквер, и Лиззи была единственной женщиной, участвующей в выставке. Ее работы сразу же были замечены публикой, а один американец из Массачусетса даже купил ее картину «Клерк Саундерс».

В том же году Россетти, с новыми друзьями Уильямом Моррисом,

Эдардом Берн-Джонсом и другими, ставшими его близкими друзьями, расписывает дискуссионный клуб Оксфорд-Юнион в Оксфордском университете, а Лиззи путешествует — сначала в Мэтлок, затем в Дербишир и Шеффилд, где поступает в художественную школу. Ей хочется утвердиться в своем предназначении художницы, хочется увериться, что она — самостоятельный, профессиональный мастер.

Жить с пылким и порывистым Россетти было непросто. Да и вер-

Сам художник говорил, что в картине «Беатриче Благословенная» он хотел показать смерть «как экстаз, как духовное перерождение». От нее невозможно оторвать взгляд — она завораживает, не отпускает.

ность Габриэлю, несмотря на пылкую влюбленность, отнюдь не присуща. Как-то он познакомился с одной натурщицей — бывшей проституткой Фанни Корнфорт. Эта роскошная, чувственная дама увлекла впечатлительного художника, пробудив в нем вождение и страсть. Лиззи, как ему представлялось, символизировала возвышенную любовь, платонические чувства, а Фанни — Фанни утоляла его плотские желания, и делала это блестяще. Лиззи было тяжело наблюдать такой взрыв чувств своего обожаемого Габриэля, и она решила уйти от него. Ее терпению пришел конец — он столько раз обещал жениться на ней, и столько раз нарушал свои обещания...

Однако Россетти никогда не забывал Элизабет. Узнав, что она тяжело больна, он мчится к ней. Ей плохо — и он, стараясь не оставлять ее надолго одну, мечется между Оксфордом, где он должен закончить работу, и Мэтлоком, где жила Лиззи. Так продолжалось несколько месяцев, пока врачи не сказали ему, что жить Лиззи осталось совсем недолго. И тогда Габриэль принял, наконец, решение, которого так долго ждала его возлюбленная, — попросил ее выйти за него замуж. Это произошло 23 мая 1860 года, спустя почти десять лет со дня их первой встречи Лиззи все-таки согласилась стать его женой. Поддерживая ее — она была очень слаба, — Габриэль повел девушку в церковь, а после венчания в гастингской церкви молодожены отправились во Францию, где провели свой счастливый медовый месяц.

В октябре они вернулись домой, в Лондон на Четэм-плейс. К этому времени Лиззи была уже беременна, и сердце ее переполняла радость. Вдохновленная новыми переживаниями, она написала поэму «Наконец».

Но рыжеволосой красавице Лиззи не суждено было стать матерью. 2 мая 1861 года она разрешилась от бремени мертворожденным ребенком. Смириться с этим горем было просто невозможно. Ничто не могло вывести ее из глубочайшей депрессии. Помогал только опиум — он давал возможность забыться хотя бы на мгновение, уплыть туда, где все были живы, здоровы и счастливы... Думая, что семейная, теплая обстановка в доме Моррисов поможет несчастной Лиззи, Россетти отправил ее к родным. Но там уже был ребе-

нок, кроме того, Джейн Моррис снова оказалась беременной... Наблюдать эту идиллию было невыносимым испытанием для Лиззи. К тому же, когда они с Габриэлем были как-то в гостях у своих друзей, ей сообщили, что и ее подруга Бесси Паркс тоже ждет ребенка. Вернулись они домой около восьми вечера, после чего Россетти ушел на занятия в Уоркинг Мен-колледж. Придя домой поздно ночью, он нашел Лиззи лежащей в своей комнате без сознания — как потом выяснилось, она приняла десятикратную дозу снотворного лауданума. Россетти никак не мог смириться с тем, что его Лиззи умирает, — он вызывал подряд четырех профессоров, но никто уже не мог вернуть к жизни его возлюбленную. Утром 11 февраля 1862 года ее не стало. Официальная версия полиции — от случайной передозировки снотворного. Однако ходили слухи, что это было самоубийство, что Лиззи оставила прощальное письмо. Якобы Россетти, потрясенный смертью любимой, бросился к своему ближайшему другу Форду Мэддоксу Брауну, а тот уговорил Габриэля сжечь письмо жены — общество и церковь осуждали самоубийц, и самовольный уход Лиззи из жизни мог повлечь за собой скандал, а церковные власти могли не разрешить похоронить ее по-христиански.

Похороны состоялись 17-го февраля. Во время погребения Россетти, тяжело переживавший смерть жены и чувствовавший свою вину перед ней, вдруг бросил в порыве скорби в гроб небольшую тетрадь — это были его неопубликованные стихи, посвященные Лиззи.

Под впечатлением огромной утраты Россетти пишет картину «Беатриче Благословенная». Ему всегда казалось, что его любовь к Элизабет подобна любви кумира семейства Россетти Данте Алигьери к Беатриче. Еще в юные годы Россетти самостоятельно перевел на английский язык «Новую жизнь» великого поэта. В этой книге, по сути, автобиографической повести, Данте рассказывает, как однажды он увидел Беатриче и вспыхнул к ней высокой платонической любовью. Тогда, во время их первой встречи, они лишь обменялись несколькими словами, но эта встреча была единственной. Беатриче выросла, вышла замуж и вскоре умерла. А Данте пронес любовь к ней через всю свою жизнь. Идеальная любовь поэта и его музы восхищала Россетти, хотя сам он любил, и вполне по-земному, не одну женщину. В Лиззи Сиддал ему всегда хотелось видеть свою Беатриче. И не случайно это полотно, полное чувства горечи и утраты по той, что символизировала для него высокую, неземную любовь, он так и назвал — «Беатриче Благословенная». И посвящена эта картина, конечно же, не юной дантевской Беатриче, а любившей его до самозабвения Элизабет Сиддал. Сам художник говорил, что в этой работе он хотел показать смерть «как экстаз, как духовное перерождение». У Лиззи-Беатриче глаза закрыты — она уже в другом мире. Роскошные рыжие волосы, святающиеся в лучах солнца, — словно нимб. Вестник смерти в образе птицы бросает в ее ладони мак, символ забвения и покоя. На заднем плане Россетти изобразил справа Данте и слева

Амура, несущего любовь — пламенеющее сердце. Лицо ушедшей навсегда возлюбленной обращено к свету, который она принимает всем своим существом, ведь свет — это божественная благодать. В этой картине нет каких-либо сложных композиционных решений, цветовых изысков — она не вызывает восхищения мастерством художника. Но почему-то от нее невозможно оторвать взгляд — она завораживает, не отпускает...

Самовольный уход Лиззи из жизни мог повлечь за собой скандал, а церковные власти могли не разрешить похоронить ее по-христиански.

Безутешный Россетти вновь и вновь воскрешал черты любимой в картинах «Смерть Беатриче», «Сон Данте». Возникла она и в его более поздних работах... Ведь несмотря на утрату, он продолжал жить и творить.

А история Элизабет Сиддал ее похоронами не закончилась.

В 1869 году Россетти предложил издать его ранние стихи. Художник с радостью согласился, да только текстов у него не было — рукопись, единственная, которая у него была, лежала в гробу Элизабет. Чтобы ее достать, требовалось совершить деяние, противоречащее всем нормам морали — разрыть могилу жены и открыть гроб. Россетти долго не мог решиться на этот кощунственный шаг. Наконец, он все же дал разрешение на эксгумацию, однако сам в этом ужасном деле участия не принимал — все поручил сво-

Благовещение
(1855 г.)

~ творец и женщина. другая

ему другу и агенту Чарльзу Хоуэллу. Тот с честью справился с возложенным на него поручением. В начале октября 1869 года, глубокой ночью, Хоуэлл с двумя кладбищенскими служителями отправился на Хайгейтское кладбище, где находилась усыпальница семейства Россетти. При свете костра и масляных ламп они разрыли землю и открыли крышку гроба. Тело Элизабет, рассказывал потом Хоуэлл Россетти, прекрасно сохранилось, она так была похожа на Офелию с картины Миллеса! Ее роскошные волосы стали еще длиннее, и даже пришлось потратить некоторое время, разыскивая среди рыжих прядей тетрадь стихов. Затем гроб закрыли и положили обратно. Вся процедура была проведена втайне — о случившемся не знали ни родители Элизабет, которые наверняка бы не разрешили нарушать покой умершей дочери, ни родственники Россетти.

Сборник стихов, посвященных Элизабет, был опубликован в 1870 году, вместе с более поздними стихами Россетти. Многие критики отрицательно восприняли поэтические откровения художника — его обвиняли в излишнем эротизме и оскорблении нравственных устоев. Страшный грех — эксгумация — мучил художника, не давал ему покоя ни днем, ни ночью. Он чувствовал себя виновным в смерти Элизабет, в том, что в тот роковой вечер оставил ее одну, что позволил себе ради мирских дел забыть о нерушимых христианских законах. Бессонница, алкоголь, наркотики... Все это подтачивало его физическое и душевное здоровье.

Только новая любовь — любовь к жене своего друга Джейн Мор-

рис — удержала его от самоубийства. По-видимому, так полагал и Моррис. Во всяком случае, он не мешал развитию отношений между другом и женой, хотя кто знает, что творилось в его душе... Джейн стала новой музой Россетти. Теперь он писал только ее. Вот она в образе Астарты Сирийской. Красивая, гордая, умная. Придавая Астарте, доброй и одновременно жестокой сирийской богине любви, черты Джейн, Россетти, видимо, хотел сказать о том, что Джейн

Россетти предложили издать его ранние стихи. Художник с радостью согласился, да только текстов у него не было — рукопись, единственная, которая у него была, лежала в гробу Элизабет.

постепенно отходит от него. И действительно, Джейн не смогла отратить Россетти от его пагубных пристрастий и, устав от смелых его настроений, беспричинных взрывов ярости, вернулась к мужу.

Россетти совсем запил. Он снова и снова винил себя за Элизабет, за то, что не дал ей покоя ни при жизни, ни после смерти, винил за свершенные и несвершенные свои грехи. Понимая, что умирает, он велел похоронить себя не в семейном склепе, а подальше от Хайгейта, внушавшего ему панический ужас.

Художник и поэт Данте Габриэль Россетти умер 9 апреля 1882 года в курортном городе Брайтон от воспаления почек. Через двадцать лет после ухода своей Музы...

Настоящие Мужчины...

Светлана Бестужева-Лада

Между прочим, ничего смешного. Хочу поговорить именно о настоящих мужчинах. Да, они есть, причем в огромном количестве. Можете мне не верить, но практически все мужчины (за исключением немногочисленных выродков) – самые что ни на есть настоящие. Вопрос только в том, что под этим определением понимать. То есть прежде всего возникает настоятельная необходимость договориться о терминах. Вот и попробуем. Прежде всего попытаемся выяснить, как и от кого произошли мужчины в ходе процесса эволюции.

Начнем не с самого начала, то есть в данном случае не с достаточно спорного постулата о том, что мужчины произошли от других обезьян, а с матриархата. Принято считать, что именно в этом общественном устройстве женщина была не только гегемоном, но еще и абсолютно свободной личностью, под началом которой ходили толпы бесправных личностей мужского пола. Что-то неувловимое в этом, безусловно, есть, но забывается одна крохотная деталь: из-за полной невозможности установить отца ребенка его принадлежность определялась по матери. То есть женщина пользовалась вполне определенными привилегиями по сравнению с мужчиной только благодаря статусу матери.

Замечу, кстати, что широко распространенное у нас фольклорное выражение относительно определенных теоретических действий по отношению к матери оппонента в те времена означало лишь ритуальное установление родственных отношений. Типа: «Не трогай меня, пацан, может, я твой папка». Не случайно же считается, что изменение сознания человека происходит значительно медленнее перемен в его бытовых условиях. В какой-то степени мы – психологически – еще живем в доисторический период. Запомните, пожалуйста, нам это наблюдение пригодится в дальнейшем.

Итак, матриархат. Почему, зачем, кто допустил? Да вот так жизнь сложилась. Мужчинам то-

гда было элементарно некогда бороться за свои права и восстанавливать доисторическую справедливость. На Земле еще водились мамонты, бывшие, если верить историкам, основной пищей гомо сапиенса. Все свободное от сна время мужчины посвящали охоте, чем на деле оправдывали сохранившееся за ними впоследствии определение «кормилец». Вы еще не забыли, что наше бытие меняется быстрее, чем сознание? Вот и славно.

А затем произошла трагедия: мамонты вымерли. Почему – это отдельная тема, и к нашему разговору отношения не имеет. Вымерли – и все тут. И мужчины, образно говоря, остались «на бабах», то есть на вегетарианской пище, которой их снабжали женщины и дети. Освободилась масса времени, которое те – доисторические – мужчины не стали проводить у костра и в ритуальных плясках, а использовали на открытия и изобретения. Обнаружили, что можно приручать диких животных и получать от них мясо с минимальными физическими затратами, и изобрели орудия для обработки земли. Мужчины сохранили статус кормильца, но женщины утратили свое привилегированное положение окончательно и бесповоротно.

Во-первых, ни один уважающий себя мужчина просто так, за здорово живешь, собственное, кровное, можно сказать, орудие для обработки земли нипочем не отдаст. А землю обрабатывать надо. Тем самым заинтересованную в пище женщину вынуждали держаться поближе к хозяину сохи и серпа и оказывать ему множество мелких услуг. Замечу, что опасностей, подстерегающих мужчин на охоте, стало меньше, но... Отношения к себе как к воину-охотнику по-прежнему требовал любой, самый мирный землепашец и скотовод. Так постепенно сложился современный тип семьи: мужчина-добытчик и женщина – хозяйка дома. И, естественно, их дети, потому что частную собственность – (а она к этому времени появилась) – нужно было передавать по наследст-

ву. То есть сугубо законным детям. Остальные – свободны.

Если кто еще не понял: с тех пор и поныне каждый мужчина имеет право «ходить налево» просто потому, что он – мужчина. Добытчик и кормилец. А добывать что-то ради чужих детей, да еще и кормить их – это вряд ли. По сей день так и считается, хотя сплошь и рядом женщины уже давным-давно – сами добытчицы и кормилицы. Но сознание и бытие... смотри выше.

Дальнейший процесс красиво и доходчиво описан в классическом произведении Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Добавить тут практически нечего. Но вот что из себя представляет настоящий мужчина сейчас, в эпоху научно-технического прогресса, мало кто всерьез задумывается. Основные интеллектуальные силы брошены на изучение прекрасного пола. Даже конференции проводят на тему «Женщина и общество». Занятно, что ни у кого это не вызывает даже легкого чувства дискомфорта. Лично я хотела бы видеть анонс конференции «Мужчина и общество». Это не глупость, а элементарная справедливость.

Другое дело, что общество у нас ориентировано исключительно на мужские ценности.

Небольшой исторический экскурс. Знаменитого шахматиста Алехина когда-то спросила одна энергичная дама: почему не устраивают совместных шахматных турниров? Женщины, что ли, глупее мужчин или хуже в шахматы играют? Гроссмейстер не задумался ни на секунду:

– Конечно, не хуже. И в шахматы играют прекрасно. Просто они играют в другие шахматы.

И ведь действительно, феминизация мышления на самом деле состоит только в том, что если мало денег, то сначала покупают еду, а уже потом танк, а не наоборот, в том, что в природу нужно погружаться, а не взламывать и не потрошить ее. То есть в том, что для нормальной женщины важно сначала накормить, одеть и обласкать, а потом уже – все остальное. Для мужчины же важнее всего немедленно реализовать только что пришедшую ему в голову идею, а там – хоть трава не расти. С точки зрения биологии, все нормально: если бы мужчины задумывались, например, о последствиях интимной близости с женщинами, да еще точно знали, что расхлебывать эти последствия придется им, мужчинам, вряд ли человече-

ское общество просуществовало бы до сегодняшнего дня. Только материнский инстинкт способен заставить женщину рожать, вопреки всему на свете, в том числе и здравому смыслу.

От себя могу добавить одно: борьба женщин за равноправие началась с того самого момента, когда мужчина вместо добывания пищи стал увлекаться участием во всевозможных вече и просиживанием вечерами у костра. И естественно, что началась, потому что подобное времяпрепровождение значительно приятнее, нежели практически не изменившееся со времен матриархата домашнее хозяйство. Как женщина потрошила курицу у доисторического костра, так она и потрошит ее сегодня на кухне. Только тогда птичку в дом приносил мужчина, а сейчас тащит сама женщина, предварительно сама же заработав деньги на ее покупку.

А в качестве компенсации за такое времяпрепровождение женщина получает несколько старых, как мир, и красивых, как сон, мифов о взаимоотношениях полов. Получает, проникается их высоким смыслом и в дальнейшем строит свою жизнь исключительно под их влиянием, напрочь забывая о том, что мифы, легенды и государственные программы придумывают мужчины, у которых некоторая ограниченность воображения компенсируется правилом: принимать свое желаемое за общераспространенное действительное.

Самый интересный пример – один из рекламных роликов на телевидении. Про кофе и обустройство России. Петр Алексеевич прямо так своему программисту в этом ролике и обозначил: «В ассамблеях кофе подавать, боярам на европейский манер бороды рубить». После чего держава автоматически должна была подняться из руин и воссиять. Между прочим, нынешние государственные программы, похоже, составляли те же, кто сочинил эту самую рекламу. Петр Великий наверняка крутится в гробу двадцать четыре часа в сутки. Царя, конечно, жалко: не за то боролся, хотя свою лепту в мужское мифотворчество безусловно внес.

Итак, что мы имеем из расхожих мифов о «настоящих мужчинах» и «настоящих женщинах»?

Миф первый

Женщина умна, как курица, а самая умная – как две курицы. (Более лаконичный вариант: «Бабы – дуры».) Трудно не согласиться. Но если у жен-

щины хватило ума прикинуться дурочкой, то вряд ли она будет настолько глупа, чтобы убеждать мужчину в обратном. Во-первых, какой спрос с дурочки? А во-вторых, настоящие мужчины панически боятся умных женщин. С ними ведь нужно и вести себя по-умному, а на это, согласитесь, никаких мозгов не хватит. Даже если они есть. Самые продвинутые представители сильного пола, правда, иногда готовы снисходительно признать: «Для женщины она достаточно умна». В этом случае лично мне хочется спросить: «А ты сам-то достаточно умен... для мужчины?»

2 Миф второй

Мужчины не боятся никакой боли вообще, а женщины норовят упасть в обморок даже из-за комариного укуса. Ну да, конечно! Мужчины не боятся только той боли, которую причиняют сами. Зато кабинет дантиста ассоциируется у них с камерой пыток, а заноза в пальце... Ну, тут лучше Маяковского сказать трудно: «Гвоздь у меня в сапоге кошмарнее всех фантазий Гете». Занятно, правда, что аборт в их представлении – это нечто среднее между педикюром и шейпингом, без чего можно обойтись, но если уж женщине хочется... Да и в любом случае эта процедура – ничто по сравнению с теми муками, которые испытывают сами мужчины, если им приходится предохраняться. Бедняжки!

3 Миф третий

Наведение порядка в помещении и приготовление пищи – абсолютно немужское занятие.

*Все свободное
от сна время
мужчины
посвящали
охоте,
чем на деле
оправдывали
сохранившееся
за ними
впоследствии
определение
«кормилец».*

И вообще, если мужчину оставить одного в квартире (даже с полным холодильником и набором бытовой техники), он максимум через неделю зарастет грязью, одичает и умрет голодной смертью. Ну... чего только на свете не бывает!

Хотя как тогда быть с определениями «гвардейский порядок» и «флотский порядок» как синонимами эталонной чистоты? И с тем, что лучшие кулинары испокон веков – мужчины? А так, что все они прекрасно могут, только... на публику. То есть для командования или для восторженных посетителей ресторана. А для дома, каждый день – фи! Не царское это дело, а бабское. Вопросы есть?

4 Миф четвертый

«Всем женщинам нужно только одно, даже если они делают вид, что это им вообще по фигу». Надеюсь, не надо объяснять, что именно? Допустим. Мужчинам же, надо полагать, это «одно» даром не надо и вообще их в упор не интересует. Просто делают женщинам одолжение, исключительно по доброте душевной и чтобы отвязались. Стискивают зубы – и делают. Потому что настоящий мужчина должен понимать и удовлетворять потребности женщин, пусть и в ущерб собственным интересам.

5 Миф пятый

Политика – грязное, утомительное, неблагодарное, тяжелое, словом, сугубо мужское дело. Женщина с ним справиться категорически не может. Ну, не дано. Правда, таскать шпалы и копать в навозе женщи-

нам почему-то не возбраняется, наверное, этот труд считается легким, сладостным и особо благодарным. А если вдуматься, попытки женщин заниматься политикой, как правило, приводят скорее к положительным, чем к отрицательным результатам. Боюсь, что именно поэтому их к политике и не допускают. Кому нужна лишняя конкуренция? Опять же, женщину в бане за приятным занятием застучать сложно, и напивается она реже, чем мужчина. Проблемы, проблемы...

6 Миф шестой

Мужчина по природе своей полигамен и хранить верность не в состоянии по определению. Вот тут все правильно. Природа задумала и создала мужчину как организм кратковременного действия. За очень короткий период (лет с двенадцати до лет двадцати) доисторический мужчина должен был успеть оставить максимально возможное количество потомства. После этого никакой самостоятельной художественной ценности он уже ни для кого не представлял, его спокойно мог сожрать саблезубый тигр или растоптать мамонт. Отсюда правило: использовать все, что движется, авось, да получится.

Времена давно изменились, а психология осталась на прежнем уровне, поэтому почти все мужчины – правильные. И они не виноваты в том, что у них нет времени задуматься над переменами и чуть-чуть поменять психологию. Им некогда: объекты вокруг по-прежнему движутся в практически неограниченном количестве.

*Борьба женщин
за равноправие
началась с того
момента, когда
мужчина вместо
добывания пищи
стал увлекаться
участием во
всевозможных
вечере и просиживании
вечерами
у костра.*

7 Миф седьмой и последний

Женщина – тоже человек (как минимум – друг человека). Да что вы говорите?! Глупая трусиха, умеющая только стряпать и мыть полы (и то – не слишком хорошо), которой «нужно только одно», которая так и норовит залезть не в свое политическое дело, а сама не способна понять даже самого элементарного: полигамной сущности мужчины, обзывая его «кобелем» и «козлом»... тут даже комментировать нечего, и так все понятно. Впрочем, один комментарий все-таки хочется дать. Да, все бабы – дуры. Но так думают не все мужчины, а только те, которые – козлы. А козлы, на самом деле, не все мужики, а только те, которые думают, что все бабы – дуры.

А теперь – небольшая справка. Я – не феминистка, мужчин иногда даже уважаю, с личной жизнью у меня все в порядке. Счеты ни с кем не свожу. Просто иногда хочется элементарной справедливости.

P.S. В самом начале было вскользь упомянуто о вырождаках – антиподах настоящих мужчин. Так вот, выродки – это умные, самостоятельные и самодостаточные мужчины, которые способны признать за прекрасным полом все достоинства, включая ум и порядочность, и вообще разделяющие процитированную выше позицию гроссмейстера Алехина. Но сколько их, таких вырождков? И поле битвы, разумеется, остается настоящим мужчинам, ибо имя им – легион.

Выводы делайте сами, не маленькие.

Владимир Бочаров

Позвольте тишине...

*«Враг новым часто может быть,
А друг — он только старый...»*

Е.Евтушенко

Весна в этом году выдалась слишком уж дождливой. Казалось, она сговорилась с долгой мокрой и серой зимой, плавно переняв у нее эстафету этой серости. А так хотелось насладиться первыми лучами теплого весеннего солнца, вдохнуть аромат распускающейся зелени и вообще, встряхнуться после зимней тоскливой спячки. Но дождь лил и лил, почти не переставая и превращая снежные прогалины в грязное месиво.

Небольшой старенький «Лиаз» медленно и как бы нехотя пробирался по размытой дождем дороге, мелко трясясь и подпрыгивая на ухабах. При каждом резком толчке сидящие в автобусе пассажиры, артисты столичной филармонии, все крепче прижимались друг к другу. Они изрядно подустали — им пришлось исколесить сотни километров и выступать с концертами почти во всех областных Домах культуры. Каждому из них хотелось сейчас побыстрее вернуться домой, к родному теплу. Духовые инструменты в чехлах уютно устроились на коленях музыкантов, а большой барабан и контрабас в черном футляре, накрытые газетами, тряслись вместе с артистами в самом конце салона. Оставалось последнее выступление в Доме культуры одного из районных центров Рязани, а потом, наконец, — домой!

В городок въехали уже поздно вечером. Из-за сумерек и проливного дождя из окон автобуса ничего нельзя было разглядеть.

Автобус остановился перед гостиницей, единственной в городке, но она оказалась на ремонте. К счастью, хоть и с трудом, уда-

лось найти кое-кого из местной администрации, и артистов, после долгих телефонных переговоров, разместили на ночлег в Доме колхозника.

Вся концертная группа тут же дружно разошлась по своим номерам, мечтая об ужине, душе, а главное — отдыхе.

— Михаил, может, партейку в шахматы сыграем или чайку поьем? — предложил пианист Валера, один из немногих, кто не желал сразу же завалиться в койку.

— Ни то, ни другое, что-то настроения нет, — ответил Михаил, задумчиво глядя на окно с разводами дождевых капель.

В этом городке, куда они приехали с последним концертом, он провел все свое детство. Здесь жила его мать, сюда вернулась после развода бывшая жена, и здесь же где-то обитал самый лучший друг детства.

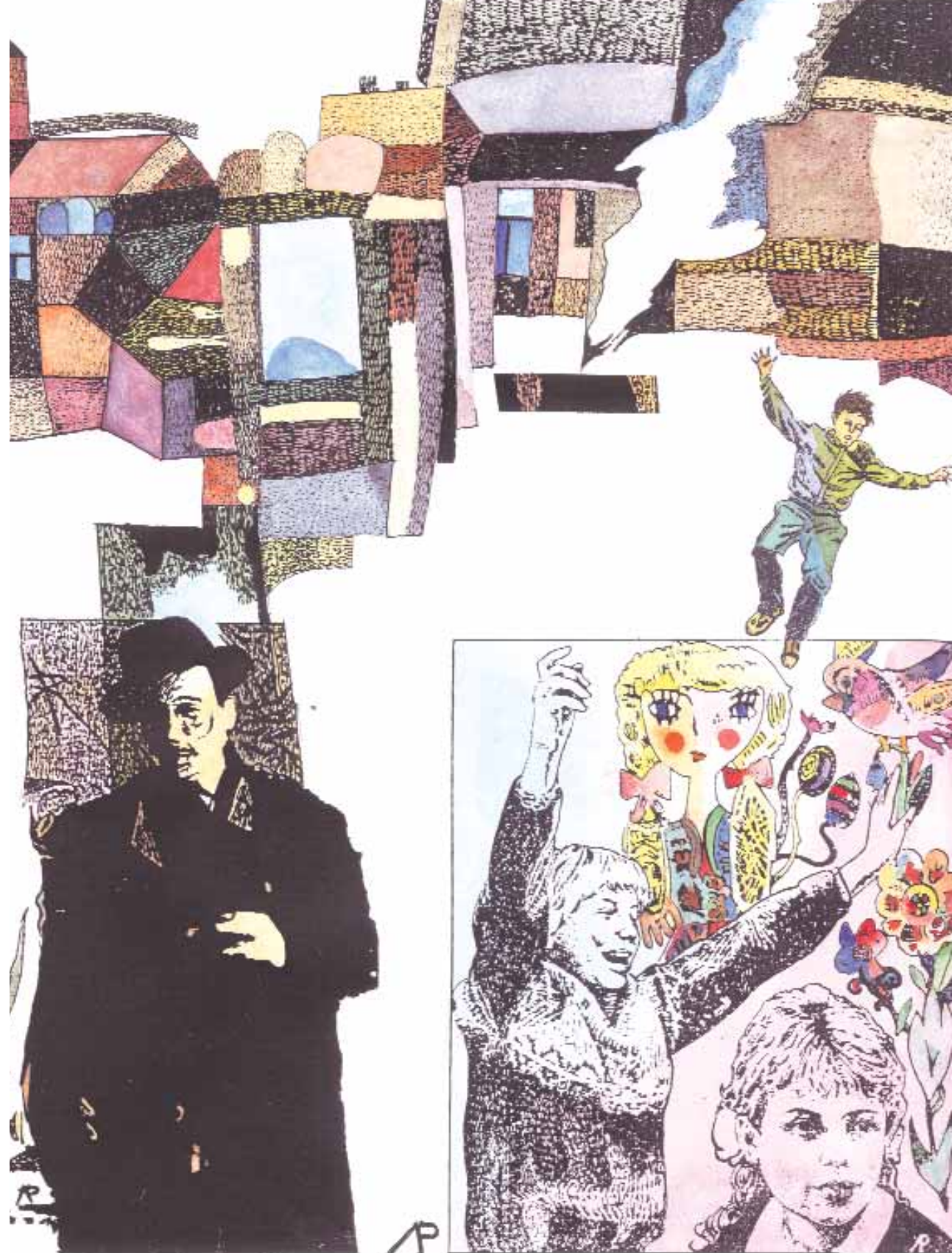
— Ребята, дайте, в конце концов, поспать! Идите в коридор и играйте себе на здоровье хоть до утра, — жалобно взмолился кларнетист Егор.

— Ладно, успокойся, сейчас заснешь. А я, пожалуй, пройдусь перед сном, что-то совсем спать не хочется. Не составишь компанию? — обратился Михаил к Валере.

— Ты что?! В такую-то погоду! Думай, что говоришь! Не дай Бог, застудишь связки, а завтра концерт, — назидательно произнес Валера.

Михаил ничего не ответил, молча надел пальто, надвинул на глаза шляпу и вышел.

В коридоре тихо перешептывались солистки ансамбля Зоя и Люба. Увидев выходящего Михаила, они загадочно переглянулись.

— Может, у Миши свидание? — ехидно предположила Зоя.

— Девчонки, хватит гадать на кофейной гуще, давайте лучше чай пить, — обратилась к подругам вышедшая из соседнего номера Леля.

Подняв воротник пальто, Михаил решительно открыл дверь вестибюля и вышел на улицу. Вокруг была сплошная темень, лишь тусклый фонарь на столбе раскачивался от сильного ветра из стороны в сторону.

Вдруг Михаил увидел вдалеке весело мигающие разноцветные лампочки на фасаде какого-то здания. От этого веселого призывного мигания стало как-то уютнее на душе, и он зашагал наугад в сторону этого разноцветия.

Здание оказалось городским Домом культуры и, залитое огнями, оно особенно выделялось среди окружающей темноты. Михаил вгляделся в афиши, висевшие у центрального входа с колоннами. На одной из них крупными красными буквами было написано: «Песни и романсы в исполнении Виталия Федотова», а на другой — «Концерт артистов Московской филармонии».

«Федотов! Не может быть! Неужели Виталик? А, может, однофамилец? Вот это да...» — мелькнула мысль.

Войдя в фойе, Михаил остановился, прислушиваясь к доносившимся сверху аплодисментам. Окошко кассы было прикрыто неплотно, и он постучал в него пальцем.

— Что стучите, молодой человек? — В окошке показалось усталое недовольное лицо пожилой кассирши. — Если за билетом, то все билеты уже проданы.

— Понимаете, тут такое дело, — чуть смущенно произнес Михаил. — Виталий Федотов, который сейчас у вас выступает, — мой старый друг, а я в городе ненадолго, проездом.

— Так это совсем другое дело, — по-доброму улыбнулась женщина. — Идите без билета, я вас пропущу. Виталий Николаевич — прекрасный певец, его у нас каждый в городе знает. Не смотрите, что на автобазе работает. Он — настоящий талант!

Сдав в гардеробе пальто и шляпу, Михаил поднялся на второй этаж и, приоткрыв

дверь в зал, увидел, что он забит до отказа. Но не вид переполненного зала поразил его — на сцене в поношенном фраке с бабочкой действительно стоял Виталик Федотов. В этот момент он как раз заканчивал петь, и на него обрушился шквал аплодисментов.

— Bravo! — неслось со всех сторон. — Bravo! Бис!

Когда овации немного стихли, Виталий с улыбкой обратился к публике:

— Спасибо, что не хотите отпускать меня. Сейчас я исполню для вас романс «Лучина». Его люблю не только я, но и мой лучший друг, лауреат многочисленных премий, певец Михаил Баланов.

И Виталий запел «Лучину». Зал замер, а затем вновь раздалась оглушительные аплодисменты. Публика с цветами ринулась на сцену. Михаилу вдруг захотелось тоже поздравить друга, но, поколебавшись немного, он так и не подошел к Виталию и, не дождаввшись окончания концерта, вышел из зала.

Возвращаясь в гостиницу и смахивая с лица прилипающие, словно мухи, дождевые капли, он возбужденно шептал про себя:

— Надо же! Виталик Федотов! Звезда, да и только! А сколько зрителей, какие овации! Кто бы мог подумать?

В гостиничном номере было темно и тихо, тишину нарушало лишь легкое сонное пошаривание коллег.

Михаил разделся в темноте и лег на кровать. Несмотря на усталость и массу впечатлений, сон никак не шел, и он долго ворочался, стараясь не скрипеть старыми пружинами. Перед глазами то и дело мелькали яркие картинки далекой юности.

Вспомнился и кружок хорового пения, где они вдвоем занимались — Виталик пел первым голосом, а он, Михаил, вторым. Вообще, в детстве они были — не разлей вода. Вместе ловили рыбу, вместе играли в футбол за одну команду, вместе пели популярную тогда песню из кинофильма «Путь к причалу» — «... если с другом случится беда...». И девушку одну полюбили — тоже вместе... Виталик первый отошел в сторону, не желая мешать другу, потом первый

поздравил влюбленных, хотя быть свидетелем на свадьбе отказался. Михаил принял эту жертву как должное.

А когда пришло время продолжить учебу, и из Москвы пришла разнарядка только на одного человека, именно Виталик предложил отправить в Москву Михаила, и тот снова принял это как должное.

Михаил уехал, и вскоре столичная жизнь закрутила так, что стало не до бывших друзей. Да и с женой что-то не сложилось — дошло до развода. Позже мать в письме сообщила, что Варя будто бы вернулась в городок, и они с Виталием стали жить вместе.

За будничной суетой, за концертами и частыми поездками Михаил совсем забыл друга, писем ему не писал и от него ничего не получал. Правда, до него доходили слухи, что тот не слишком хорошо устроился в жизни. Земляки также поговаривали, что Виталий продолжает выступать в самодеятельности, и Варя во всем его поддерживает.

«Почему я, — думал Михаил, — солист столичной филармонии, известный певец, вдруг позавидовал Виталику, а не порадовался за него? Почему так и не смог подойти на концерте к другу? Неужели я с детства ему завидую? И зависть ли это? Да, надо, наконец, честно признаться хотя бы самому себе: всю жизнь стремился быть первым...»

Михаил понимал, что не любит Варю и, вероятно, никогда не любил, но что-то мешало смириться с мыслью, что и здесь друг обошел его, что Виталий и Варя счастливы вместе. Да, Виталий по жизни оказался намного честнее и сильнее: не сломался, не спился. И славу свою нашел, и его, Михаила, не забывал, даже на концерте вспомнил добрым словом.

«А что сделал я, чтобы помочь другу? — с горечью продолжал думать Михаил. — Эх! Видимо, не свое место занимаю...»

Так он проворочался всю ночь, и лишь под утро забылся тяжелым сном. Но проснулся на удивление бодрым, на сердце было почему-то легко и спокойно. Он лихо

сбежал по ступенькам на улицу и увидел Валеру с Егором, о чем-то бурно спорящих.

— Что за шум, а драки нет? — пошутил Михаил.

— Да вот, предлагаю прогуляться по городу, а Егор упирается, — объяснил Валера.

— Пойдем! Пойдем! С удовольствием составлю тебе компанию, — хлопнул Валеру по плечу Михаил и быстро пошел вперед, насвистывая «Если радость на всех одна...».

Неожиданно он угодил в глубокую лужу и, глядя на намокшие ботинки, вдруг почувствовал, что от хорошего настроения не осталось и следа.

— Ну, вот, совсем хорошо, не хватало еще простудиться, — буркнул Михаил и обреченно зашагал обратно к Дому колхозника.

Вернувшись в номер, он снял ботинки, поставил их под батарею, открыл чемодан и вытащил пару свежих носков. Затем в одних носках направился в конец коридора к столику, за которым дремала дежурная по этажу.

— Извините, пожалуйста, — стараясь не испугать дежурную, тихо проговорил Михаил.

— Что? Что вы хотите, молодой человек? — встrepенулась женщина, всем своим видом показывая, что она не спала.

— Дело в том, что я промочил ноги, и ботинки сушатся под батареей. В общем, нет ли у вас какой-нибудь старой обуви или сапог?

— Что вы, Господь с вами! Откуда у меня сапоги? А вы, случайно, не артист из филармонии?

— Да, артист.

— Я сразу поняла, что из филармонии. Играете или поете? — допытывалась дежурная.

— Пою, но, если что, и подыграть могу, консерваторское образование позволяет, — с гордостью произнес Михаил.

— Вот никак не пойму, — вдруг всплеснула руками женщина. — Все едут и едут к нам певцы, музыканты всякие, как будто у нас своих талантов нет! Взять хотя бы Виталика Федотова — чем не талант? Таких и в Рязани не сыщешь! Не смотрите, что

консерваторию не заканчивал, — по местному радио каждую неделю поет. Говорят, даже из Москвы за ним какой-то профессор приезжал, только Виталик ехать в столицу отказался.

Михаил ничего не ответил дежурной, молча вернулся в свою комнату, лег не раздеваясь на диван, закрыл глаза и не заметил, как уснул. Снились ему Большой театр и поющий со сцены Виталик.

Перед началом концерта Михаил не на шутку разволновался, даже сам был этому удивлен — столько концертов позади, а такого волнения он раньше что-то не испытывал.

— Ух, народу — полным-полно, — взволнованно проговорил Валера, влетая в гримерную, где собрались в ожидании начала концерта все музыканты.

В зале действительно яблоку негде было упасть, даже галерка вся забита, не говоря уже о ложах.

Выступление Михаила завершало концерт, поэтому он сидел в опустевшей гримерной и, прикрыв глаза, вспоминал, как выходил рано по утрам из дома с мольбертом, забирался в самые отдаленные уголки леса, чтобы никто не мешал ему, и рисовал, рисовал. Возвращался домой поздно — усталый, но счастливый.

Если честно, Миша никогда не мечтал стать певцом, он хотел быть художником, даже учительница рисования в школе особо отмечала у школьника Баланова несомненный талант к живописи и, к тому же, усидчивость, столь необходимую для настоящего живописца. Но хоровой кружок притягивал Михаила, как магнит — ведь там пел его друг. В конце концов, наступил момент, когда надо было выбирать — пение или рисование. Он вспомнил, как, сидя на деревянной лавочке возле клуба, они с Виталиком подолгу говорили о своем будущем, мечтая о том, что Миша станет знаменитым художником, а Виталик — учителем пения.

Но... Миша художником так и не стал, а Виталика ждала работа на автобазе.

— Михаил Иванович, через пять минут ваш выход, — отвлек его от воспоминаний

голос заглянувшей в гримерную Зиночки, и Михаил направился в сторону сцены.

— Давай, давай, Миша, поторапливайся, сейчас тебя объявляю, — возбужденно вскочил ему навстречу конферансье. — Михаил Баланов, — через минуту раздался со сцены его голос, и зал взорвался аплодисментами.

В этот вечер Михаил пел с особым подъемом, что в последнее время случалось с ним нечасто. После каждого романса или песни зал долго ему аплодировал. Вот спета последняя песня, конферансье объявил окончание концерта, а зрители никак не отпускают его и не покидают зал.

— Миша, что ты стоишь? Иди, тебя вызывают, — слегка подтолкнула его к сцене Леля.

— Да я уже все исполнил из своего репертуара, — объяснил он, разводя руками. — Больше выступать не с чем.

— Но ты ведь артист, и должен быть на сцене. Надо идти, — твердо проговорил конферансье.

Михаил чуть замешкался, прислушиваясь к тому, что происходит в зале, затем решительно шагнул на сцену. Зал мгновенно стих.

— Я спою вам одну народную песню, — начал он, — которую мы с моим другом очень любим. В далеком детстве, занимаясь в хоровом кружке, мы часто ее пели вместе. Очевидно, сейчас мой друг находится в этом зале, по крайней мере, мне бы этого очень хотелось. Его зовут Виталий Федотов, вчера он здесь выступал. Виталик, если ты в зале, пожалуйста, выйди на сцену, и мы споем дуэтом.

— Он здесь, здесь! — донеслись крики из зала, и Михаил увидел, как Виталий поднимается с кресла и пытается пройти к сцене.

Он буквально впрыгнул на нее, друзья обнялись, а зрители дружно зааплодировали.

Федотов поднял руку, успокаивая зал, и в наступившей тишине друзья запели «Лучину». Когда песня закончилась, зал вновь взорвался овациями, а друзья, обнявшись, шагнули за кулисы и направлись в гримерную.

Они проговорили до глубокой ночи, вспоминая прошлое, расспрашивая друг друга о настоящем...

— Жаль, моего мольберта здесь нет, я бы с рассветом пошел в лес, как бывало раньше, — прощаясь с другом, произнес Михаил.

— А я захватил твой старый мольберт, он здесь, внизу, сейчас я его принесу, — улыбнулся в ответ Виталик.

Через несколько минут он вернулся в гримерную, держа в руках старенький мольберт.

Михаил присел на подлокотник кресла, бережно взял его, открыл и начал перебирать краски.

— Смотри-ка, краски не высохли, кисти в полном порядке, и даже растворитель сохранился, — удивлялся он.

— Миш! А, может, бросить все! Помнишь, как мечтали: я буду в клубе руководить хоровым кружком, а ты — обучать ребятню живописи. Смешно, конечно, но я, когда вчера тебя в зале увидел, подумал...

— А ты меня видел? — смутился Михаил.

— Конечно. Так вот, много воды утекло, много в жизни разного было. Но неужели все наши юношеские мечты так и останутся мечтами?

Михаил задумался и вдруг тихонько затаил:

— Извела меня кручина, подколотная змея...

— Догорай моя лучина, — тут же подхватил Виталик, — догорю с тобой и я...

Они замолчали, думая каждый о своем, затем крепко обнялись и вышли из гримерной.

Михаил шел к Дому колхозника с перекинутым через плечо старым мольбертом и не замечал ни луж, ни морозящего дождя. Зайдя в номер и включив настольную лампу, бережно положил мольберт на кровать, достал из чемодана тетрадь в клетку и вырвал из нее один лист. «Уезжайте без меня. Чемодан оставьте у дежурной по этажу. В филармонию позвоню сам», — ровным почерком написал он и зачем-то поставил дату и расписался внизу листка...

На рассвете Михаил вышел из номера и направился по коридору к выходу... На плече его висел мольберт.

— Куда вы, товарищ артист, в такую рань? — спросила дежурная.

— В лес, на природу, — улыбнувшись, ответил он, но вдруг, словно поддавшись внезапному импульсу, остановился, тупо глядя на пожилую женщину, начавшую протирать влажной тряпкой подоконник, торопясь быстрее сдать свою смену.

Не отдавая себе отчета, Михаил резко повернулся и медленно пошел обратно к своему номеру.

Стараясь не разбудить спящих коллег, он тихо прикрыл за собой дверь и направился к тумбочке, где лежала написанная им вчера вечером записка. Взяв листок в руки, Михаил долго вчитывался в текст, а затем начал тщательно рвать его на мелкие кусочки...

Через два часа тот же старенький «ЛИАЗ» снова трясся по ухабистой, размытой дождем дороге, но атмосфера в салоне автобуса была уже совсем иная: все шумно переговаривались, кто-то напевал себе под нос, кто-то вспоминал смешные эпизоды гастрольной жизни, кто-то вслух радовался, что впереди их ждет целая неделя отдыха.

Только Михаил сидел молча, хмуро поглядывая в тусклое окно, обрызганное дорожной грязью и каплями дождя.

«Прощай, городок моего детства! Вряд ли придется еще когда-нибудь сюда приехать. И это, наверное, правильно. Дважды в одну реку не войдешь, и прошлое теревить не стоит. Но что меня так беспокоит? Почему я так и не решился? Почему не смог... опять не смог?»

Отгоняя от себя эти непрошенные и, как ему казалось, ненужные мысли, Михаил подумал: «Скоро Москва, а там — отдых, потом новые концерты, новые гастрольные, новые интересные встречи... Все правильно...»

Вот и на этот раз жизнь все расставила по своим местам, но, как всегда, по-своему...

Рисунок Михаила Серова.

Первый секретный деловой человек

Любовь Русева

*Кому мы всем этим обязаны?
Кто, где, когда впервые привил к нашей жизни
новое искусство? Он, незабвенный наш
Федор Григорьевич Волков...*

М.С. Щепкин

Переворот

Свежесть раннего утра бодрила. По аллее, ведущей в Монплеизр, размашисто шагал молодой красавец-геркулес. Тяжелые шаги гвардейца нарушали тишину «Чайного домика», в котором со своим штатом жила Екатерина Алексеевна. До смерти перепуганная доверенная девица императрицы спросонья что-то защебетала и тщетно пыталась не допустить Орлова в опочивальню Екатерины.

— Катрин, не время.

Алехан, точно пушинку, приподнял и отодвинул Шаргородскую и вошел в спальню.

— Пора вставать, государыня, все готово, чтобы провозгласить вас, — спокойно молвил Орлов.

— Что? Как? — захлопала глазами императрица, но смысл сказанного быстро достиг ее сознания, сон мгновенно улетучился. — Подробности.

— Пассек арестован. Надо ехать.

Не говоря более ни слова, Алексей Григорьевич вышел...

В эти часы решалась судьба России. Но порой от каких случайностей и мелочей зависит эта судьба! Гвардейцы, готовившие государственный переворот, вынуждены были действовать стремительно в связи с арестом офицера Пассека. Покинуть тайно Петергоф заговорщикам удалось, но по дороге в Петербург от бешеной скачки пала одна из лошадей. Вот-вот хватятся императрицы ее стражники — верные Петру голштинцы, и тогда плахи никому не миновать. К счастью, на стоявший экипаж наткнулся крестьянин, везший домой сено.

— Чур меня! Чур! — Перепуганный мужик осенил себя крестным знаменем. — Сгинь, нечистая! — отмахивался он от неожиданно возникшего перед ним гиганта со шпагой, которую в тумане принял за хвост дьявола.

Но «нечистый» и не думал исчезать, а на радостях крепко обнял мужика да мгновенно выпряг его лошадь.

— Барин, за какие грехи разоряешь? Без лошадки-кормилицы мне никак нельзя, без нее, родимой, вся семья по миру пойдет!

— Не горюй, старик! — зычно крикнул с козел Орлов. — Твоя кобылка корону российскую едет добывать! Дня через два приходи во дворец, спроси императрицу, и получишь кобылку свою да кое-что еще в придачу... — Взмахнул кнутом — и был таков.

Но главное ждало впереди...

Барабаны забили тревогу. Разбуженные измайловцы, на ходу одеваясь, выскочили из казарм. Увидев перед собой императрицу, гвардейцы закричали «ура!» и бросились целовать ее руки, ноги, запыленное платье. Накануне распространился слух, что их любимица арестована, брошена в крепость, и ее ждет лютая смерть.

— Матушка ты наша!..

— Страдалица наша!..

— Не дадим тебя в обиду!..

— Не ради спасения живота своего пришла я к вам. Защиты прошу для сына моего — наследника Российского престола, для вашего будущего императора.

— Да мы за тебя на плаху готовы идти!..

Толпа солдат и офицеров расступилась перед любимым полковым священником.

— Благословляю тебя и чадо твое, — перекрестил Екатерину отец Алексей.

— Будь нашей самодержицей! — кричали счастливые гвардейцы. — Спаси державу от лиха злого!

Вот он — момент истины. Слово сказано. Словно по щучьему велению, появился полковой походный алтарь. Но где командир полка? Где граф Разумовский и Теплов? Они должны были доставить написанный и тайно напечатанный за ночь в академической типографии высочайший Манифест о смене власти. Без него полк к присяге не привести.

Офицеров-заговорщиков прошиб холодный пот. К озиравшимся в поисках Разумовского братьям Орловым подошел красавец в синем сюртуке.

— Господа, дайте кто-нибудь лист.

- Что? — рассеянно бросил Григорий Орлов.
- Дайте мне какой-нибудь лист.
- Федор Григорьевич, голубчик, выручай.

Рискованное намерение Волкова офицеры поняли. Торжественно держа в руках чистый лист, актер важно встал рядом с императрицей. Измайловцы стихли, и над плацем понесся могучий, удивительной красоты тембра голос актера.

— Божией милостью мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссийская и прочая, и прочая... Всем прямым сынам Отечества Российского явно оказалось, какая опасность всему Российскому государству началась...

Гвардейцы, слушая «Манифест», плакали да кивали. И верно, что церковь наша притесняется, да веру православную нехристи заменить иноверным законом хотят.

— Второе, — продолжал «читать» Волков. — Слава российская, возведенная на высокую степень своим победоносным оружием, чрез многое свое кровопролитие заключением нового мира с самым ея злодеем отдана уже действительно в совершенное порабощение; а между тем внутренние порядки, составляющие целость всего нашего Отечества, совсем испровержены. Того ради убеждены будучи всех наших верноподданных таковою опасностью, принуждены были, приняв Бога и его правосудие себе в помощь, а особливо видев к тому желание всех наших верноподданных ясное и нелицемерное, вступили на престол наш всероссийской самодержавной, в чем и все наши верноподданные присягу нам торжественную учинили. Екатерина.

Неистовым «ура!» ответили измайловцы на Манифест. Тут же, под открытым небом, на плацу, полк принес присягу на верность государыне императрице и самодержице Всероссийской Екатерине Второй.

— К семеновцам! — раздался крик, и все направились к казармам Семеновского полка...

Современник этих событий Тургенев сообщал в своих записках: «При Екатерине первый секретный, не многим известный, деловой человек был актер Федор Волков, может быть, первый основатель всего величия императрицы. Он во время переворота при восшествии ее на трон действовал умом; прочие, как-то: главные Орловы, кн. Барятинский, Теплов — действовали физической силою, в случае необходимости и горлом, привлекая других в общий заговор. Екатерина, воцарившись, предложила Федору Григорьевичу Волкову быть кабинет-министром ее, возлагала на него орден Св. Андрея Первозванного. Волков от всего отказался... По восшествии ее на трон... всегда имел доступ в кабинет к государыне без доклада...»

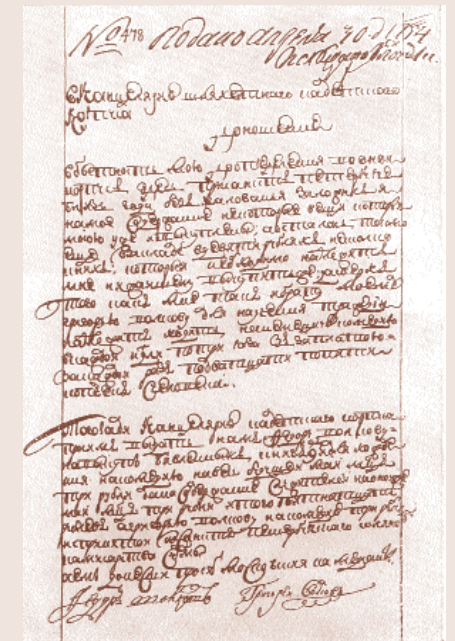
Спустя шесть дней после переворота императрица отблагодарила и наградила активных его участников. Но из 68 человек такой «богатой награды», как братья Волковы, мало кто удостоился. Указом от 3 августа 1762 года основатели русского театра ярославские купцы Федор и Григорий Волковы получили дворянство и 700 душ.

Как бы ни спорили биографы о личности Федора Григорьевича Волкова, но все сходилось в одном — он был человеком недюжинного ума. Знаменитый просветитель Николай Иванович Новиков писал о нем в «Опыте исторического словаря о российских писателях»: «Сей муж был великого и пронизательного разума, основательного и здравого рассуждения и редких дарований, украшенных многим учением и прилежным чтением наилучших книг». Денис Иванович Фонвизин считал, что Волков «...мог бы быть человеком государственным».

Намереваясь избавиться от ненавистной жены и ее сына, Петр III окружил Екатерину шпионами. Через стражу голштинцев пробраться к ней было сложно. Одно не вызывало у императора подозрений — ее общение с лицедеями. Пусть-де лучше супруга развлекается, нежели лезет в политику. Так что, Волков был одним из немногих, кто имел свободный доступ к Екатерине Алексеевне. Он-то и был «связным» между императрицей и заговорщиками. Вероятно, Федор Григорьевич, «действовавший умом», участвовал и в составлении текста Манифеста, что позволило ему по чистому листку «прочсть» его измайловцам.

Купец

О «Первом секретном деловом человеке» сохранилось мало достоверных сведений, и потому биографические статьи о нем полны противоречий, начиная с даты и места рождения. Большинство авторов называ-

Автографы Федора и Григория Волковых.

ют год рождения 1729-й, и всего несколько — 1728-й. Однако в Переписной книге 2-й ревизии населения Костромы и Костромского уезда 20 апреля 1744 года написано: «...Григорья Иванова сына Волкова дети, после переписи рожденные: Федор шестнадцати лет, Алексей пятнадцати лет, Гаврило двенадцати лет, Иван одиннадцати лет, Григорей осьми лет...».

Федор Григорьевич Волков родился 9 февраля 1728 года в Костроме. В восемь лет мальчик потерял отца. У Матрены Яковлевны осталось на руках пятеро сыновей, но вдовствовала она недолго: через год вышла замуж за ярославского купца и заводчика Полушкина.

Повезло детям с отчимом. Федор Васильевич оказался не только состоятельным, но прогрессивным и добрым человеком. Пасынков он любил и воспитывал, как родных сыновей. Полушкин «...не щадя собственного своего капитала, содеража для обучения их при доме на своем коште учителей, и обучал грамоте, и писать, и другим наукам, також и завоцким произвождениям и купечеству». Так сообщал в «доношении» Ярославский магистрат Главному магистрату.

Одним из учителей, который оказал огромное влияние на формирование будущего основателя русского театра, был пастор, состоявший при герцоге Бироне и сосланный вместе с ним в Ярославль. Пастор обучал мальчика музыке и немецкому языку, на котором впоследствии Волков говорил «как природный немец».

Особые надежды Полушкин связывал с Федором, в котором рано проявились разнообразные таланты. Учился он легко, «пристрастно прилежал к познанию наук и художеств». От первого биографа мы узнаем, что живописи Волков обучался «сам собою еще в ребячестве, не престанно рисуя и срисовывая всякие виды. Таким образом, упражнялся он и в резном искусстве...». При этом тот же Новиков отмечает, что «проницательный и острый разум споспешествовал ему без всякого, можно сказать, предводителя доходить в оных до возможного совершенства». В Ярославле сохранилась церковь Николы Надеина с иконостасом, сделанным по эскизу Федора Григорьевича.

До «возможного совершенства» довел Волков и свои музыкальные способности. Он писал музыку, прекрасно играл на многих инструментах и мастерски исполнял оперные арии, особенно итальянские.

Слыл Федор Григорьевич и замечательным поэтом, но, к сожалению, кроме нескольких его песен («Ты проходишь мимо кельи, дорогая» и «Станем, братцы, петь старую песню»), которые долго распевали в России, почти ничего не сохранилось. Новиков писал, что «сочинения его весьма много имеют остроты, а особливо ода «Петру Великому», великой достойна похвалы...». Об «остроте» Волкова мы можем судить только по сохранившейся эпиграмме.

*Всадника хвалят: хорош молодец!
Хвалят другие: хорош жеребец!
Полно, не спорьте: и конь и детина,
Оба красивы; да оба — скотина.*

Полушкин видел в старшем пасынке продолжателя своего дела, ему он и завещал все. Но чтобы вести торговлю да управлять серными, селитряными и кожевенными заводами, нужны были основательные знания, и отчим отдаст Федора в «науки» в Москву.

Не имея «ни малой склонности к промыслам своего вотчима», Волков, помимо изучения нужных для торговли и промышленности предметов, страстно увлекся представлениями «охочих комедиантов». Пьесы в ту пору игрались и в Славяно-греко-латинской академии, и в Хирургической школе. Итальянцы давали в Первопрестольной оперно-балетные представления. К тому же открылся публичный городской театр — «Немецкая комедия», куда москвичи повалили валом. Страсть к зрелищам подобного рода привела к тому, что те, кто не имел возможности купить билет, «брали приступом» зал. Наказание «плетью нещадно» не помогало, и «озорники» продолжали штурмовать театр. Назрела необходимость в создании своего русского «порядочного» (профессионального) театра.

В Москве Волков пробыл всего несколько лет. В 1743 году Полушкин отозвал его в Ярославль и вместе с братьями сделал товарищем по промышленным предприятиям. По заключенному договору, Федор Васильевич обязался, сверх содержания, наградить пасынков половиной прибыли от заводов и четвертой частью наследства после его смерти. Федору отчим поручил главное наблюдение за заводами и надзор за рабочими. Видно, склонность к «искусствам и наукам» Волкова были известны Полушкину, поскольку в договоре особо отмечено, что Федор обязался служить при заводах, вести дело с «прилежным рачением, а не для одного только вида, чтобы заводчиком слыть и от купечества отбывать».

Продолжая «образовывать» любимого пасынка, Федор Васильевич отправляет его в Петербург, где тот поступает в немецкую торговую контору, чтобы научиться бухгалтерии и «правильным торговым приемам». Полушкина радовало усердие и энергия, с какими Федор вел его дела. Но вряд ли этот достойный человек предполагал, что немец, хозяин конторы, поведет пасынка в придворный театр на представление итальянской оперы, и тем самым все старания его сведет на нет.

Впервые Волков увидел настоящий театр. С этого времени он становится его завсегдатаем. Федор перезнакомился с артистами, тщательно изучил само здание, зарисовывал декорации, различные механические приспособления и машины, начал серьезно изучать режиссерское и сценическое искусство. По словам Новикова: «Имел он прибежище к итальянским актерам, которые, хотя и сами не весьма были далеки в актерской должности, но г. Волков дошел, наконец, до познания ее красот и тонкостей острою своего разума и врожденной к театру способности».

Впервые в Петербурге Волков увидел настоящий театр и с этого времени стал его завсегдатаем.

Сильное впечатление произвели на Федора Григорьевича и спектакли кадетского корпуса. Позже он признался, что не знал, где был — на земле или на небесах.

Волков познакомился и подружился с директором и даровитым актером немецкой частной труппы Аккерманом, у которого в чести были комедии Мольера. В результате, как пишут современники, Волков «театральное искусство знал в высшей степени».

Но петербургская сказка продолжалась недолго: в 1747 году умирает Полушкин, и Федору Григорьевичу, ставшему наследником всего огромного дела отчима, пришлось возвращаться в Ярославль.

Отец русского театра

Не зря беспокоился покойный о том, как будет вести дела его любимый пасынок. Новоиспеченный заводчик сразу же занялся с «прилежным рачением, а не для одного только вида» диковинным делом — созданием театра. И здание для этого нашлось — каменный кожевенный амбар Полушкина. Сделали подмости, приспособили места для зрителей, обставили сцену декорациями (которые, кстати, писал сам Волков), осветили амбар плошками.

Благо, увлеченной и талантливой молодежи (семинаристы, мелкие служащие, переписчики, ремесленники) в Ярославле хватало, было из кого набрать труппу. Первое представление в здании театра-амбара состоялось 29 июня 1750 года.

Но хватало в этом замечательном городе и косных молодчиков, для которых «богомерзкие» игрища лицедеев были точно кость в горле. Тягу жителей к театральным представлениям они пытались пресечь по-своему.

В январе 1750 года императрице Елизавете Петровне бил челом сын «содержателя лентовой фабрики» в Ярославле Егор Холщевников: «...будучи я в доме ярославского купца Григория Серова, где тогда производилась комедия, шел в дом мой, и со мною же шли Ярославской провинциальной канцелярии канцелярист Яков Попов, ярославские купцы Алексей Волков з женою... и многие другие». На мирно идущих актеров и зрителей налетели «лентовой же фабрики содержатель Григорий Гурьев с фабрищиками его в троих санях» да избili всех дубинами, а сам Гурьев «людей бил и кусал зубами, причем и меня, схватя за волосы, укусил персты до крови...»

Так же встречали зрителей и актеров после спектаклей в амбаре: «человек с двадцать, выхватя из саней дубины, показанных Волкова и других, идущих с комедии людей, били... При вышеозначенном нападении помянутые всенародно похвалялись, что ежели б де у них тогда был нож, то б де всех перерезали...». Хорошо, что офицеры любили театр и вовремя приходили на помощь. Так, «квартирующий в доме купца Серова лейб-гвардии Измайловского полку поручик Дурново высрал команды своей солдат, которые и пресекли разбой».

Но устрашения не помогли — амбар всегда был переполнен зрителями, причем, что примечательно: обыватели ходили на представления вместе с женами.

Сторонниками начинаний были и ярославский воевода Мусин-Пушкин, и тамошний помещик Майков, предлагавший для спектаклей свой дом. Эти меценаты уговорили многих купцов пожертвовать средства для строительства специального здания для театра. Львиную долю вложил и сам Волков.

Открытие нового деревянного театра состоялось в начале 1751 года. Для того времени он считался очень большим — вмещал до тысячи человек. Устроен театр был по последнему слову театральной и архитектурной техники того времени. Федор Григорьевич сам был и архитектором, и машинистом сцены, и декоратором, и директором созданного им театра. Он же был и автором многих пьес, и композитором, и режиссером, и первым актером.

Любопытно, что позже сын ярославского священника Лебедев, по примеру Волкова, устроил театр в Калькутте, где, естественно, ставились пьесы на бенгальском языке (он переводил их с английского). Так вот, Герасим Степанович признавался, что «подобно своему земляку Федору Волкову, малевал ширмы» для этого театра.

Репертуар Волков подобрал разнообразный, его труппа исполняла школьные драмы и комические пьесы собственного сочинения о ярославских нравах, трагедии Сумарокова и комедии Мольера. Платные спектакли давались регулярно. Так из любителей соратники Волкова постепенно становились профессиональными актерами.

Радение о своем детище привело братьев Волковых к тяжбе с дочерью Полушкина от первого брака — Матроне Кирпичевой, которая не могла смириться с тем, что все досталось ее сводным братьям. В своей жалобе Берг-коллегии она сообщала, что Волковы, нисколько не заботясь о заводах, расстроили их, а рабочих обратили в комедиантов. Отец же ее «усмотрел их, Волковых, неспособных и нимало к заводскому производству неграмотных, и наследства им не оставил», и потому она просила утвердить ее наследницей. Дело по этой тяжбе тянулось несколько лет. Сначала оно было решено в пользу Волковых, а затем, в 1754 году, когда Федор Григорьевич был уже в Петербурге, Кирпичеву признали единственной наследницей Полушкина, Волковых же исключили из заводчиков. При расследовании жалобы Кирпичевой рабочие заявили, что Федор Волков и братья его привели заводы в полный упадок и окончательно подорвали все дело, оставили их без работы, «в убожестве и разорении», не кормят, не одевают и от себя не отпускают.

Слух о ярославском театре дошел до императрицы. Мечтавшая иметь не только немецкую, французскую и итальянскую труппы, а настоящую русскую, она тотчас повелела доставить актеров в Петербург.

Слух об ярославском театре дошел до императрицы. Елизавета Петровна, мечтавшая иметь не только немецкую, французскую и итальянскую труппы, а настоящую русскую, тотчас повелела доставить в Петербург актеров, чтобы увидеть их представления до наступающего поста.

Первые дни нового 1752 года выдались для многих петербуржцев хлопотными. Курьеры беспрестанно скакали по столице, объезжая всех сенаторов по домам, чтобы те подписали «Указ», не дожидаясь окончания праздников. А «сенатской роты поручик Дашков», не догуляв святки, наскоро собрался в дорогу, облачился в громадный тулуп, укутался в саях меховой полостью и помчался в Ярославль с императорским «Указом» за пазухой.

Панорама Москвы.
XVIII век.

«... Императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская, сего генваря 3 дня указать соизволила: ярославских купцов Федора Григорьева сына Волкова с братьями Гаврилою и Григорием, которые в Ярославле содержат театр и играют комедии, и кто им для того еще потребны будут, привести в Санкт-Петербург... Для скорейшего оных людей и принадлежащего им платья сюда привозу, под оное дать ямские подводы и на них из казны прогонные деньги...»

Переполюх в Ярославле был невиданный. Чиновники тамошней канцелярии, на которых было возложено спешно отправить в Петербург, «кто к игранию комедий потребен», докладывали Сенату в своем рапорте: «И сего же генваря 13 дня в Ярославской провинциальной канцелярии определено оных Федора Волкова, он же и Полушкин, з

За свою короткую сценическую деятельность «отец русского театра» исполнил более шестидесяти ролей, причем с одинаковым блеском выступал как в трагедиях, так и в комедиях.

Демьяна Галина, Якова Шумского с присланным ис Правительствующаго Сената подпоручиком Дашковым в Санкт-Питербурх отправить, кои при сем и отправлены на 19-ти ямских подводах».

Первые представления для императрицы труппа дала в Царском Селе, а в начале февраля 1752 года ярославцы играли трагедии Сумарокова уже в столице перед всем двором, причем сам драматург присутствовал среди зрителей. Николай Иванович Новиков писал: «Искусные и знающие люди увидели превеликие способности в сем г. Волкове и прочих его сотоварищах, хотя игра их и была только что природная и не весьма украшенная искусством».

Эта «природная» игра впоследствии и стала особенностью русских актеров. Но для того времени считалась недостатком, поскольку техника сценической игры требовала от актеров мастерского владения пластикой, близкой к балетной, существовал целый набор обязательных красивых поз при исполнении трагедий. Этими тонкостями ярославцы не владели, поэтому основание государственного русского театра на основе привезенной труппы пришлось отложить. Императрица приказала лучших актеров (Дмитревского, Попова, Федора и Григория Волковых) определить в кадетский корпус на казенный кошт. Федор Григорьевич получал жалованье по 100 рублей в год, остальные — по 50. Других одарила и позволила по их выбору либо вернуться в Ярославль, либо остаться. Почему-то Елизавета Петровна не обратила внимания на Шумского, ставшего впоследствии любимцем публики.

Жили ярославцы в корпусе, научным предметам обучались вместе с кадетами, отличаясь от них лишь особой формой платья. Кроме общего кадетского обучения, Волкову и его товарищам преподавались сценические приемы и декламация. Преподавателями были офицеры Мелиссино, Остервальд и Свистунов — лучшие «актеры» кадетского корпуса. Занимался с ними также и Сумароков. Практикова-

лись же ярославцы во время придворных спектаклей, на которых они выступали вместе с кадетами.

Но Федор Григорьевич Волков, как всегда, не довольствовался только тем, что давало кадетское образование, и много работал самостоятельно. Кроме того, серьезно занимался музыкой и рисованием. Сохранился любопытный документ, ярко характеризующий Волкова, его жажду знаний. Это «покорнейшее доношение» Федора и Григория Волковых в канцелярию корпуса, поданное ими в сентябрь 1756 года. В документе Федор Григорьевич объясняет, что он не задолго перед тем выписал из-за границы несколько нужных ему театральных и «перспективических» книг и, не имея в то время наличных денег для уплаты за них, заложил «епанчу лисью» и «плащ суконный красный». Поскольку эти вещи «для наступающего зимняго времени» нужно выкупить, то он и просит выдать ему и брату все причитающееся за этот год жалованье.

В этом же году ярославцев выпустили из корпуса, и 30 августа последовал указ императрицы Елизаветы Петровны об учреждении русского публичного театра. Волкову присвоили звание первого «придворного актера». С этого времени слава Федора Григорьевича начала быстро расти, а огромный талант его признавали даже иностранцы.

Говорить о значении для русской национальной культуры открытия первого русского государственного театра — излишне. Главное, что важно и о чем мечтал Волков, этот театр был организован не как придворный (чего добивался Сумароков), а как публичный. Таким образом, настоящее театральное искусство становилось доступным для всех.

Под театр отдали дом графа Головкина, что на Васильевском острове. Первым директором стал первый русский драматург Сумароков, который руководил им пять лет. После его отставки директором назначили Федора Григорьевича. Волков занимался, как и в Ярославле, и репертуаром, и режиссурой, и продолжал при этом играть. За свою короткую сценическую деятельность «отец русского театра» исполнил более шестидесяти ролей, причем он с одинаковым блеском выступал как в трагедиях, так и в комедиях. Усвоив в совершенстве исполнительскую манеру своего времени, он в то же время сохранил пленяющую естественность, эмоциональность и яркий темперамент. «Сценическая правда» стала отличительной чертой русского театра. Неслучайно гениальный актер Щепкин скажет свои слова: «Кому мы всем этим обязаны? Кто, где, когда впервые привил к нашей жизни новое искусство? Он, незабвенный наш Федор Григорьевич Волков...»

Громадный режиссерский талант «отца русского театра» в полной мере раскрылся в грандиозной постановке уличного маскарада «Торжест-

вующая Минерва». Состоялся этот «гала-концерт» в Москве в 1763 году по случаю коронации Екатерины Великой, и длился целых три дня на Масленой неделе.

Волков задействовал 4000 участников. Он использовал приемы народных игр, скоморошских забав, песенный и плясовой фольклор. По грандиозности и красочности это зрелище не знало себе подобных. Ко всему прочему, в яркой маскарадной форме были показаны и неприглядные стороны жизни государства Российской.

Расклеенные афиши сообщали: «Сего месяца, 30-го, февраля 1-го и 2-го, то есть в четверг, субботу и в воскресенье по улицам Большой Немецкой, по обоим Басманным, по Мясницкой и Покровке, от 10 часов утра за полдни, будет ездить большой маскарад, названный «Торжествующая Минерва», в котором изъясится Гнусность пороков и Слава добродетели. По возвращении оно к (ледяным) горам, начнут кататься и на сделанном на то театре представят народу разные игральщища, пляски, комедии кукольные, гокус покус и разные телодвижения; станут доставать деньги своим проворством; охотники бегаться на лошадях и прочее. Кто оное видеть желает, могут туда собираться и кататься с гор во всю неделю Масленицы с утра и до ночи, в маске или без маски, кто как похочет, всякого звания люди».

О том, насколько это было красочное и поучительное зрелище, подробно описал в «Старой Москве» Пыляев.

Руководя маскарадом, Федор Григорьевич постоянно разъезжал среди процессий. Но во время этого праздника в честь императрицы «Первый секретный деловой человек» Екатерины Великой получил «лютую горячку», и 4 апреля 1763 года скончался, «к великому и общему всех сожалению».

Похоронили отца русского театра с великими почестями в Андроньевом монастыре. И знать, и простой народ провожали в последний путь своего кумира. К сожалению, опустошение французами монастыря привело к потере могилы.

Со временем об этом поистине великом человеке стали забывать, но его дело — основание театра — продолжало процветать. Что касается самого первого театра, основанного им в Ярославле, он продолжал свою жизнь и пользовался большим успехом у зрителей. После отъезда Федора Григорьевича в Петербург труппу возглавили его братья, Алексей и Гавриил.

Продолжали дело Волкова и его выдающиеся соратники — Дмитревский, Попов и Шумский. Они воплотили мечту Федора Григорьевича в жизнь — при них русский театр стал настоящим достоянием народа, настоящей школой жизни.

Со временем об этом поистине великом человеке стали забывать, но его дело — основание театра — процветало. Так же, как и его первый театр в Ярославле, который пользовался большим успехом у зрителей.

Маска Вакха к маскараду «Торжествующая Минерва».

Титульный лист либретто маскарада «Торжествующая Минерва».

...Жил-был Ханс Кристиан Андерсен... Именно так почти всегда начинаются сказки, которые мы рассказываем детям. Дети ведь не задумываются – как жил, откуда был... Жил-был – и все! Это взрослые понимают, что сразу Великими Сказочниками не рождаются, да и жизнь их отнюдь не похожа на сказку...

Великий сказочник

Евгения
Гордиенко

«Чтобы стать знаменитым...»

Вряд ли 2 апреля 1805 года маленький датский городок Оденсе, что на острове Фюн, ощутил, что в этот день там родился человек, который прославит не только Оденсе, но и всю Данию... Маленький Ханс Кристиан Андерсен появился на свет в бедной, если не сказать нищей, семье. Однако отец-сапожник и мать-прачка считали, что их сыну несказанно повезло. Мать даже говорила: «Какой же он счастливый! Живет прямо как настоящий графский сынок!» Еще бы – ее саму родители в детстве выгоняли на улицу просить милостыню, а Ханс Кристиан должен был лишь исправно ходить в школу. Впрочем, его самого это занятие не очень прельщало, уроки он учил от случая к случаю, да и то лишь по дороге в школу. За нерадение регулярно получал нагоняй от учителя – в виде ударов палкой по пальцам... Куда больше мальчугану нравилось сочинять истории – тогда, конечно, еще не сказки. Только вот рассказывать их было, увы, некому... Единственный, кто его слушал, – кот Карл. Но как он слушал! Ведь Карл, в отличие от соседских ребят, которые смеялись над историями Андерсена, действительно верил в то, что сочинял его хозяин. У него был только один недостаток – засыпал во время чтения. Позже писатель назовет Карла «своим самым преданным почитателем...»

Но тогда у юного Андерсена и в мыслях не было становиться писателем – маленький житель Оденсе грезил театром и даже участвовал в местных постановках: пел, декламировал стихи и даже играл небольшие роли. Но разве остров Фюн – предел мечтаний, разве можно здесь удовлетворить юношеские амбиции? Разве не нужно идти вперед, к заветной цели, пусть даже ценой лишений и переживаний? Все эти мысли и озвучил четырнадцатилетний Ханс Кристиан своей матери, напрасно пытавшейся отговорить его от поездки в Копенгаген. Когда же она, наконец, просто спросила: «Зачем?!», сын так же просто ответил ей: «Чтобы стать знаменитым!»

А может, ему лишь хотелось верить в предсказание старой гадалки, пообещавшей мальчугану, что он прославится на весь мир, и однажды родной город устроит иллюминацию в его честь...

Нелюбимый город

«...Шел солдат по дороге: раз-два! Раз-два! Ранец за спиной, сабля на боку...» Подобно герою самой, пожалуй, известной сказки Андерсена «Огниво», будущий писатель отправился покорять столицу. Только у него не было сабли, лишь узелок, который собрала на дорогу мать...

Театр, театр – он грезил им, но храм искусства почему-то не отвечал юному Хансу Кристиану взаимностью. Андерсен так и не попал на сце-

ну — его не брали из-за внешности: «Слишком уж некрасив!» Он и вправду не блистал красотой: маленькие глаза, огромный нос, высокий, худой, длинные руки с большими пальцами... Позже, уже став знаменитым, он научился отвечать на нападки, касающиеся внешности. Когда однажды какой-то щеголь в Копенгагене, увидев на голове писателя старую, поношенную шляпу, воскликнул: «И что, эта жалкая штука у вас на голове называется шляпой?», тот немедленно среагировал: «А эта жалкая штука под вашей шляпой называется головой?»...

...Актером ему не стать, понял юноша, так почему бы не вспомнить детские опыты и не попробовать себя в писательстве? Он принялся сочинять пьесы, вначале их, конечно, отвергали, но некий господин Коллин, как впоследствии выяснилось, управляющий Королевским театром, заметил в них «много золотых зерен». Этот человек стал для будущего сказочника настоящим благодетелем: благодаря ему Андерсен смог бесплатно учиться в латинской школе, и даже получал стипендию! А семья Колина на долгие годы заменила Хансу Кристиану настоящий дом.

В Копенгагене студенту с простонародной фамилией, заканчивающейся на «сен», жилось непросто. Но тем и замечателен был этот человек, что умел находить интересное и увлекательное в своем внутреннем мире, не обращая внимания на насмешки, уколы и издевательства... Уже потом, став известным во всей Европе, Андерсен по-прежнему не любил Копенгаген, где к нему все еще относились, как к «выскочке», который так не походил на спесивых и благополучных обывателей...

В студенческие годы Андерсен много писал. Он вообще писал легко, импровизации удавались ему лучше всего. Образы и мысли роились в голове, и надо только успеть записать их, пока они не унеслись... Но первым заметным произведением стала вовсе не сказка, а сатирическая повесть «Прогулки на остров Амагер». Ее автору было всего 23 года...

Сказки Но где же сказки? — спросите вы... Почему Андерсен стал писать именно для детей? Может быть, причиной послужил один случай...

Как-то писатель шел по копенгагенской улице в районе Старого порта, шел мимо сонных кораблей и тихих домов. Когда проходил мимо одного из окон, женщина, сидевшая в доме, сказала своему сыну:

— Вот идет господин Андерсен. Под его колыбельную песню ты так хорошо засыпаешь.

Мальчик взглянул на высокого и худого человека в черном костюме, чем-то напоминающего иностранца, взял своего единственного хромого солдата, выбежал на улицу, сунул солдата незнакомцу и убежал...

А солдатик стал родоначальником огромной коллекции сказок, которые по сей день читают мамы на ночь детям во всех странах мира...

Сам Андерсен называл свои сказки «историями» и считал, что они написаны все же для взрослых. Отчасти это, конечно, так. Перечитывая сказки великого датчанина уже во взрослом возрасте, видишь в них что-то совсем другое — глубокую философию и мудрость не очень счастливого в жизни человека. Но вот парадокс — несмотря на всю сложность и глубину, сказки Андерсена обожают дети, они видят в них ёлоч-

ную игрушку — простую, и в то же время изящную и манящую своей загадочностью... Не случайно он так любил писать под Рождество...

...А тогда, в Старом порту, Андерсен понял всю ценность такого щедрого подарка бедного мальчишки... Он воткнул солдатика в петлицу сюртука рядом с розой, находившейся там уже очень давно... Но это другая история...

Розы Сказочника

«Я заплатил за свои сказки большую, непомерную цену. Отказался ради них от личного счастья и пропустил то время, когда воображение должно было уступить место действительности...»

С личной жизнью у Андерсена и впрямь не ладилось. Все его романтические увлечения обычно ничем не заканчивались — слишком уж робок и наивен был великий писатель. Он боялся истинной любви, боялся привязанностей, боялся настоящей искренности... Может, именно поэтому все его сказки наполнены любовью и нежностью?

...Розу в петлице он носил уже много лет... Ее подарила ему девочка по имени Сара, с которой они вместе учились в школе. Она жалела его — ведь нерадивого Андерсена поколачивали учителя. Он тогда сказал, что, когда вырастет, то станет очень-очень знаменитым и женится на Саре. Она рассмеялась и убежала. Но он на всю жизнь сохранил память о той, которая первая подарила ему свою симпатию...

В двадцать пять лет Андерсен впервые по-настоящему влюбился. Она — сестра его университетского приятеля, ей — всего семнадцать, но Риборг Войт заставила холостяка задуматься о семейной жизни, о детях... Однако вмешался брат возлюбленной. В довольно резкой форме он сообщил влюбленному Хансу Кристиану, что Риборг уже помолвлена с сыном аптекаря, так что, ни о каком продолжении отношений и речи быть не может. Незадолго до смерти Андерсен написал в дневнике: «Вот уже десятки лет моя настоящая жизнь проходит во сне, когда ко мне является любимая Риборг... Так, как с ней, ни с кем не будет». Он до конца жизни так и не узнал, что Риборг замуж не вышла... Может, ей тоже снился юный поэт?..

20 сентября 1843 года Андерсен твердой рукой записал в дневник: «Я люблю!» Эти слова посвящались знаменитой шведской певице Иенни Линд. Очень популярная и талантливая, ее прозвали «шведским соловьем», она покорила сердце сказочника. Но природная робость не позволяла ему признаться в любви. Он написал Иенни письмо, в котором говорил о своих чувствах, и отдал его ей перед отплытием парохода, увозившего певицу на гастроли. Через полгода она вернулась, но ни словом не обмолвилась о том, что прочитала письмо. Андерсен мучительно искал романтических встреч с ней, но Иенни по-прежнему относилась к нему, как к брату. Порой вспоминала и приближала, иногда забывала на долгое время. Однажды он тщетно ждал от нее приглашения на Рождество. Целую неделю выбегал на каждый звонок, думая, что это посыльный, и, когда за дверью оказывался кто-нибудь другой, досадливо ворчал: «Чтоб вам провалиться! Вы занимаете вход в мой дом, а он может понадобиться для более важных вещей!» Приглашения так и не дождался. Через несколько месяцев Андерсен, наконец, решился спро-

силь у Йенни, в чем причина ее «забывчивости». Она лишь беспечно ответила: «Я просто подумала, что вам было бы с нами скучно. Мы ведь почти ничего не сможем в литературе...»

...Они говорили, казалось, обо всем на свете... Как-то он шутя спросил:

— Вы, наверное, ненавидите меня?

— Чтобы ненавидеть, я должна сначала полюбить...

Тогда он понял, что надежды нет. Но ведь можно посвящать ей сказки... Самые лирические истории посвящены именно Йенни Линд: «Русалочка», «Снежная Королева», «Соловей»... Они все проникнуты духом любви, вечной и неразделенной...

«Жить – значит, путешествовать»

...Свой первый гонорар Андерсен потратил на путешествие по Европе. В общей сложности, он совершил 29 больших вояжей, хотя в такую цифру трудно поверить. Он вообще был страстным путешественником. Кто знает, в чем заключалась причина?.. Может, в том, что на родине его долго не признавали, а может, его, в душе все еще мальчишку из провинциального Оденсе, манил мир приключений и открытий... Он открывал для себя не только страны, но и своих великих современников — Гюго, Бальзака, Гейне, Диккенса... При встрече с великим англичанином Андерсен не выдержал и расплакался... Как он сам потом сказал: «От восхищения перед гением этого человека».

Несмотря на то, что его везде принимали с радостью, Андерсен мог быть и неприятным гостем. Он порой требовал слишком большого внимания к своей персоне. Бывало, что вошедшая с чаем горничная прерывала чтение его новой сказки. Тогда писатель захлопывал книгу и, рассерженный, выбегал из комнаты. Однажды утром Диккенс и его жена обнаружили гостя в слезах, катающимся по лужайке с газетой. Оказалось, в ней был напечатан нелестный отзыв об одном из его произведений. Когда Андерсен уехал, Диккенс прикрепил к зеркалу в гостевой комнате карточку с надписью: «В этой комнате Ханс Кристиан Андерсен спал пять недель, которые показали семье ВЕЧНОСТЬЮ».

...Был он и в Сирии, и в Египте, и в Малой Азии... За пределами Дании его популярность достигала небывалых высот, словно компенсируя неудачи на родине, где его по-прежнему считали «выскочкой» из простонародья. Андерсена принимают при королевских дворах, а читатели приходили в восторге от встреч с любимым писателем...

О его популярности ходили легенды. Говорят, однажды, путешествуя по Швейцарии, Андерсен, в вечной своей рассеянности, оставил в гостинице трость, которой очень дорожил. Огорченный, он попросил передать знакомому, жившему в той же гостинице и уезжавшему через несколько дней, чтобы тот прихватил трость с собой. Каково же было удивление писателя, когда, уже добравшись до Лондона, он услышал незнакомый голос: «Трость для господина Андерсена!». Оказалось, что она следовала за писателем весь его путь. Хотя в те времена и слыхом не слыхивали о телевидении, Андерсена знали в лицо и передавали трость в том направлении, куда он ехал.

...Раз на пароходе, по пути в Ливорно, Андерсену подсунили монету, которую никто не хотел брать, ибо считали её фальшивой. Он расстро-

ился, но вскоре его настроение поменялось, ведь он сочинил сказку «Серебряная монета»...

...Андерсена, как никакого другого писателя, обкрадывали издатели, не платя ему гонораров. Если же и платили, то мизерные суммы. Однако, несмотря на это, он сумел накопить немалое состояние, которое заведывал своим друзьям.

Посетив множество зарубежных стран, писатель никак не мог добраться до Оденсе, впрочем, возможно, его туда и не тянуло. Слишком он напоминал о неприглядном, с точки зрения Андерсена, происхождении. Всю жизнь писатель прожил в гостиницах и меблированных комнатах. Когда в 1866 году ему все же пришлось купить собственную мебель, он был вне себя: проклятые вещи привязывали его к определенному месту!

...Предсказание гадалки, кстати, сбылось — вернувшись в Оденсе уже пожилым человеком, писатель с удивлением узнал, что иллюминация, прежде невиданная в этом городе, — в его честь...

Несмотря на не очень счастливую жизнь, Андерсен считал себя необыкновенно счастливым человеком. «Все к лучшему в этом наилучшем из миров!» — любил повторять он, успокаивая других, и... успокаиваясь сам. Рассказывают, что за несколько дней до смерти он пытался спеть старую детскую песенку, которую когда-то пела ему мать. Он слегка лишь подправил песню, сменив имя Августин на Андерсен:

*Ах, мой милый Андерсен,
Андерсен, Андерсен!
Ах, мой милый Андерсен,
Все, все пройдет!..*

Память в камне

Одна из центральных улиц Копенгагена — Бульвар Андерсена, на ней же находится и памятник сказочнику. Он лично, еще при жизни, утвердил этот проект. Как-то Андерсену, уже глубоко больному человеку, скульптор Огюст Сабё принес показать эскиз памятника, над которым собирался работать. Фигура представляла собой писателя, окруженного детьми, слушавшими сказки... Андерсен возмутился:

— Вы хотите, чтобы я читал мои сказки в окружении детей, висящих на моих плечах и коленях? Да я и слова не скажу в такой атмосфере!

Он и в самом деле побаивался детей. Пребывая в своем нереальном мире, Андерсен сторонился живого общения. Однажды, будучи в гостях у Гейне и его прелестной жены-парижанки, у которых по дому носилась куча детишек, сказочник стал испуганно озираться. Гейне заметил это и пошутил: «Не волнуйтесь, это не наши дети, мы заняли их у соседей на вечер, чтобы поугагать вас!..»

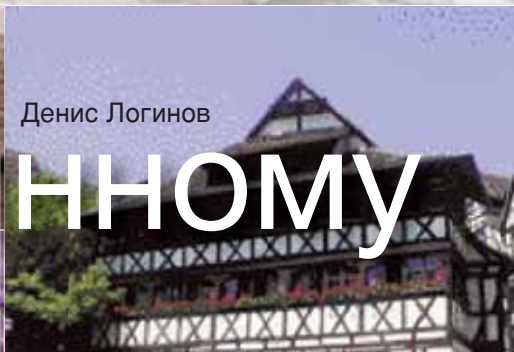
Скульптор согласился с мнением писателя и оставил Андерсену только книгу, над которой тот сидит в задумчивости. Ведь он всегда предпочитал именно так проводить время...

Есть в датской столице и другая скульптура... К ней всегда водят туристы, она стала символом не только Копенгагена, но и всей Дании. Знаменитая «Русалочка»... Чуть грустная и чуть задумчивая, она словно чего-то ждет... Может, ждет, что вернется тот, кто рассказал ее историю, тот, кто сумел сделать Сказку частью нашей жизни...

Рисунок Ивана Пасечника

Любовь к деревянному прянику

Денис Логинов

Не сверкающие хрусталем громады или уходящие в поднебесье каменные пирамиды больше всего удивляют российского человека, посетившего хотя бы несколько стран старушки-Европы. Современная «железобетонная стеклотара» для работы и жилья просто меркнет от впечатления, которое производят в Германии «фахверки», во Франции — «коломбажи», в Англии — «постэндбимы», а проще говоря, уютные дома, в которых можно жить, как в сказке...

Оказывается, что еще в давние времена возведением подобных по конструкции домов занимались не только древние египтяне, но и греки, и римляне, и даже живущие на другом конце света китайцы.

Следы от таких жилищ, найденных при археологических раскопках, имеют возраст около 4000 лет!

В XVI веке стремление к оригинальному семейному дому привело к тому, что темные стеновые балки, обрамляющие оштукатуренные поверхности, стали связывать в различные рисунки. Именно они разделяли фасад на отдельные гео-

метрические ячейки, которые придавали дому изящную неповторимость единого стиля, становились своеобразной визитной карточкой его обитателя.

Самые разные по внешнему виду, уютные и добротные (многим из них уже более 500 лет!), эти дома поражают своей красотой и изяществом. Поэтому и сегодня «фахверки» так же престижны и так же популярны в европейских странах.

Какие картины рисует ваше воображение при словах «средневековая Германия»? Ну, конечно же, именно старинные «фахверковые» дома на узких каменных улочках, давно ставшие архитектурной особенностью многих городов.

В Бамберге и поныне можно любоваться построенной в 1440 году городской ратушей в стиле классического «фахверка». И не только ратушей. Множество «фахверков» уютно и живописно расположились вдоль реки и по сторонам бесчисленных отведенных от нее каналов, за которые Бамберг часто называют «маленькой Венецией».

Чуть севернее, в Брюсселе, совсем недалеко от центра, вот уже два столетия стоит здание бельгийского института благородных девиц. И не пустует! Потребовались лишь незначительные «косметические» переделки, чтобы превра-

тить его в очаровательный отель, в котором нет отбоя от постояльцев.

В прохладной и туманной Англии при заполнении межбалочного пространства в строительную смесь добавляли для сохранения тепла овечью шерсть. В Шотландии за ночевку в таком гостиничном номере вам придется припла-

Что же все-таки такое «фахверк»? В первую очередь это жесткий каркас, образованный системой вертикальных и горизонтальных элементов и раскосов. Первоначально такой каркас строился из деревянного бруса, позднее — из металла или известнякового еще тысячелетие назад железобетона. Промежутки заполнялись камнем, кирпичом и другими материалами.

тить за теплый и на удивление приятный аромат, который источают древние стены.

Южнее, в солнечных винодельческих районах Франции, в стены закладывали донышки от бутылок, чтобы бликующие световые пятна оживляли интерьер. В целом, французская техника подобного строительства называлась «коломбаж» — от латинского «colonne» (колонна).

В Эльзасе или Бургундии, в узком просвете между домами на средне-

вековых улочках, вдруг обязательно возникнет роскошный замок на холме, в окружении могучих крепостных стен и прозрачных колоколен провансальских церквей. А живописный орнамент этому зрительно великолепию создадут приземистые домишки бургундских виноделов с затейливыми разноцветными «коломбажами» на глиняных стенах.

Рим, сколько в Страсбург? А точнее, в его «Маленькую Францию», эту своеобразную квинтэссенцию средневековой архитектуры, красоту которой можно выразить словами:

*«И здесь фахверк
добротности немецкой,
французским
коломбажем озафен...»*

Что же все-таки такое «фахверк»?

В первую очередь это жесткий каркас, образованный системой вертикальных и горизонтальных элементов и раскосов. Первоначально такой каркас строился из деревянного бруса, позднее — из металла или известного еще тысячелетие назад железобетона. Промежутки заполнялись камнем, кирпичом и другими материалами.

Затем полученные таким образом панели штукатурились и декорировались, но сам каркас, что самое характерное для фахверка, оставался на виду, играя не только конструктивную, но и декоративную роль.

И такое сочетание дало историкам полное право считать «фахверк» самостоятельным архитектурным стилем. Дома в этом стиле появились в XV веке в Германии и, примерно в то же время, в Англии, Швейцарии, Франции.

Но, увы, в XVIII веке мода на «фахверки» стала исчезать с появлением новых строительных стилей. Тесанные из гранита портики, наружные колонны, сплошная кладка с фигурными кирпичными аркадами, каменная скульптура — вся эта помпезная громоздкость закрывала от взора милую сердцу горожанина «неровность вычурную крыш».

Фахверковые сооружения неожиданно оказались европейцам старомодными и бедными. Их стали строить реже, а реставрировали лишь по крайней необходимости или перестраивали для хозяйственных нужд.

Однако через два столетия люди вспомнили о домах в полосочку и живописную клетку, о своеобразных «деревянных пряниках».

Все началось в 70-х годах прошлого века, в начале эпохи постмодернизма в искусстве, когда немецкие архитекторы Вальтер Гропиус и Людвиг Мис ван дер Роз, Оскар Нимейер и великий француз Корбюзье — основоположники функционализма и конструктивизма — стали строить здания со стальным или железобетонным каркасом и сплошными стеклянными фасадами. Можно сказать, что именно им мы обязаны появлению «ню-фахверка», нового дыхания архитектурной благодати.

Спустя еще полвека, после изобретения нового, доселе невиданного материала — клееного бруса, принципы нового «фахверка» стали активно применяться в жилом деревянном домостроении.

Конструктивно изменились и стены. Такими материалами, как кирпич, пользоваться в строительстве многофункциональных зданий практически перестали — монолитные стены тоже вышли из моды, на смену им пришли добротный легкий утеплитель, прессованная стекловата, стойкий к температуре стиропор и жесткая керамическая или тонкокирпичная декоративная обшивка, обеспечивавшие тепловой контур с высокими звукоизолирующими свойствами.

Современный «фахверк» имеет мало общего с традиционным. Потеснив ностальгические средневековые домики, он обрел весьма футуристические формы, оставив на память от своего предка лишь деревянный каркас (конечно же, из клееной древесины) и с лихвой воздав должное остеклению от пола до потолка.

Новые материалы позволили не только сохранить колорит прежних фахверковых зданий, но и обеспечили комфорт проживания и долговечность постройки, вознеся конструкцию средневекового

Панели штукатурились и декорировались, но сам каркас оставался на виду, играя тем самым немаловажную декоративную роль. Такое сочетание дало историкам полное право считать «фахверк» самостоятельным архитектурным стилем.

Но, как бы не была бесконечна в своем архитектурном великолепии Франция, безусловно, главной архитектурной скрипкой французского «коломбажа» является Страсбург.

Буквальный перевод названия города — «город дорог». В котором, как сказал поэт:

*«Нам внято все:
и острый галльский смысл
и сумрачный
германский гений...»*

У кого после этого может возникнуть вопрос, почему все дороги современного мира ведут не столько в

«фахверка» на самые высокие ступени строительной эстетики.

Впервые в масштабном строительстве такой своеобразный «деревобетон» был использован при сооружении главного здания Совета Европы в том же Страсбурге.

Прошло несколько десятков лет, и начало третьего тысячелетия ознаменовалось появлением в европейском квартале Брюсселя здания Совета Регионов Евросоюза, в котором жесткий каркас из армированной древесины выполнял функцию несущей конструкции. А огромная застекленная поверхность является как бы сверкающим ограждающим конструктивным элементом.

Семейный же, домашний «фахверк» вновь возродился все в той же старушке-Европе, где принципы каркасного домостроения, как оказалось, по-прежнему дороги

сердцу любого более-менее состоятельного гражданина. И толпы посетителей на строительных выставках — подтверждение этому.

Ну, а что же родная матушка Россия? На ее необъятных просторах проблем с лесом никогда не существовало. Рубленные избы, четырех или пятистенки, даже небольшие дома из обтесанного кругляка имели немало преимуществ перед относительно сложной конструкцией «фахверка». Топор, молоток, пакля, примитивный отвес да элементарная смекалка — и вот уже готова воспетая в былях и сказках русская изба.

Ну, и климат, по большей части суровый, тоже не завлекал «фахверки» на российские холмы и равнины.

Может быть, поэтому, а, может, по какой другой неизвестной причине, каркасно-щитовое строительство было не в почете, за исключением разве что Прибалтики, где страдающие ностальгией немцы предпочитали строить себе жилье, как у себя на родине.

Взошедший на престол царь, страстный поклонник всего того, что увидел и чему научился в Голландии, попытался было ввести моду на оригинальные и симпатичные строения. Но оказалось, что даже власть Великого Петра не в

силах была сломать вековой уклад, а заезжие итальянские архитекторы предпочитали заниматься более престижным помпезным строительством. Легкий след нескольких строений в стиле «фахверка» еще можно найти в Шереметьевских усадьбах в Кускове и Останкине.

Нынешняя Россия, миновав трудный поворот в своей истории, не оробела, не постеснялась завлечь пусть за еще высоченные заборы опробованный веками домашний уют.

Только представьте себе: большие окна, огромные террасы, стены из стекла, а сразу за ними — зелень соснового бора и солнечные зайчики, играющие в тихой глади озера.

К тому же, сейчас повсюду применяются энергосберегающие стеклопакеты. То есть тепла внутрь они пропускают больше, чем выпускают наружу, и, несмотря на свою кажущуюся хрустальную хрупкость, стеклянный дом практически всегда остается теплым.

Кроме того, он еще и влагостоек, пожаробезопасен, не боится гниения, да и жучкам-древоточцам поживиться в таком стеклянном теремке нечем.

Строительные эксперты утверждают: «фахверк» — единственная на сегодняшний день система, позволяющая делать безрамное

остекление во всю стену. Благодаря легкости конструкции можно отказаться от возведения глубокого фундамента, что существенно сокращает сроки строительства.

Но, пожалуй, самое главное: если на такие дома непрерывно растет спрос — значит, это нужно уже не «кому-нибудь», а многим.

В одном из многочисленных трактатов, посвященных «фахверку», есть очень точные слова: «такой дом — идеальное жилище для свободных от предрассудков людей, достигших духовного совершенства и согласия с собой и окружающим миром. Людей, которые не боятся будничной жизни и готовы наслаждаться композицией пространства и света, чувствуя себя в безопасности».

Это позволяет утверждать, что «Фахверк-21» — это модно, престижно и сказочно красиво! Хотя пока и дороговато!

Есть что-то одновременно утверждающее и успокаивающее в том, что, рассыпанные по Европе жемчужинки в стиле «фахверк» снова собираются в прекрасное архитектурное ожерелье.

А, может быть, в нашей, налаживающейся потихоньку жизни «фахверк» и есть та самая «Haute Couture» — Высокая Мода сегодняшнего строительного бума.

Джонатан Крейг

Дело о нижней юбке

Глава 10

Даже несмотря на то, что Стэн был опытным водителем, нам все равно пришлось более двадцати минут добираться до Виллидж. К тому времени, когда Стэн припарковал «плимут» в полуквартале от «Корчетти» и вернулся к бару, мои часы показывали семь двадцать три.

Для большинства жителей Виллидж это было самое любимое время дня, когда Виллидж, пожалуй, больше всего походила на саму себя и больше ни на кого.

— Когда-нибудь бывал здесь? — поинтересовался Стэн, когда мы вошли внутрь.

— Нет, если только они не поменяли название, — ответил я.

— Значит, не был, — кивнул он. — В таких местах никто никогда не меняет название. Они остаются теми же со дня сотворения мира.

Бармен, лысеющий мужчина с розовым лицом и уже начавшими седесть волосами, оставил все свои дела и немедленно подошел ко мне.

— Да, офицер?

— Давно вы видели Джонни Фармера? — спросил я.

— Я не знаю никакого Джонни Фармера, сэр.

Тогда я кратко описал Джонни, и бармен, утвердительно кивнув, улыбнулся.

— Второго такого несчастливого парня днем с огнем не отыщешь. Он был у нас, офицер. Человека с таким ростом и физиономией трудно не запомнить.

— А как насчет Мэри С.? — спросил я. — Она сегодня приходила?

— Она практически живет здесь, офицер. Сегодня Мэри С. была у нас примерно в то же самое время, что и Джонни Фармер.

— Но они ушли не вместе?

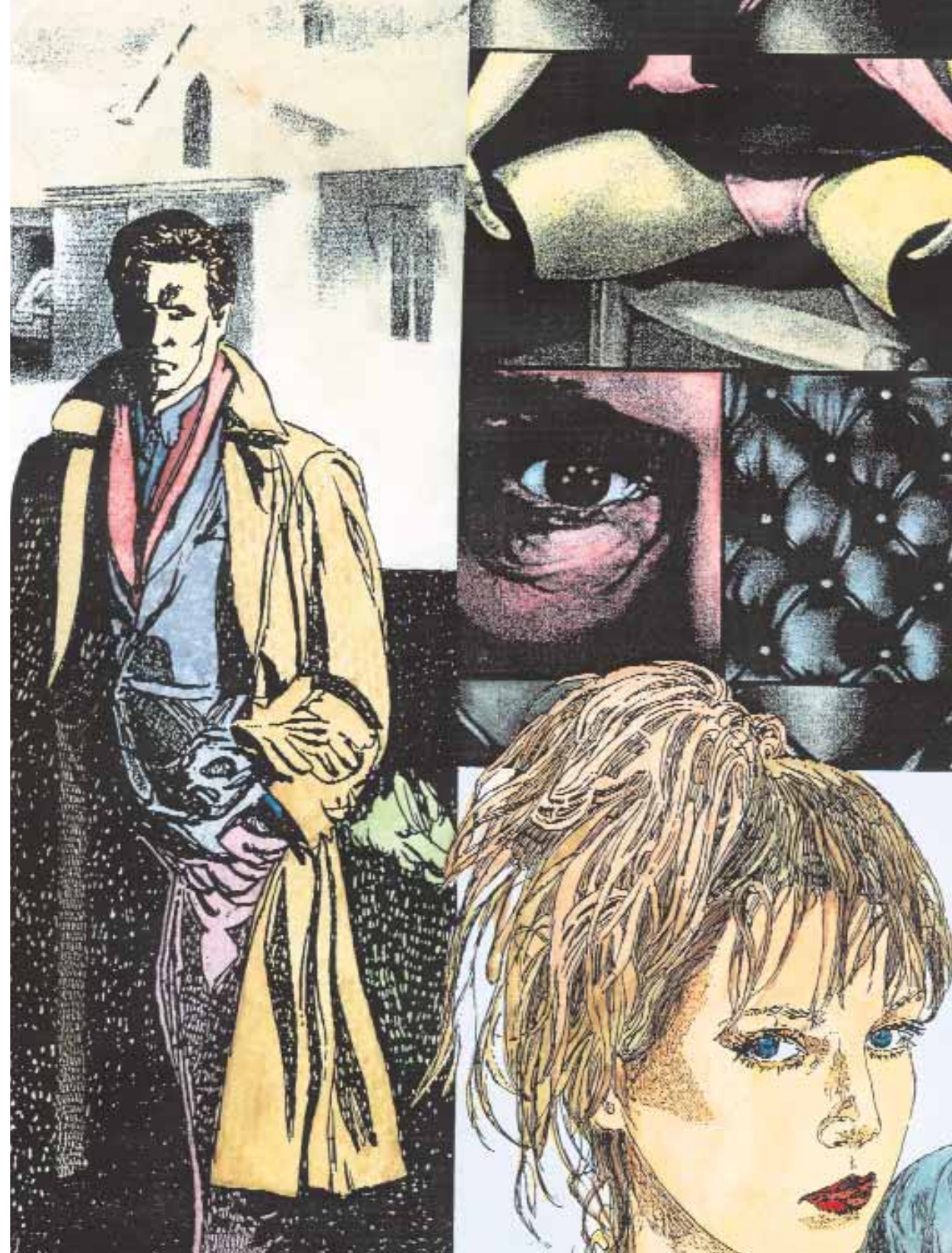
— Нет. Мэри С. ушла немного позже.

— Не знаете, где я смогу ее найти?

— Знаю, где вы можете попытаться ее найти. Девчонка обожает итальянский кофе. Как-то сказала мне, что выпивает в день по восемь-десять чашек «эспрессо». Загляните в заведение за углом. Кафе называется «Нерон». Мэри С. целыми днями ходит оттуда сюда и обратно.

Кафе «Нерон» ничем не отличалось от других кафе в Виллидж. По площади заведение было не больше средней обувной мастерской. На стенах висели огромные мрачные потемневшие от времени картины. В дальнем углу располагалась короткая стойка, на которой возвышался огромный кофеварочный аппарат со сверкаю-

Окончание. Начало в № 1-2008.

щим никелевым корпусом. Около аппарата дремал усталый старик. Слева от входа сидела худая блондинка с пустыми глазами. Больше в кафе никого не было.

— Я угощаю, — сообщил Стэн Рейдер. — Чего изволите?

— «Капучино», — ответил я.

— А мне «эспрессо», — заказал он. — Может, это еще и не бросается в глаза, но я уже едва волоочу ноги, Пит.

Старик за стойкой слегка приоткрыл один глаз, сварил нам кофе и вновь погрузился в дремоту. Мы взяли чашечки, направились к блондинке и сели так, чтобы зажать ее в угол. Она угрюмо наблюдала за нашим маневром, время от времени фыркая.

— Тебя, случайно, не Мэри С. зовут? — обратился к ней Стэн.

— Была здесь когда-то девчонка с таким именем, но она давным-давно откинула копыта, — фыркнула девица.

— Мы из полиции, мисс, — представился я.

— Не может быть! Ты шутишь! Никогда бы в это не поверила! — с глубоким сарказмом воскликнула блондинка.

— Вы — Мэри С.? — спросил я. — Так ведь?

— Вы же сами прекрасно знаете, что так, — пробурчала она. — Так же, как я знаю, что вы фараон.

— Вы знакомы с человеком по имени Джонни Фармер?

— Я знакома со множеством Джонни, — кивнула Мэри. — И даже знаю несколько фермеров.

— Может, вам будет лучше и веселее в участке? — мягко поинтересовался Стэн.

— Мне будет лучше, если вы исчезнете... Да, я знаю многих Джонни, но никого Джонни Фармера среди них нет.

— Может, узнаете его по приметам? — проговорил я и описал парня.

— О, черт! — буркнула блондинка и скорчила недовольную гримасу. — Вот вы кого имеете в виду!

— Вы его знаете?

— Достаточно, чтобы держаться от него подальше.

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что этот парень — сумасшедший. Я говорю вполне серьезно.

— Вы видели его сегодня?

— Видела в забегаловке за углом, но не была с ним. Я вообще велела ему не приближаться ко мне на пушечный выстрел.

— Почему?

— Меня от него воротит, вот почему!

— Он вам дарил подарки?

— Какие, например?

— Ну, например, серьги.

— Он никогда мне ничего не дарил. — Мэри замолчала на несколько секунд и добавила: — За исключением разве что пары долларов.

— За что?

— Ну, скажем, мне захотелось выпить, и, сами понимаете...

— Очень захотелось? — поинтересовался Стэн.

— Так сильно, что я поехала к нему домой.

— Где он живет? Назовите адрес.

— Не знаю. Где-то на Барроу-стрит, номер дома я не знаю. — Она негромко откашлялась. — В подвале.

— Сможете узнать, если мы отвезем вас на Барроу-стрит? Как насчет того, чтобы немного прокатиться?

— Только до его дома и все?

— И все.

— Хорошо, поехали, — согласилась Мэри и встала. — Мне как раз нужно проветриться.

Вскоре мы добрались до Барроу-стрит, и Стэн повернулся к Мэри:

— Это не тот квартал?

Она повернулась и посмотрела в окно.

— Нет, дальше. — Через несколько секунд девушка воскликнула: — Здесь. Вон тот маленький дом с досками на окнах, — и показала на двухэтажное каркасное здание, когда-то оштукатуренное в желтый цвет. Сейчас штукатурка изрядно обвалилась и потрескалась, в доме, вне всяких сомнений, давно никто не жил.

Стэн проехал мимо дома, повернул направо и остановился.

— Достаточно далеко от дома, Мэри? — спросил он. — Если вас беспокоит, что кто-то может увидеть вас, выходящей из нашей машины, мы можем отвезти вас куда-нибудь еще.

— Какая разница? — пробурчала она в ответ.

— Мы благодарны вам за помощь, Мэри, — сказал я, выходя из машины и держа дверь открытой. — Думаю, Джонни больше не будет приставать к вам.

— Он узнает, кто его заложил? — спросила девушка. — Хотя какая разница, если и узнает.

— Нет, конечно, разница есть, — кивнул я. — Не бойтесь, не узнает. Считайте, что мы с моим напарником уже забыли о разговоре.

— Он сделал что-то плохое?

— Достаточно плохое.

— Его посадят?

— Очень вероятно. Если не за одно, так за другое.

Она посмотрела по сторонам и медленно пошла по темнеющей улице, словно не зная, в какую сторону идти.

Глава 11

По соседству с домом, в котором жил Джонни Фармер, расположился маленький магазин канцелярских принадлежностей. Владелец впустил нас, провел через торговую комнату и выпустил через маленькую дверь в крошечный задний дворик, весь заросший травой.

— Спасибо, — поблагодарил Стэн Рейдер. — Дальше мы пойдем сами.

— Надеюсь, стрельбы не будет, — сказал старик, владелец магазина.

— Мы тоже надеемся, — кивнул Стэн. — Но лучше оставайтесь внутри и не высовывайте носа.

Старик закрыл за нами дверь, а мы со Стэном прошли через дворик и остановились перед ступеньками, ведущими в подвал соседнего здания.

— Черт, уже стемнело. Придется включать фонарик, — недовольно проворчал Стэн.

— Говори потише, — прошептал я, спустился по ступенькам к деревянной двери, взялся за ручку и потянул. Дверь поддавалась на дюйм и остановилась. — Закрыта на крючок изнутри, — тихо сообщил я Стэну, который спустился за мной и сейчас стоял рядом.

— Ты крупнее и сильнее, так что иди первым, — заметил Стэн.

Я просунул пальцы между дверью и косяком и как можно медленнее и равномерно начал поднимать крючок. Послышался негромкий треск гнилого дерева, и дверь распахнулась.

Мы прислушались, но из подвала не доносилось ни звука. Через секунду мы уже вошли в сырой, покрытый плесенью коридор, заваленный разным хламом. В коридоре царил абсолютная темнота, лишь посередине на искрошившемся бетонном полу виднелась полоска оранжевого света. Там должна была находиться дверь.

Стэн положил руку мне на плечо и спросил:

— Видишь?

— Да.

— Что будем делать?

— Хочешь сказать, стоит ли нам стучать, как принято у вежливых людей?

— Угу.

— Нет, стучать не будем. Я выломаю дверь. На всякий случай, прижмись к стене. — Я бесшумно двинулся по направлению к свету, вытаскивая на ходу револьвер.

Добравшись до двери, прижался плечами к стене напротив, дождался, когда Стэн станет рядом, поднял ногу и изо всех сил ударил в дверь. Не успела прогнившая дверь распахнуться, как мы со Стэном ворвались в комнату.

Здесь было очень жарко и воняло, как на мусорной свалке в знойный солнечный день. В одном углу на полу валялись два грязных матраца. Вместо ковра пол устилала газеты. Тут же находились туалет и раковина, повсюду — остатки еды и сигаретные окурки. Большая картонная коробка рядом с дверью была доверху завалена пустыми бутылками из-под спиртного и пивными банками. На гвоздях, вбитых в стены, висела кое-какая одежда. Около матрацев на перевернутом ящике из-под мыла стояла керосиновая лампа. А на одном из них лежал мужчина. Нам со Стэном хватило мимолетного взгляда, чтобы понять, что он не доставит никаких неприятностей. Мужчина лежал с открытым ртом, и его грудь медленно поднималась и опускалась. Желтоватый дрожащий свет лампы падал на мокрое от пота лицо.

Жена Бенни Ведра сказала, что Джонни Фармер был самым высоким человеком, которого она когда-либо видела за пределами баскетбольной площадки. Увидев Джонни, я понял, что Флосси не преувеличивала.

— Наверное, парень рос ввысь, а не вширь, — сказал Стэн. — Готов поспорить, что весит он не больше меня.

— Да и красавцем его явно не назовешь, — заметил я. — Давай наденем на него наручники и разбудим.

Я нагнулся, завел руки Джонни Фармера за спину и надел наручники, после чего грубо потряс за плечо. Он застонал, пробормотал что-то неразборчивое и отвернул голову.

— Пьяное оцепенение, — усмехнулся Стэн. — Скорее всего, придет в себя не скоро.

Когда мои глаза постепенно привыкли к слабому свету лампы, я увидел то, что не заметил сразу. Между краем одного матраца и стеной лежал большой серый металлический ящик для рыболовных принадлежностей, который, по словам Мартина Хатчинса, убитая девушка держала в нижнем ящике своего комода. На болтающихся крепких скобах должен был висеть замок, но замка не было.

Фармер снова застонал и слегка пошевелил ногами.

— Лучше обыскать его, пока он такой тихий, Стэн, — сказал я. — Только оставь все личные вещи в карманах. Не стоит ему давать поводов для жалоб.

И пока Рейдер обыскивал карманы Фармера, я занялся металлическим ящиком.

В ящике было пусто, за исключением длинной узкой и очень дорогой на вид дамской сумочки из кожи аллигатора и светло-желтой бумажки размером чуть больше почтовой открытки.

Сначала я изучил бумажку, которая при ближайшем изучении оказалась счетом. Вверху был напечатан адрес переводческого бюро «Джойнер». В графе «плательщик» значилась мисс Надин Эллисон, проживающая на Бликер-стрит. Отправлен счет был более пяти месяцев назад, и оказался оплачен, о чем свидетельствовал штамп «оплачено».

В углу счета находилось уведомление о том, что переводческое бюро «Джойнер» специализировалось на переводах иностранных медицинских и юридических журналов, и что копии переводов хранятся в бюро. Никаких разъяснений о том, что заказывала перевести Надин, я не нашел.

Я сложил счет и положил в нагрудный карман, потом внимательно рассмотрел дамскую сумочку.

Она оказалась пустой и была практически новой.

Подошел Стэн и протянул руку, в которой что-то лежало.

— Можем поменяться, — предложил он.

И я увидел сережки с сапфирами. Даже в тусклом свете керосиновой лампы камни сверкали черно-синим огнем.

— Их можно носить только в проткнутых ушах, Стэн, — ответил я. — Так что, мне в любом случае их не носить.

Он опустил серьги в один из маленьких целлофановых пакетиков, которые детективы носят с собой для таких случаев, и спрятал пакетик в карман.

— Что в ящике?

Я показал ему сумочку и оплаченный счет:

— Сдается мне, что никакая женщина не станет прятать такую красивую сумочку.

— Да и вообще, зачем ей был нужен этот ящик? — недоуменно пожал плечами Рейдер.

— У людей нередко возникают очень странные мысли по поводу безопасности, — ответил я. — Но не это самое главное. Главное заключается в том, что Надин хранила сумочку и счет в самом безопасном, по ее мнению, месте.

— Разве Марти Хатчинс не говорил тебе, что она хранила в этом ящике все?

— Да, говорил, но не думаю, что это «все» должно было включать в себя и красивую дорогую дамскую сумочку.

— Ты вот носишься с этой сумочкой, — заметил Стэн, — а меня больше заинтересовал счет. Надин не была ни доктором, ни адвокатом, зачем ей понадобился этот перевод?

— В бюро хранится копия статьи, которую она заказала перевести.

— Все верно, но это вовсе не означает, что мы узнаем, для чего ей это понадобилось, — покачал он головой.

— Как бы то ни было, но с переводом проблем не будет, — уверенно заявил я. — Нам нужно только...

Меня прервал приглушенный вопль. Джонни Фармер внезапно сел, потерял равновесие и упал на спину. Поняв, что руки связаны у него за спиной, он перекинулся на бок, вновь сел и в следующее мгновение попытался встать на ноги.

— Оставайся лучше на полу, Джонни, — посоветовал Стэн Рейдер.
 — Черт побори! — прохрипел Фармер. — Чтоб мне провалиться!..
 — Ужасно неприятно просыпаться в наручниках, да, Джонни? — вежливо поинтересовался Стэн и показал ему полицейский значок. — Признайся, почему ты убил ту девушку?
 — Я? Убил девушку? — Верзила покачал головой. — У тебя не все дома, приятель. За всю свою жизнь я никогда не убивал никаких девушек.
 — Ты ведь не купил эти хорошенькие голубые сережки в каком-нибудь магазинчике за пять-десять долларов?
 Фармер похлопал себя по карману.
 — Вот так пропадают ценные вещи. — Он с упреком посмотрел на Стэна. — С помощью этих побрякушек я мог бы снять любую телку.
 — Тебе следовало заложить их немного пораньше.
 — Что, совсем спятил? — ухмыльнулся Фармер. — С ними можно уговорить любую бабу на что угодно.
 — Ты нам так и не сказал, почему убил Надин Эллисон, — напомнил ему Стэн. Джонни Фармер слегка пошевелился, и цепи на сапогах негромко зазвенели.
 — Я ее не убивал.
 — Что ты сделал с остальными вещами, которые лежали в ящике? — поинтересовался я, подойдя к нему поближе.
 — Не убивал я ее, — повторил Джонни.
 — Но ты ее ограбил, — подчеркнул я. — Или хочешь сказать нам, что хранишь ворованные вещи для какого-нибудь дружка?
 Верзила покачал головой и пробормотал:
 — Черт побори! Кто-то, наверное, засек меня, когда я выходил оттуда.
 — Не просто кто-то, Джонни, — поправил его я, — а целых четыре человека. Ты не создан для профессии вора. Комплекция не та. Люди очень легко тебя запоминают.
 — Слишком высокий, — печально вздохнул Фармер. — Я всегда был слишком высоким.
 — Что случилось с остальными вещами из ящика? — повторил я.
 — Я их сжег.
 — Где?
 — Вон там, в углу. Там лежала только пачка старых писем да пара маленьких книжонков. Прочитать их я все равно не мог, вот и подумал: на что они мне сдались?
 Я подошел к углу и посмотрел на маленькую горку пепла — все сгорело дотла.
 — А зачем ты притащил этот ящик сюда? — спросил я.
 — Затем, что не смог открыть замок на месте.
 — И что ты сделал с замком?
 — Выбросил где-то на улице. Я страшно разозлился, что ящик не открывается, огляделся по сторонам, сорвал его и выбросил.
 — Эта сумочка лежала в ящике?
 — Угу... лежала. Я хотел сохранить ее. Подумал, что, может, подарю какой-нибудь телке.
 — Сегодня после обеда ты всю сорил деньгами. Где ты их взял?
 — Бабки лежали в ящике.
 — Сумочка была пустая, когда ты ее нашел?
 — Как только я сорвал чертов замок, то первым делом заглянул в нее — она была пустая.

— Я опять возвращаюсь к главному вопросу. Почему ты убил девушку, Джонни? — спросил Стэн. — Нас это очень интересует. Почему ты сделал это?
 — Я тебе уже сказал, мужик, что не убивал ее! — Верзила пристально посмотрел на меня. — Как вы узнали, что я здесь?
 — Кое-кто видел, как ты затащил сюда ящик, — соврал я.
 — Вот невезуха! Черт бы их всех побрал!
 — Доносить в полицию очень непорядочно, согласен, — кивнул Стэн. — Ты изнасиловал ту девушку перед тем, как убить?
 — Нет!
 — Что, после?
 — Я ничего ей не сделал. Просто ограбил и ушел.
 — Ты задушил ее нижней юбкой, — сообщил Рейдер.
 — Не душил я ее никакой юбкой! Я-то и дотронулся до нее всего раз — когда снимал серьги.
 — Как ты это сделал?
 — Что это? Как снял серьги? — слегка удивленно переспросил Фармер. — Неужели так много способов снять серьги? Протянул руку и выдернул их из ее ушей, как же еще!
 — Она сопротивлялась?
 — Как она могла сопротивляться, когда уже была мертва? Если девчонка висит на трубе отопления, то она никак не может сопротивляться.
 — А как ты ее туда повесил, Джонни? Ловко же подстроил самоубийство, мы почти купились.
 Бледные глаза Фармера хитро блеснули, и он переспросил:
 — Да?
 — Да, — кивнул Стэн. — Чертовски умно придумал.
 — Чтоб мне провалиться! — вновь пробормотал Фармер. — Значит, чуть не купились, а?
 — Мне еще не приходилось видеть таких ловких инсценировок самоубийства, — кивнул Стэн Рейдер.
 — Хочешь запудрить мне мозги? — ухмыльнулся Джонни. — Кого пытаешься обмануть? Думаешь, наверное, что провел меня, а вот и нет! Вы, ребята, дураки. — Верзила отклонил голову назад и с презрением посмотрел на Стэна.
 — Ухмыляешься ты хорошо, — проговорил Стэн. — У тебя к этому настоящий талант. Меня беспокоит только одно: вот бы увидеть, как ты будешь ухмыляться с черным мешком на голове.
 — Очень напугал, прямо весь дрожу от страха.
 — Если ты не убивал ее, то кто?
 — Откуда мне знать? Знаю только одно: я влез к ней и увидел, как она болтается на веревке. Понял, что она повесилась, и подумал: зачем ей теперь сережки? Поэтому я их и прихватил вместе с остальными вещичками. Я забрал ее вещи и больше ничего. Вам придется попотеть, чтобы пришить мне еще что-то.
 — Ты так думаешь, Джонни? — переспросил я. — Пораскинь лучше мозгами. Сколько денег лежало в ящике?
 — Восемьдесят баксов.
 — Давай их сюда.
 — Пойдите по барам, где я их просадил.
 — Ничего, — покачал головой Стэн. — Я думал, что у него должно хоть что-то остаться после предыдущих краж.

— Каких еще предыдущих краж? — спросил Фармер. — Ну и шутник!

— Нужно сообщить в отдел по раскрытию краж, — кивнул я. — Пусть обыскивают дом столько, сколько захотят.

— Точно, — согласился Фармер. — Вызовите других болванов и заставьте их делать свою работу.

— Ну, как, Пит? — обратился ко мне Стэн. — Забираем эту птичку с собой?

Я кивнул, положил сумочку в ящик для рыбных принадлежностей и взял его под мышку. — Хорошо, Фармер, дверь открыта. Пошли.

Когда мы добрались до «плимута», я снял один наручник с Фармера и закрепил его на стальном бруске, проходящем вдоль заднего сиденья, потом забрался в машину и сел рядом с ним.

— Что мне не по душе в этих тюрюгах, — заявил Джонни Фармер, когда Стэн тронулся с места, — так это то, что там нет баб. Слушайте, а когда эту девчонку грохнули?

— Мы знаем промежуток времени, когда было совершено убийство. Больше нам ничего не надо.

— Черта с два! — возразил Джонни. — Вам по-прежнему нужен парень, который грохнул ее. Ее убили до девяти часов утра?

— Почему именно до девяти? — заинтересовался я.

— Потому что, если до девяти, то я чист.

— Что ты хочешь этим сказать? — насторожился Стэн.

— Серьезно! — воскликнул Фармер и внезапно выпрямился. — Значит, ее грохнули раньше девяти? — Он посмотрел на меня, и его губы раздвинулись в широкой ухмылке. — Конечно, раньше! Это написано на ваших кретинских физиономиях.

— Ты хочешь сказать, что в девять часов утра сидел в тюрьме? — недоверчиво спросил Стэн.

— Я даже не хочу ничего говорить такому балбесу, как ты, — пожал плечами Джонни Фармер. — Мой вам совет: справьтесь обо мне в «Тоумс». Меня выпустили оттуда ровно в девять часов.

Глава 12

Звонок в «Тоумс», занявший всего пять минут, подтвердил алиби Джонни Фармера. Вчера после обеда его арестовали по подозрению в краже, совершенной двумя месяцами раньше, и продержали до утра, пока из Джерси не приехал свидетель и не заявил, что Джонни — не тот человек. Фармера отпустили в две минуты десятого сегодня утром. Пока мы со Стэном передавали Джонни ребятам из отдела по раскрытию краж, он непрерывно ухмылялся нам.

Потом мы передали детективу из отдела раскрытия краж сережки, сумочку и металлический ящик, чтобы их занесли в разряд потерянных вещей. Я позвонил в отдел потерянных вещей и попросил проверить сумочку из кожи аллигатора и установить ее владелицу. Мы не исключали возможности, что Фармер мог украть ее где угодно и потом солгал, будто она лежала в сейфе, чтобы скрыть какую-то другую, более крупную кражу.

— Ну и негодяй, черт бы его побрал! — зло пробурчал Стэн Рейдер, наконец, усевшись за свой стол. — До конца жизни буду помнить этого гада.

— Он тоже будет помнить о тебе, — кивнул я.

Пока меня не было, мне несколько раз звонили.

Один из заинтересовавших меня звонков был от начальника лаборатории, в котором тот сообщил, что два четких отпечатка пальца, найденных на бутылке в квартире Надин Эллисон, принадлежат ей самой.

По двум номерам меня просили перезвонить: в БКИ и в «Бельвью», доктору Винсенту Баретти.

Сначала я решил позвонить доктору Баретти.

— Только получил твое послание, Винс, — сообщил я, когда он снял трубку. — Как дела? У тебя для меня что-то есть?

— Ничего особенно интересного, — ответил Винс Баретти. — Просто подумал, что ты мог бы выслушать маленький предварительный отчет о причине смерти.

— Неофициальный, конечно?

— Конечно. Пока ничего официального, но, по крайней мере, тебе хоть будет, за что зацепиться.

— Готов выслушать, — сказал я, открывая блокнот. — От чего она умерла, Винс? От сломанной гортани?

— Нет. Ее гортань на самом деле была сломана... причем довольно сильно. Но причина смерти — не гортань, Пит. Она умерла от разрыва печени. От удара, от какого-то прямого приложения большой силы.

— Но на всем теле девчонки не было ни одного синяка, ни одной царапины, — возразил я. — Абсолютно никаких следов насилия.

— Такое иногда случается, — подтвердил Винс Баретти.

— Нет оснований считать, что ее изнасиловали? — спросил я.

— Нет, Пит. По крайней мере, мы не нашли доказательств... хотя это и не имеет особого значения. И еще одно. Не знаю, пригодится тебе это или нет, но она родила, по крайней мере, одного ребенка.

— Знаю, — сообщил я.

— Ну, что же, — проговорил Винсент Баретти, — тогда, наверное, это все, Пит, что я хотел тебе рассказать. Если у нас появится что-нибудь новое, обязательно дам тебе знать.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Будем тебе очень благодарны.

— Порванная печень, — удивленно пробормотал я после того, как положил трубку. — Вот уж чего не ждал, так не ждал!

— Теперь, по крайней мере, мы знаем, почему Надин не сопротивлялась, когда кто-то набросил ей на шею нижнюю юбку, — заявил Стэн. — Потому что была уже мертва.

— Ага. Но если она уже была мертва, то зачем этому парню лишние хлопоты? Почему он просто не повесил ее на веревку? Зачем возиться с нижней юбкой?

— Давай не будем снова начинать задавать вопросы, на которые пока нет ответов, Пит. Это не принесет тебе ничего, кроме головной боли.

Я позвонил в БКИ и попросил соединить с номером, по которому меня просили перезвонить.

Ребята из БКИ сообщили мне, что все еще продолжают проверять доктора Клиффорда Кэмпбелла, но пока не нашли ничего интересного. Личная жизнь Кэмпбелла, судя по всему, была безупречной, с какой стороны ни посмотреть.

Однако ребята из БКИ звонили не столько для того, чтобы рассказать о неудаче с доктором, сколько для того, чтобы рассказать о его жене, проверка которой только что завершилась. И в жизни Сюзан Кэмпбелл не удалось обнаружить ничего интересного для нас.

Сюзан Кэмпбелл, в девичестве Сюзан Лидс, вышла замуж за доктора Кэмпбелла в Скарсдейле одиннадцать месяцев назад. Коллегам из БКИ удалось найти сведения по ней только трехлетней давности, более старой информации не было. За три года девушка закончила кучу всевозможных вечерних курсов, в том числе курсы машинисток, стенографии и курсы по работе неполный день. Для такой привлекательной девушки ее личная жизнь оказалась на удивление тихой и ничем не примечательной. Сюзан отличалась благородством и целеустремленностью, но у нее было совсем мало подруг и еще меньше друзей среди парней. С доктором Клиффордом Кэмпбеллом она познакомилась, когда агентство по трудоустройству отправило ее временно заменить постоянную медсестру Кэмпбелла, которая ушла в двухнедельный отпуск. Позже эта сестра уволилась, и Сюзан снова послали к доктору. А через два месяца она вышла за него замуж.

Едва я успел положить трубку, как в кабинете начальника зазвонил телефон. Стэн отправился разговаривать по телефону в каморку Барни Феллса, а я достал из кармана счет из переводческого бюро «Джойнер» и вновь внимательно прочитал его. Интересно, подумал я, важен ли этот счет настолько, чтобы звонить в такое время «Джойнер» и просить показать нам статью, которую просила перевести Надин Эллисон? Пока я размышлял над этим, Стэн вернулся.

— Звонил Гас Хейнз из Главного управления, — сообщил он. — Хотел поговорить с тобой, но твой телефон был занят. Наш парень окончательно сошел с ума, Пит.

— О каком парне ты говоришь?

— О Барте Эллисоне. Эллисон позвонил в Управление и поднял страшный шум из-за того, что фараоны позволили кому-то опередить его и убить его жену.

— Хочешь сказать, что муж Надин Эллисон в Нью-Йорке?

— Еще как в Нью-Йорке, Пит! Повесил он трубку чересчур быстро, чтобы можно было засечь звонок. Пит, этот парень, должно быть, совсем псих. Знаешь, что он им сказал? Что жил только для того, чтобы убить Надин своими собственными руками, а сейчас кто-то обманул его и опередил. Пообещал найти убийцу и расправиться с ним.

— Сошел с ума, по-моему, не самое сильное для него слово. А как отреагировали в Управлении на звонок?

— Как они могут отреагировать? Просто объявили дополнительную тревогу. Будем надеяться, что это к лучшему.

Мой взгляд на мгновение остановился на счете из «Джойнера», о котором я забыл. Я взял его и протянул Стэну Рейдеру.

— Не хочешь немного размяться? — поинтересовался я.

— Мне бы больше хотелось съесть стейк весом фунта в четыре. А что?

— Не вижу причины, почему бы тебе не совместить эти два дела, — сказал я. — Конечно, стейк в первую очередь.

— Хочешь, чтобы я проверил этот счет? Ладно, считай, что одна нога здесь, а другая уже там.

Когда Стэн ушел, снова раздался телефонный звонок.

Звонил Сид Каплан, детектив из Бюро Связи.

— Кое-что для тебя есть, Пит, — сказал он. — Правда, не знаю, можно ли этому верить.

— Что там такое, Сид?

— Телеграмма, — ответил он. — Приготовил карандаш?

— Диктуй.

— Адресована детективу Селби, Главное управление полиции города Нью-Йорка, — начал Каплан. — Наверное, отправитель не знал, как тебя разыскать.

— От кого телеграмма?

— Подписи нет. Читаю: «Надин Эллисон убил Альберт Миллер. Точка. Восемьсот пятнадцать Западная Семьдесят четвертая. Точка. Доказательство нижнем ящике комода квартире Миллера. Точка».

— И это все, Сид?

— Все.

— Кто-нибудь отправился в «Уэстерн Юнион», чтобы попытаться найти отправителя?

— Отправился, но ничего не получилось, Пит. Телеграмму продиктовали по телефону из какой-то будки. Отправитель заплатил за нее, как за междугородный разговор. Тебе еще не попался этот Альберт Миллер?

— Нет.

— Скорее всего, какой-то псих решил за что-то отомстить бедняге. У мистера Миллера, наверное, есть изобретательные враги. С каждым днем все больше похожих звонков и писем.

— Однако отправитель знал, кто занимается расследованием убийства, — заметил я. — Обычно такие звонки или письма адресованы шефу полиции, а не рядовому детективу.

— Или даже мэру, — добавил Сид. — По-моему, этот парень обладает интересной информацией.

— Спасибо, Сид, — поблагодарил я. — Обязательно его проверю.

После разговора с Сидом Капланом я позвонил в БКИ и попросил проверить Альберта Миллера. Затем написал Стэну записку, в которой сообщил, где он может меня найти в случае необходимости, и отправился на Западную Семьдесят четвертую улицу.

Глава 13

Альберт Миллер жил в пятиэтажном кирпичном доме без лифта, затерявшемся среди окружающих его со всех сторон высотных домов.

Я посмотрел на почтовые ящики у входа, запомнил номер квартиры Миллера и прошел через пустой вестибюль к лестнице.

Поднявшись на второй этаж, постучал в квартиру 2-Д. Дверь открыл высокий широкоплечий мужчина лет пятидесяти. У него были жесткие седые волосы и слегка красное лицо с чуть смещенным вправо носом-картошкой.

— Мистер Альберт Миллер? — поинтересовался я.

— Он самый, — кивнул широкоплечий хозяин. — Что вам угодно?

— Полиция, — представился я и показал ему полицейский значок. — Меня зовут Селби.

Миллер нахмурился и спросил недовольным голосом:

— В такой час? Вы понимаете, что сейчас почти полночь?

— Простите, мистер Миллер, за столь поздний визит, — извинился я. — Можно войти?

Он мгновение поколебался, затем немного шире раскрыл дверь и пробурчал:

— Надеюсь, у вас есть веские причины для прихода, — пробурчал он. — Я как раз собирался ложиться спать.

Я вошел и огляделся по сторонам: огромная софа, столик для коктейлей, маленький телевизор и великолепный французский провинциальный письменный стол, рядом с которым остальная мебель казалась жалкими остатками, купленными на второразрядном аукционе.

На лице Миллера застыло недовольное выражение, как у человека, к которому явился незваный гость.

— Может, вы все-таки раскроете причину вашего визита?

— Вы знакомы с девушкой по имени Надин Эллисон? — спросил я. — Если знакомы, то я хотел бы задать несколько вопросов.

— Как ее зовут? — переспросил Альберт Миллер.

— Надин Эллисон, — повторил я. — Ее убили сегодня утром, мистер Миллер. Вы могли прочитать об ее убийстве в газетах.

— Нет, — покачал головой Миллер. — Так уж получилось, что сегодня я вообще не раскрывал газет. А если бы и прочитал, какой интерес она могла для меня представлять?

— Может, вы знали ее под другим именем?

— Все возможно, конечно. Даже это, — пожал плечами Миллер.

— Нам известно, что она пользовалась именем Нормы Эдвардс, — сообщил я.

Он покачал головой.

— Это имя тоже мне ничего не говорит, мистер Селби. Может, попробуете еще?

— Она жила в Виллидж, на Бликер-стрит.

Миллер вздохнул и опустился на стул.

— Мистер Селби, я не покажусь вам слишком большим оптимистом, если позволю себе надеяться на то, что со временем вы просветите меня насчет причины вашего позднего визита?

— Послушайте, мистер Миллер. Может, вы узнаете ее по приметам, — и я попытался как можно подробнее описать Надин.

— Судя по вашему описанию, она была очень красивой молодой женщиной, — заметил он. — Однако должен вас огорчить. Надин Эллисон никогда не была моей знакомой.

— Даже при самом подробном описании порой бывает довольно трудно...

— Тогда зачем вы тратили время и перечисляли ее приметы?

Я с глубоким вздохом откинулся на спинку шезлонга.

— Хорошо, ответьте тогда на другой вопрос: есть ли у вас серьезные враги? Скажем, человек, который мог бы пойти на многое, лишь бы только досадить вам.

— У меня вообще нет врагов, — ответил Миллер. — Во всяком случае, я их не знаю, если они даже и есть. Нельзя, конечно, исключать возможность того, что я мог непроизвольно кого-то обидеть и не заметить этого...

— Но вы не знаете человека, который бы разозлился на вас так сильно, что мог бы изо всех сил постараться отомстить вам?

— Нет, мистер Селби. Таких людей я не знаю. По крайней мере, искренне верю, что не могу никого назвать настоящим врагом.

— Где вы работаете, мистер Миллер?

— В зубокабинетной клинике Макмартона.

— И чем вы там занимаетесь?

— Если в двух словах, то делаю протезы, мосты, коронки.

— Когда-нибудь слышали о докторе Клиффорде Кэмпбелле?

— Он зубной врач?

— Нет. Нейрохирург.

— Боюсь, не слышал. А что, я должен его знать, мистер Селби?

— Нет. Просто мне неожиданно пришла в голову мысль, что вы могли бы знать его. — Надеюсь, вы понимаете мои чувства, мистер Селби. Как бы хорошо мы не относились друг к другу, думаю, я имею право знать причину вашего визита, которую вы до сих пор не открыли.

— Мы получили телеграмму, в которой вы, мистер Миллер, обвиняетесь в совершении серьезного преступления.

— Вы это серьезно? — ошеломленно переспросил Миллер. Меня обвиняют в совершении преступления?

— Да.

— Какого преступления? — спросил он, нагнувшись вперед.

— Вас обвиняют в убийстве Надин Эллисон.

— О, Господи! — тихо произнес Альберт Миллер. — Кто мог послать такую телеграмму? Кто мог такое сделать?

— Вы по-прежнему утверждаете, что у вас нет врагов?

— Я... наверное, все же должны быть. Вот уж никогда не думал, что такой человек, как я, мог сделать кому-то что-то очень плохое... — Он недоуменно покачал головой. — Готов поклясться, что...

— Не нужно наказывать себя, — остановил я его. — Это может быть просто какой-то ненормальный, не исключено, что телеграмму послал псих.

— Вы... вы так думаете, мистер Селби? — чуть ли не с мольбой произнес Миллер. — Мне бы очень хотелось в это поверить. От одной мысли, что я мог кого-то так сильно обидеть...

— В телеграмме еще говорится, что мы найдем доказательства вашего преступления, и это доказательство находится в нижнем ящике вашего стола.

Альберт Миллер почти с испугом посмотрел на стол. Потом встал, подошел к нему и повернулся ко мне.

— Хотите проверить, что в нем лежит, мистер Селби? — поинтересовался он.

Я тоже подошел к столу и принялся наблюдать за тем, как он выдвигает два нижних ящика и все из них выкладывает.

В левом ящике лежал миниатюрный «Спид-График», «Ролифлекс» в футляре, «Лейка», еще один фотоаппарат, похожий на японский, набор вспышек, бленд, взаимозаменяемых объективов и светофильтров в коробках.

В правом оказались коробочки с фотоленкой, шесть или восемь плоских корбочек, наполненных диапозитивами, и маленький цветной проектор.

Миллер выложил все из ящиков и вопросительно посмотрел на меня.

— Спасибо, — поблагодарил я и подумал о звонке Барта Эллисона в Главное управление и об анонимной телеграмме, направленной на мое имя. Только сейчас мне пришло в голову, что между звонком и телеграммой прошло сравнительно мало времени. Хотя едва ли они были как-то между собой связаны. И все же...

— Я спросил, знаете ли вы Надин Эллисон, мистер Миллер. А что скажете насчет мужчин с такой фамилией? Первое имя, которое приходит мне на ум, — Барт.

— Я уверен, что никогда не знал людей с фамилией Эллисон, мистер Селби.

— Давайте тогда попробуем по-другому, — предложил я. — Вы знаете какого-нибудь молодого человека, скажем, лет двадцати шести, с каштановыми волосами, карими глазами и шрамом на правом запястье в форме буквы «v»? — Я на мгновение задумался. — Если знаете, то познакомиться вы с ним должны были совсем недавно.

— Со шрамом никого не знаю, — ответил Миллер. — По правде говоря, я вообще не знаю молодых людей. Наверное, меня можно назвать отшельником. За исключением работы и прогулок, во время которых я фотографирую, я веду очень замкнутый образ жизни. А о каком доказательстве шла речь, мистер Селби?

— Что? — не сразу понял я.

— Разве в телеграмме не говорилось, что искать?

— Нет.

— В таком случае, это может быть все, что угодно, не так ли?

— Да, — кивнул я. — Пожалуй, вы правы.

— Тогда я предлагаю обыскать сначала этот стол, а потом и всю квартиру.

— Почему бы и нет? — пожал я плечами. — Давайте начнем.

Когда знаешь, что следует искать, то на обыск однокомнатной квартиры уходит значительно меньше времени, чем когда предмет поиска неизвестен. Работал я напряженно и быстро, и, к моему удивлению, Альберт Миллер не отставал. Большую часть подниманий и перемещений проделал он, я же, в основном, трогал вещи и передвигал их с места на место.

Но даже с помощью хозяина на обыск однокомнатной квартиры Альберта Миллера ушел почти час...

Глава 14

Я как раз шел в ванную комнату, чтобы помыть руки, когда зазвонил телефон и я услышал голос Миллера:

— Это вас, мистер Селби. Хотите поговорить сейчас или попросить, чтобы перезвонили через несколько минут?

— Сейчас поговорю, — ответил я и вернулся в гостиную. — Скорее всего, это мой напарник. Я оставил ваш телефонный номер у него на столе.

— Селби, — сказал я в трубку.

— Это Стэн, Пит. Как дела у детектива, которому не сидится на месте?

— Неважно, — ответил я. — Больше всего на свете я устаю от обысков.

— И как успехи?

— Никак. Ничего не нашел.

— Жаль. А что за парень этот Миллер?

— Очень высокий и широкоплечий. Откуда, кстати, ты узнал о нем?

— Сид Каплан звонил. Хотел спросить, как продвигается проверка телеграммы. И еще звонили из БКИ. Велели передать, что вообще ничего не нашли на Миллера. Его даже никогда не штрафовали за нарушение правил дорожного движения.

— Молодец, — медленно произнес я. — А ты что выяснил в переводческом бюро «Джойнер»?

— Там работают очень отзывчивые ребята. Они мне здорово помогли. Босс сразу согласился приехать, несмотря на позднее время. Пит, ну и голова же у него! Можешь себе представить, парень говорит на семнадцати языках!

— Не могу, — проворчал я. — Что ты выяснил?

— Судя по всему, Надин заказывала им перевести с французского языка газетную статью.

— Из нью-йоркской газеты?

— Нет, газета напечатана во Франции, в Бордо. Я не могу выговорить ее название, но статья из номера восьмилетней давности.

— О чем она?

— Довольно занятная история, Пит. Правда, не знаю, какой нам от нее толк. В статье рассказывается об одном шутнике, который грохнул свою жену и закопал труп в цветочной клумбе в саду. Парня звали Морис Тибалт. Он знал много языков и работал в какой-то фирме в Бордо, занимающейся импортом и экспортом разных товаров. Этот Тибалт был столпом местного общества и вдруг неожиданно пропал, как сквозь землю провалился. Вместе с женой. Через какое-то время соседи обратились в полицию. Полиция обыскала дом и двор, стала расспрашивать соседей, и вдруг один фараон заметил, что цветы в саду растут так себе и только на одной клумбе хорошо. Причем не просто хорошо, а замечательно. И знаешь причину столь бурного роста?

— Нетрудно догадаться, — ответил я. — Французская полиция нашла жену Тибалта под клумбой, на которой цветы росли, как бешеные. Они знают свое дело. И что дальше?

— Фараоны поняли, что Тибалт пустился в бега. Его поисками занималась куча народа, искали очень долго, но так и не нашли. Абсолютно никаких следов. Он исчез, как будто сквозь землю провалился.

— Это все, о чем говорится в статье?

— Нет. Там еще говорится, что французам удалось найти так много доказательств его вины, что дело даже в его отсутствие передали в суд.

— И какой приговор вынес суд?

— Естественно какой! Виновен. Теперь, если этот Тибалт когда-нибудь попадет в лапы правосудия, его ждет гильотина.

— И все это, говоришь, случилось восемь лет назад.

— Да, около восьми.

— Стэн, людей, которые проваливаются сквозь землю, так мало, что их можно пересчитать по пальцам. Странно, что французы не нашли ни одного следа за восемь лет.

— В статье еще говорится, что, по мнению полиции, Тибалт мог стать полностью другим человеком. Он говорит на многих языках и может практически везде сойти за своего. Ему приходилось часто ездить в командировки по работе. Два или три года он провел в Канаде... в Квебеке, если быть точным... И пять-шесть лет прожил в Нью-Йорке. Газетная вырезка лежит передо мной. Она была прикреплена к копии перевода. Босс из «Джойнера» попросил у Надин разрешения сохранить ее. Ребята из бюро очень заинтересовались Тибалтом, ведь он — почти их коллега.

— Думаешь, наша девочка шантажировала этого парня? — поинтересовался я.

— Уверен, что она перевела эту статью не для того, чтобы посмеяться. Если не для шантажа, то для чего? Помнишь, ты мне рассказывал, что та женщина из антикварного магазина... как ее, кстати, зовут?.. Педрик. Айрис Педрик. Она говорила, что вор, забравшийся в квартиру Надин Эллисон, когда миссис Педрик ночевала там, говорил не по-английски?

— Да, но сам подумай, Стэн, какой язык можно считать иностранным в Нью-Йорке? В нашем городе невозможно пройти и двух кварталов, чтобы не услышать половину языков, которые есть на Земле...

— Достаточно давно, чтобы знать, что такая девушка, как Надин Эллисон, не станет переводить статью из газеты восьмилетней давности только ради спортивного интереса. И не забывай, что она не выбросила счет, а хранила его в своем сейфе. — Он сделал паузу. — На каком языке говорил вор?

— Ей показалось, что на славянском, — ответил я, — но конкретнее она не смогла сказать. Послушай, Стэн, ты заговорил об этом, и меня осенила одна

мысль. Как звучал бы французский... или любой другой язык у человека, который поднял над головой нож, чтобы убить Надин Эллисон, и неожиданно понял, что это вовсе не Надин Эллисон?

— Отличная мысль, Пит, — похвалил Стэн. — Давай развивай ее.

— Мужчина, попавший в такое положение, будет просто ошеломлен. Он страшно удивится, растеряется и, возможно, начнет бормотать про себя что-то, пока будет пытаться сообразить, в чем дело. В таком состоянии у людей могут полностью меняться не только голос, но и тембр, и интонация. Думаю, очень трудно определить, на каком языке говорит ошеломленный человек. Во всяком случае, эта идея дает нам хоть кое-какие зацепки. Если этот Морис Тибалт перебрался в Штаты, и если Надин Эллисон случайно узнала его настоящее имя и начала шантажировать, легко объяснить тот ночной визит с ножом.

— Значит, сейчас у нас появился новый подозреваемый. — Стэн задумался на пару секунд и добавил: — Знаешь, кажется, этот Морис Тибалт нравится мне в качестве главного подозреваемого не меньше Барта Эллисона. Жаль, что ты напрасно потерял столько времени, Пит. Возвращайся скорее.

Я положил трубку, достал наполовину из кармана сигару... и неожиданно замер, как вкопанный.

Из ванной комнаты, куда ушел Миллер, чтобы помыть руки после обыска, доносился шум воды, но больше — ни звука. Никаких плесканий или фырканья, никакого скрипения подошв или шороха полотенца, в общем, никаких звуков, кроме шума льющейся в раковину воды.

— Миллер? — позвал я и быстро подошел к двери в ванную комнату. Затем позвал громче: — Миллер?

Ответа не последовало. Я попробовал открыть дверь, но она, как и следовало ожидать, оказалась заперта.

Я на мгновение замер у двери и еще раз громко позвал:

— Миллер!

Не найдя, во что упереться плечом, я поднял ногу и изо всех сил ударил в дверь.

Она тут же распахнулась, и моему взору предстала пустая ванная комната и широко распахнутое окно. Я подошел к окну и выглянул на улицу. Альберт Миллер мог бегать, только спрыгнув вниз. Но стена дома под окном оказалась совершенно голый, а внизу виднелась освещенная луной бетонная дорожка.

У меня промелькнула мысль, что на такой прыжок не отважился бы ни один человек в здравом уме. Но какие бы причины не заставили Альберта Миллера выпрыгнуть из окна, он выпрыгнул. И после такого прыжка не только остался жив, но и сумел уйти без посторонней помощи.

Зазвонил телефон, и я вернулся в комнату, чтобы снять трубку.

Снова звонил Стэн.

— Рад, что успел застать, — сказал он. — Кое-что случилось... Я раздобыл информацию о Морисе Тибалте. Пришел Барни Феллс, и он вспомнил, что в одном из бюллетеней министерства юстиции, которые они постоянно рассылают по полицейским участкам, была его фотография...

— Теперь ты, наверное, считаешь этого Мориса Тибалта главным кандидатом на роль убийцы Надин, да?

— Да что с тобой стряслось, Пит? Чего ты злишься?

— Миллер выпрыгнул в окно, вот что стряслось! — сообщил я. — Пока мы с тобой разговаривали, он...

— Он мертв?

— Нет, но я почти уверен, что он себе что-то повредил.

— Хочешь сказать, что он выпрыгнул в окно и...

— Так что, если нам нужны кандидаты на роль убийцы, то лучше Миллера не найти, — прервал я Рейдера. — А сейчас клади трубку, Стэн. Я должен поднять тревогу.

— Хочешь, я к тебе приеду?

— Нет. Оставайся в участке... и постарайся использовать башку лучше, чем я использовал свою...

Глава 15

Я вернулся в участок под утро, и не успел сесть за свой стол, как Стэн Рейдер со злостью бросил телефонную трубку.

— Провалиться мне на этом месте! — выругался он.

— Что случилось, Стэн?

— Помнишь сумочку, которую мы нашли в сейфе Надин?.. Ну и дела!..

— Помню, конечно. А что с ней такое?

— Судя по всему, это довольно дорогая сумочка. Стоит около двухсот баксов.

— Это из-за нее звонили?

— Да. Звонили из отдела потерянных вещей. Они только что нашли владелицу сумочки.

— И кто это? Кому принадлежит сумочка?

— Эдне Хардести.

Я не сразу вспомнил имя.

— Кому, кому?

— Той черноволосой девице, которая так холодно к нам отнеслась, когда мы попросили ее пропустить нас к доктору Кэмпбеллу.

— Ну, конечно. Она работает медсестрой у доктора Кэмпбелла.

— Маленькая мисс Рыбы Глаза.

— Ну и дела!

— Помнишь, как она подслушивала наш разговор по внутренней связи?

— Еще бы. Не пропустила ни слова. А как парни из потерянных вещей обнаружили, что она владелица?

— Они проработали над сумочкой всю ночь.

— Это понятно, но как они выяснили, что сумочка принадлежит Эдне Хардести?

— Начали с кода производителя, который находится внутри. Такие сумочки делает совсем маленькая компания, в которой работает от силы человек двадцать, не больше. Мастерская и все остальное принадлежит двум братьям. Там все делается вручную. Каждый стежок, каждая операция... Поэтому их вещи и стоят так дорого.

— Я с самого начала подозревал что-то подобное, — кивнул я. — Что же сделали парни из потерянных вещей?

— Подняли из постели одного из братьев и объяснили, что к чему. Он оказался прекрасным парнем, отвез их в мастерскую и показал журнал регистрации. Конечно, поступил точно так же, как тот парень из «Джойнера», который тоже помог мне, несмотря на поздний час.

— И записи показали, что Эдна Хардести купила эту...

— Ты забегаешь вперед, Пит.

— Хорошо, — кивнул я. — Выкладывай.

— Обычно из регистрационного журнала можно узнать, какая сумочка попада-

ет в какой магазин. Они нумеруют их по порядку и записывают. Так что, нужно только взглянуть на серийный номер сумочки, и сразу становится ясно, куда она была продана, когда магазин получил товар и так далее. В этой системе существует единственное исключение — когда неожиданно соскальзывает нож у кого-нибудь из рабочих, или кто-то делает какую-то ошибку. Они проверяют каждую сумочку четыре раза и, если находят какие-то изъяны, такая сумочка не выходит за пределы мастерской. Серийный номер стирается, и она продается своим рабочим по цене сырья. Со своих они не берут даже стоимость работы.

— И именно такой оказалась сумочка, которую мы нашли в сейфе Надин Эллисон? Бракованная сумочка, которая не попала в магазин? В это трудно поверить.

— После того, как с нее убрали серийный номер и вычеркнули ее из списка уходящих на продажу сумочек, — не обращая на меня внимания, продолжал Стэн, — на кожу нанесли пару крошечных меток, чтобы никто по ошибке не отдал ее в какой-нибудь магазин. Затем ее внесли в другой журнал, куда записываются бракованные изделия и, когда один из служащих купил эту сумочку, его имя записали рядом, чтобы знать, к кому попала именно эта бракованная сумочка.

— И кто первым купил эту сумочку?

— Молодой парень, который только учится скорняжному ремеслу. Детектив из потерянных вещей говорил так быстро, что я плохо расслышал его имя. — Рейдер пожал плечами. — Ничего страшного. Его фамилия никому и не нужна. Самое главное, что он купил прекрасную сумочку и подарил ее Эдне Хардести.

— Он — ее кавалер?

— Не знаю. Вполне вероятно, что кавалер.

— Когда он подарил ей сумочку?

— Пару недель назад.

— Потерянные вещи еще что-нибудь выяснили об этом парне?

— Только то, что он подарил сумочку Эдне Хардести, а она потом сделала ему ручкой.

— Они не проверили заодно и Эдну?

— Нет. Им поручили выяснить, кому принадлежала сумочка, и они посчитали свою задачу выполненной. Но добавили, что, если мы хотим, чтобы они работали дальше, нужно только позвонить им.

— Не надо. Как сказал бы Барни Феллс, с этой минуты сумочка стала нашей добычей.

— Так, так, — задумчиво произнес Стэн. — Значит, маленькая мисс Рыбы Глаза.

— Надеюсь, мы не поднимаем слишком много шума из этого факта. А ты узнал у ребят ее адрес?

Стэн заглянул в свой блокнот.

— Мизенер Эпартментс на Пятьдесят первой улице между Лексом и Третьей.

— Но это же менее чем в полуквартале от здания, где принимает пациентов Кэмпбелл.

— Я тоже обратил на это внимание. Очень удобно.

— Удобно для чего?

— Кто знает? Ну, скажем, вдруг Эдне с боссом захочется выпить по стаканчику, а квартира совсем под боком. Или еще для чего-то... Знаешь, Пит, у меня мозг, как у нормального человека. Зачем задавать такие глупые вопросы?

— Хочу застать ее, прежде чем она отправится на работу. Может, отложишь на время другие дела?

— Только не в этот раз, Пит. С Эдной Хардести ты справишься и без меня. Можешь забирать ее себе.

— Благодарю за комплимент.

Глава 16

Квартира Эдны Хардести располагалась на двадцать первом этаже «Мизенера». Мисс Хардести, как мне показалось, ждала меня. Коротким кивком пригласила в квартиру и быстро взглянула на себя, чтобы проверить, все ли в порядке с халатом.

— Вам лучше присесть на диван, мистер Селби, — предложила Эдна. — Мне не очень-то хотелось бы доверять человеку ваших габаритов стулья.

— У них на самом деле несколько ветхий вид, — согласился я, усаживаясь на диван. — Хотя, по-моему, у вас очень красивые стулья.

— Отвратительные, — покачала головой девушка. — И их можно назвать не «ветхими», мистер Селби, а «хрупкими».

Этим утром мисс Эдна Хардести зачесала свои черные волосы назад, и они свободно падали волнами на плечи. В отличие от нашей вчерашней встречи в приемной доктора Кэмпбелла, ее маленькое личико почти не было накрашено, и сейчас она мне даже показалась почти хорошенькой.

Эдна села на низкую скамеечку, обхватив колени руками.

— Мне кажется, что вы ждали моего прихода, — заметил я. — Почему?

— Не знаю, — пожал плечами девушка. — Я хочу сказать, что не знаю, почему вы подумали, будто доктор Кэмпбелл имеет ко всему этому какое-то отношение. — Она сделала маленькую паузу. — Но я знала, что вы захотите поговорить со мной. В конце концов, ведь я проводила с ним больше всех времени.

— Проводили?

— Вчера после обеда меня уволили.

— За слишком частое включение аппарата внутренней связи?

— По-моему, в этом нет ничего смешного, — покачала головой Эдна. — Нет, причина увольнения другая.

— Но вы подслушали наш разговор с доктором и его женой?

— Да.

— А к чему, по вашему твердому убеждению, доктор Кэмпбелл не имеет никакого отношения, мисс Хардести?

— К тому, что произошло вчера с той девушкой из Гринвич Виллидж, конечно.

— Вам известна какая-нибудь причина, по которой мы должны подозревать доктора Кэмпбелла?

— Конечно, нет.

— Вы давно ее знали?

— Кого знала?

— Мисс Эллисон?

Эдна, впервые с того момента, как уселась, посмотрела прямо на меня.

— Знала мисс Эллисон! Да я абсолютно ее не знала!

— Вы в этом уверены?

— Конечно, уверена.

— Однако вам принадлежит очень дорогая сумочка из кожи аллигатора, — сказал я. — Вернее, принадлежала.

— О чем вы говорите?

— Мы нашли вашу сумочку в квартире Надин Эллисон.
 — Что?!
 — Это одна из причин, заставивших меня думать, что вы ее знаете, — сообщил я. — Вторая...
 — В ее квартире?
 — Да.
 — Так вот, значит, что случилось с сумочкой!
 — А у вас были по этому поводу какие-то сомнения?
 — Неудивительно, что она была так расстроена.
 — Я вас что-то не совсем понимаю, мисс Хардести.
 — Я имею в виду Сюзан. Миссис Кэмпбелл. Она сказала мне, что забыла ее в такси.
 — Вы хотите сказать, что эта сумочка принадлежала не вам, или что вы передали ее миссис Кэмпбелл... или что-то еще?
 — Это была сумочка Сюзан.
 — А у меня информация, что она принадлежала вам.
 — Сначала сумочка действительно принадлежала мне. Это подарок одного моего друга, а позже я подарила ее Сюзан.
 Несколько секунд я молчал, пытаюсь разобраться в новых поворотах, которые неизбежно вызовет эта новость.
 — Ну, что же! — снова повторила Эдна Хардести. — Неудивительно, что она так себя вела! — Мне показалось, что ей даже стало немного весело.
 — Я вижу, вы испытываете к миссис Кэмпбелл очень теплые чувства, — заметил я.
 — Я ее ненавижу!
 — Тогда почему вы подарили ей такую дорогую сумочку?
 — Потому что, во-первых, я не люблю аллигаторов. И во-вторых, потому что она была женой моего босса. Очень сомневаюсь, что ее чувства ко мне сильно отличались от моих к ней.
 — С каких это пор женщины дарят ненавистным знакомым дорогие сумочки?
 — Не знаю. Как бы то ни было, но я подарила сумочку Сюзан Кэмпбелл именно по этим причинам.
 — А к доктору Кэмпбеллу вы относитесь лучше?
 — Я уважаю его как доктора.
 — Наверное, сильно злитесь на него за то, что он вас уволил?
 — Он меня не увольнял. Меня уволила Сюзан.
 — Косвенно, я надеюсь?
 — Да.
 — Вам об этом сказал доктор Кэмпбелл?
 — Ему не надо было ничего мне говорить. Я сама это прекрасно знаю.
 — Почему миссис Кэмпбелл захотела вас уволить?
 — Не знаю. По-моему, во всем виновато одно странное событие, происшедшее на прошлой неделе, — ответила Эдна Хардести и после небольшой паузы добавила: — Я, честно говоря, даже сейчас не понимаю, что же тогда произошло.
 — Может, я смогу помочь разобраться.
 — Все это очень странно. Я наткнулась на нее во время ланча, и мы решили заглянуть в маленькое кафе и быстро перекусить сэндвичем и кокой. И я, и Сюзан торопились. Но как только мы сели у стойки, на лице у Сюзан появилось очень странное выражение. Я даже не знала, что подумать, а потом увидела, как при-

стально смотрит на нее официантка за стойкой. Сюзан страшно побледнела. Потом официантка улыбнулась и спросила: «В чем дело, Сузи? Неужели ты меня забыла?» И затем Сюзан... можно было подумать, что та женщина вlepила ей пощечину! Она вскочила на ноги и выбежала из кафе. — Девушка остановилась перевести дух. — Это и было началом конца наших хороших отношений, мистер Селби. После этого Сюзан со мной почти не разговаривала.

— Она никак не объяснила свое поведение?
 — Никак. Догнав ее на улице, я спросила, что случилось? Но она только молча покачала головой и ушла, даже не попрощавшись.
 — Где находится это кафе?
 — На Пятнадцатой улице, западнее Третьей. Кажется, оно называется «Макконнери».
 — Как выглядит официантка, которая заговорила с миссис Кэмпбелл?
 — Очень полная женщина лет тридцати, с волосами медного оттенка.
 — Довольно странная встреча, мисс Хардести, вы не находите?
 — Сюзан очень удивила меня своим поведением. Я даже сейчас не понимаю, что случилось...
 Я встал и направился к двери.
 — Если хотите еще что-то сказать мне, мисс Хардести, то сейчас самое время. Эдна тоже поднялась, подошла к двери и открыла ее.
 — Наверное, сейчас вы поедете разговаривать с Сюзан? — с улыбкой поинтересовалась она.
 — Вижу, вам это доставляет удовольствие?
 — Вы, должно быть, забыли, что я обязана миссис Кэмпбелл увольнением.
 — Нет, не забыл, — покачал я головой.
 — Сегодня Сюзан будет в городе. Если она кому-то понадобится, ее можно найти в магазине тканей «Верлейн». — Лицо Эдны слегка покраснело, глаза ярко блеснули. — Он находится на углу Сорок седьмой и Пятой улиц.
 — Вы уверены в том, что она там будет?
 — Я сама договорилась с магазином, мистер Селби. В одиннадцать часов ее будет ждать продавщица.
 — Спасибо, — поблагодарил я. — Постараюсь не забыть об этом.
 — Да, — мягко произнесла девушка. — Не сомневаюсь, что не забудете.

Глава 17

«Макконнери» оказалось очень маленьким и чистым кафе с рядом голубых хромированных кабинок и с такой же хромированной, но красной стойкой. За кассой сидела пожилая женщина, за стойкой стояла черноволосая официантка, полная коренастая блондинка в переднике официантки пила кофе в последней кабинке. Посетителей я не заметил. Шансы, что блондинка и есть та самая женщина, о которой мне рассказывала Эдна Хардести, были довольно высоки.

Она смерила меня оценивающим взглядом, на мгновение надула губы и, наконец, улыбнулась механической улыбкой.

— Добрый мальчик, да?
 — Большую часть времени добрый.
 — Фараон?
 — Да.
 — И не хотите выпить кофе бесплатно? Вы совершаете ошибку.

— Кроме вас, здесь еще работают официантки-блондинки? Она покачала головой.

— Спасибо за то, что не сказали «толстая блондинка». В чем проблема?

— В девушке по имени Сузи.

— Вот как?

— Она приходила сюда на прошлой неделе с другой девушкой. Вы спросили ее, не забыла ли она вас, и она выбежала из кафе. С лица официантки сошла улыбка.

— Ну, и что?

— Сузи вела себя очень странно. Почему? Меня интересует причина, почему она так себя повела.

— Все чисто?

— Абсолютно чисто.

— Мне не нужны неприятности с фараонами.

— Встреча с вами произвела на нее сильное впечатление. Почему?

— Спросите что-нибудь полегче. Сама никак не пойму, почему она так высокомерно себя вела. — Официантка замолчала на пару секунд, и ее лицо немного посуровело. — Конечно, сейчас она добилась своего, это легко заметить по ее одежде.

— Что вы можете рассказать о ней?

— Если вы говорите о последних четырех-пяти годах, то ничего. В предпоследний раз я видела ее четыре или пять лет назад. За все это время ни разу даже о ней не вспомнила, и вдруг на прошлой неделе она входит к нам в кафе.

— Что-то случилось, мисс?..

— Джоси, — представилась официантка. — Джоси Дэниельс.

— Что-то наверняка случилось, раз она на такой скорости вылетела отсюда, — заметил я. — Дело здесь серьезнее простого высокомерного поведения, мисс Дэниельс.

— Конечно. Но что случилось? Говорю вам, она ужасно удивила меня.

— Может, все дело в прошлом? Четыре-пять лет назад, случайно, ничего не произошло?

— Я ничего не могу вспомнить.

— Вы сказали, что были с ней знакомы? Где это было?

— Дома, в Миссисипи.

— Она уехала оттуда так давно? Пять лет назад?

— Да, она уехала оттуда, когда ей было около четырнадцати. Я стала кочевать, примерно, с этого же возраста, много переезжала с места на место, но, несмотря ни на что, пару раз в году всегда возвращаюсь домой.

— О каком городе вы говорите, мисс Дэниельс?

— Это даже не город, а маленькое местечко на дороге под названием Киркмэн.

— Сузи тоже оттуда?

— Нет. Сузи жила за городком в хлопковых полях.

— На плантации?

— Эх вы, янки! Нет, не на плантации. Это была просто маленькая старая хижина, затерянная в глуши. Производители хлопка, в основном, все так и живут. — Джоси Дэниельс удивленно покачала головой. — Тогда Сузи и мечтать не могла о каком-то там высокомерии! В то время, когда мы были с ней знакомы, у нее и было-то всего одно платье.

— Расскажите, пожалуйста, о ней все, что знаете.

— Конечно, расскажу. Только не думайте, что я сделаю это потому, что хочу за что-то ей отомстить! Нет, это здесь ни при чем. — Джоси сделала большой глоток кофе и слегка наклонилась ко мне через стол, положив подбородок на руки. — Над этой девчонкой и ее родственниками потешалась вся округа. Они бы все перемерли с голоду, если бы мать Сузи не гуляла со всеми шишками из нашего города. У нее не было и двух детей, похожих друг на друга, а она нарожала целых восемь человек. Если хотите знать, Сузи была похожа на своего старика больше остальных.

Они жили в своем сарае за городом, как стадо свиней, и если у этой девчонки когда-нибудь и было до десятилетнего возраста чистое лицо, то я его ни разу не видела. Стоило ее старику приехать в город, как все начинали смеяться над ним. Он не умел ни читать, ни писать, и горожане произносили слова по буквам, как это делают взрослые в присутствии маленького ребенка, когда не хотят, чтобы он знал, что о нем говорят. Вы понимаете, что я имею в виду?

Я кивнул, пытаюсь представить девочку типа нынешней Сюзан Кэмпбелл такой, как мне сейчас рассказывала официантка. Сделать это оказалось непросто.

— Неудивительно, что она при первой же возможности дала деру, — продолжила Джоси Дэниельс. — После того, как девчонка всю свою жизнь является посмешищем, живет не лучше свиньи и бегаёт вся в лохмотьях, чтобы ее старик не приставал к ней, ее нельзя осуждать за то, что она вышла замуж за первого мужика, сделавшего ей предложение, пусть даже он был...

— Вышла замуж? — изумленно прервал я ее.

— Да, в тринадцать лет. Как раз тот возраст, когда можно рожать детей или ходить в школу. Но Сузи не сделала ни того, ни другого.

— В тринадцать лет вышла замуж? — на всякий случай переспросил я, боясь, что неправильно ее расслышал.

— Никак не можете переварить это, да? У нас, в Миссисипи, девчонки выходят замуж и в двенадцать лет. Моя невестка, например, сделала это как раз в двенадцать. А что тут удивительного? Здесь, в Нью-Йорке, разрешено выходить замуж в четырнадцать. Подумаешь, какая-то пара лет разницы! Но Сузи, конечно, не думала, что попадет из огня да в полымя. Она вышла замуж за одного куда не годного парня, надеясь вырваться из той ужасной жизни, которую вела дома. Знаете, что он делал? Днем заставлял ее пахать, как лошадь, а по ночам бил. — Джоси допила свой кофе. — Как она смогла вытерпеть целый год такой жизни, не знаю. Всякий раз, как вспоминаю об этом, вновь начинаю ее жалеть. Этот Марти Хатчинс был самым большим негодяем во всем штате Миссисипи.

Я ошеломленно уставился на Джоси.

— В чем дело? — спросила она, заметив мою реакцию.

— Ни в чем.

— Только не говорите, что я подействовала на вас так же, как на Сузи, — неожиданно она снова начала улыбаться. — Если дела и дальше так пойдут, то скоро у нас совсем не останется посетителей.

Миссис Сузи-Сюзан Хатчинс-Кэмпбелл, подумал я, из Киркмэна, штат Миссисипи, а сейчас из Нью-Йорка.

— Эй! Да что с вами случилось?

Мне кое-как удалось выдавить из себя жалкую улыбку.

— Ничего, — покачал я головой. — Просто, наверное, немного устал.

— О, а то я уже подумала, что на вас начал действовать наш кофе.

— Она развелась с ним? — спросил я.

— Как бы не так! Сузи просто дала деру. Насколько мне известно, я единственная из тех мест, кто встретился с ней за эти годы.

— А ее муж?

— Этот подонок! Исчез через пару месяцев после отъезда Сузи. Никто не знал, куда он делся и почему, да и, честно говоря, всем было на него наплевать. — Она доверчиво понизила голос. — Не бойтесь, это останется строго между нами... почему вы о ней спрашиваете?

— Я не был уверен, — ответил я, выбираясь из кабинки. — По правде сказать, я и до сих пор не уверен.

— У меня осталось десять минут перерыва, а потом нужно браться за работу. Посидите еще немного.

— Огромное спасибо, мисс Дэниельс. Как-нибудь в другой раз, забегу, когда буду по соседству.

Я торопливо покинул кафе, завернул за угол и вошел в аптеку, собираясь позвонить Стэну Рейдеру и рассказать ему, что сумочка из кожи аллигатора принадлежала Сюзан Кэмпбелл, и что юная миссис Кэмпбелл когда-то была... и вполне вероятно, что и сейчас является... даже еще более юной миссис Хатчинс.

Глава 18

Трубку снял Барни Феллс.

— В самый раз, Пит, — сказал он. — Где ты был?

Я быстро пересказал ему свои беседы с Эдной Хардести и официанткой из кафе.

— Ну и дела! — удивленно пробормотал он. — Да, и такое бывает.

— Стэн в участке, Барни?

— Нет. Его не было, когда я вернулся в лавочку, и он до сих пор не появлялся. В общем, Стэн в своем амплуа... кстати, как и ты.

— Не знаешь, куда он мог отправиться?

— Не знаю. Но у нас появились довольно интересные новости.

— Что там еще стряслось?

— Я только что вернулся из морга, где осматривал Альберта Миллера. И еще могу сказать, что совсем недавно видел Мориса Тибалта. Причем в том же месте.

— Обоих в морге?

— Да, обоих. Альберт Миллер и Морис Тибалт были одним и тем же человеком, Пит. Так что, вычеркни из списка подозреваемых сразу двоих.

— Но...

— Парень, выпрыгнувший из окна своей ванной комнаты, является тем же самым человеком, который под именем Мориса Тибалта во Франции убил свою жену и закопал ее в цветочной клумбе.

— О, Господи! — пробормотал я. — Это означает, что я разговаривал со Стэном о нем в то самое время, когда он вылезал из окна.

— Да, но ты никогда не видел его фотографии, Пит, а я видел. К тому времени, когда ты вернулся в участок, я уже отослал ее на размножение. — Барни немного помолчал. — Конечно, ты мог сразу обратиться к нему с вопросом, не является ли он Тибалтом, но это было бы невежливо с твоей стороны.

— Как он очутился в морге?

— Очень серьезные повреждения внутренних органов. В больницу явился сам и там свалился. К тому времени, когда доктора нашли, что именно у него не в порядке, Миллер уже умирал. Он сообщил, что хочет сделать заявление, и к нему

привели ближайшего патрульного. Миллер сказал, что выпрыгнул из окна, поскольку подумал, что ты просто тянешь время и скоро все равно возьмешься за него по-настоящему и арестуешь. Он знал, что, как только его арестуют, тут же снимут отпечатки пальцев и выяснят, что он не кто иной, как Морис Тибалт. Поэтому Миллер понял, что надо делать выбор между окном в ванной комнате и гильотиной во Франции. Он выбрал окно.

— Миллер что-нибудь рассказал о Надин Эллисон?

— Думаю, все, что нам необходимо. Как познакомился с ней примерно с год назад... она тогда только приехала в Нью-Йорк... и они начали жить вместе. А когда расстались, он обнаружил, что она украла вырезку из газеты, в которой говорилось о том, что он натворил во Франции. На вырезке была его фотография, и, наверное, Надин разобрала слово «гильотина», а может, и некоторые другие. Она догадалась, что к ней в руки попало нечто важное. Во всяком случае, девчонка принялась шантажировать Миллера. Это продолжалось долгое время... вполне достаточно, по крайней мере, чтобы она выманила у него серьги с сапфирами и две-три тысячи наличными.

— Значит, вот откуда у нее серьги, — задумчиво проговорил я. — А я все спрашивал себя, где же она их взяла?

— Угу... а Тибалт снял их с жены сразу после того, как убил ее.

— Странно, что он просто не уехал из Нью-Йорка.

— Для человека, находящегося в его положении, переезд — целое дело. Очень трудно поменять все документы и начать жизнь под новым именем. К тому же он собирался все-таки убить ее и забрать серьги обратно. — Барни Феллс ненадолго замолчал. — И ему один раз почти удалось избавиться от нее. Это Миллер нарвался на Айрис Педрик той ночью, о которой она тебе рассказывала. Она проснулась и увидела кого-то рядом с собой с ножом. Так вот, это и был Миллер. Кстати, он и в квартиру Надин попал с помощью ножа — отжал ригель лезвием.

— Он отрицал, что убил Надин, Барни?

— Еще как!

— Но ты сказал, что мы можем вычеркнуть его из списка подозреваемых...

— Он не убивал ее, Пит. Мы проверили его в зубокабинной лаборатории, где он работал, и выяснили, что он всю ночь проявлял пленки со своими друзьями. Следующий день у него был выходной, и Миллер проторчал с этими друзьями почти до восьми утра, когда они все вместе отправились завтракать. Они шестером организовали фото клуб, или как там еще его назвать, и за всю ночь Миллер ни разу не отлучался более, чем на пять минут. — Барни остановился и добавил после некоторой паузы: — Вот тебе и вся история, Пит. Хочешь оставить послание для Стэна?

— Нет, — ответил я. — Перезвоню чуть позже.

— Пит, сконцентрируйся. Сейчас — самая кульминация дела. События разворачиваются с большой скоростью. — И Барни Феллс положил трубку.

Я посмотрел на часы — восемнадцать минут десятого.

Если я хотел закончить все дела, которые запланировал, и застать Сюзан Кэмпбелл в магазине тканей «Верлейн», нужно поторопиться.

Я поторопился, но все равно едва не разминутся с ней. Подъехав к магазину, я увидел ее на тротуаре. Она пыталась остановить такси, но машины с дикой скоростью пролетали мимо.

Я подошел к миссис Кэмпбелл, произнес ее имя и, прежде чем она медленно повернулась ко мне, заметил внезапное напряжение девичьих плеч под тонким летним платьем и дрожь руки, сжимающей белые перчатки...

Глава 19

В десять минут второго я подъехал на «плимуте» к участку, вышел из машины и начал подниматься по ступенькам. В это же время из кабинета вышел Стэн Рейдер и начал спускаться.

— Господи, Пит! — воскликнул он, глядя на меня даже с большим, чем обычно, удивлением. — Где ты пропал?

— Почему все постоянно задают мне этот вопрос? — возмутился я. — Должен же в этой лавочке кто-то работать. Почему бы тебе не быть этим человеком?

— Раскопал что-нибудь?

Я кивнул.

— Раскопал, причем немало. А у тебя как дела?

— Точно так же. Где мы поговорим? На углу?

— А чем тебя не устраивает наша комната в участке?

— Во-первых, она битком набита фараонами. А во-вторых, ты должен напоить меня кофе.

Мы отправились в кафе, расположенное на углу. Его так часто посещали полицейские, что местные жители прозвали кафе «Синие Небеса».

Когда нам принесли кофе, Стэн сказал:

— Это твое дело, Пит, так что, тебе и начинать. А я уж — после тебя.

— Наверное, Барни рассказал тебе о том, что Альберт Миллер и Морис Тибалт одно и то же лицо?..

— Да, я уже слышал. Он об этом рассказывает всем подряд.

— А о том, что Эдна Хардести подарила сумочку из кожи аллигатора Сюзан Кэмпбелл?

— Ага, и об этом тоже рассказал.

— Значит, все в порядке. Тогда я начну с разговора, который у меня состоялся с женщиной по имени Джоси Дэниельс. Они с Сюзан — из одного маленького городка в Миссисипи. Сюзан вышла замуж в тринадцать лет, а в четырнадцать уже сбежала от мужа.

Рейдер открыл рот, потом закрыл и изумленно уставился на меня.

— Ладно, — наконец, вымолвил он. — Ты рассказывай, а я буду слушать.

— А вышла замуж она за нашего знакомого Марти Хатчинса.

— О, Господи!

— Это ты называешь слушанием?

— Хорошо, хорошо! Продолжай.

— Сюзан так и не развелась с ним. Она боялась, что он может найти ее.

— Ты узнал все это от Дэниельс?

— О том, что Сюзан боялась, не от нее. Об этом мне рассказала сама Сюзан. Но сначала мне пришлось сделать несколько телефонных звонков, чтобы не идти на встречу с ней с пустыми руками. Например, я узнал, что она продала почти на четыреста долларов облигаций и практически закрыла свой банковский счет. И все это произошло в течение последних недель. Еще миссис Кэмпбелл дала объявление о пропаже той самой сумочки в колонку пропавших и найденных вещей. Я хотел немного вооружиться перед разговором и поехал к ней не с пустыми руками.

— Что это за история с облигациями, счетом и всем остальным?

— Марти Хатчинс и Надин Эллисон шантажировали Сюзан Кэмпбелл. Марти случайно встретился с ней почти две недели назад и через пять минут уже требовал от нее денег, угрожая, в противном случае, сообщить ее мужу, что у нее уже

есть один муж. Ему было достаточно бросить один-единственный взгляд на ее обручальное кольцо и дорогое платье, чтобы понять, что ему здорово повезло, и он напал на золотую жилу.

— А Надин, значит, тоже захотела свою долю?

— Она даже заставила Сюзан отдать сумочку, которая в тот день оказалась у Сюзан с собой, и, так как миссис Кэмпбелл отдала все деньги Марти и не смогла расплатиться с Надин, та взяла сумочку как залог и пообещала вернуть, когда Сюзан найдет и для нее деньги.

— Доктор Кэмпбелл знает об этом?

— Сейчас знает. Сюзан вынуждена была обо всем рассказать мужу.

— Чтобы получить больше бабок?

— Не думаю. Можешь говорить все, что хочешь, Стэн, но, по-моему, она так же сильно любит Кэмпбелла, как и он ее. Если бы ты присутствовал при нашем с ней недавнем разговоре, то поставил бы на это свои последние пять центов.

— А как же с тем телефонным звонком, который Надин сделала Кэмпбеллу в Скарсдейл?

— Не забывай, что Кэмпбелл тоже был уязвим. Человек такой профессии и с такой высокой репутацией, как у него, естественно, представлял из себя легкую жертву.

— Он заплатил ей?

— Нет. Поэтому Надин ему и угрожала.

— Тогда почему Сюзан поместила объявление о пропаже сумочки? Или это произошло до того, как она обо всем рассказала мужу?

— Конечно, до того.

— Если она так сильно любит Кэмпбелла, как же она так долго тянула с тем, что бы рассказать, что была замужем за Хатчинсом?

— Говорит, будто думала, что никто никогда не узнает. Похоже, что сразу после приезда в Нью-Йорк она стала наверстывать упущенное в смысле образования. Она ведь практически и не ходила в школу. Сюзан работала над собой буквально день и ночь. Она стыдилась своей семьи и поэтому всеми доступными способами пыталась хотя бы немного измениться и стать другой. Потом ее направили к Кэмпбеллу, и они полюбили друг друга. Разница в возрасте не играла никакой роли. Когда он попросил ее выйти за него замуж, перед ней стоял выбор: рассказать ему о большой ошибке, которую она совершила в тринадцать лет, или промолчать и, может, впервые в жизни быть счастливой.

— Как ты заставил ее рассказать обо всем этом?

— Я объяснил ей, что иметь двух мужей уже само по себе является довольно серьезным делом, но оно может стать намного серьезнее, если в самый разгар расследования убийства о нем узнает пресса. Сюзан — сообразительная девочка и быстро поняла, что к чему.

— Ты не дал ей особого выбора, так ведь?

— Я совсем не дал ей выбора.

Стэн несколько секунд задумчиво отхлебывал кофе.

— Это все, что ты выяснил? — наконец, спросил он.

— Да, — кивнул я. — Теперь твоя очередь.

— всплыло кое-какое другое имущество Надин Эллисон.

— Где?

— Помнишь ту тетку, которая несколько лет назад давала ребятам прикурить в барах в районе Гардена?

— Ту, которую звали Одинокая Лиз?

— Ее самую. Ее настоящее имя Элизабет Эммерт. Какой-то прохожий видел, как она выбросила в мусорный ящик большой бумажный пакет. При этом она озиралась по сторонам и так нервничала, что он заподозрил что-то неладное, достал из ящика пакет и заглянул внутрь.

— И что там было?

— Достаточно, чтобы он помчался в участок на Шестьдесят восьмой улице. В пакете лежала закрытая банковская книжка на имя Надин Эллисон с ее адресом, ножной браслет с выгравированным именем Надин, довольно дорогие на вид ручные часы, оригинал перевода статьи о Морисе Тибалте из французской газеты, который Надин сделала в «Джойнере», а еще целая куча бижутерии.

— Что сказала Лиз? Где она все это нашла?

— Говорит, что на улице. — Рейдер пожал печами. — Самое смешное, что Лиз завязала со спиртным около шести лет назад, и с тех пор у нее не было никаких неприятностей с полицией. Ребята из Двадцатого участка говорят, что она нашла какую-то ночную работу и получает хорошие деньги. В общем, полностью исправилась и начала новую жизнь.

— Так вот где ты пропадал все утро?

— Да. Из Двадцатого позвонили, как только на вещах нашли имя Надин. Мы попытались хоть что-то выяснить у Лиз, но она уперлась и твердит, будто нашла пакет на улице. Мы отправились к ней на квартиру и перевернули все вверх дном, но ничего не нашли. Она только что переехала, да и вещей у нее совсем немного.

— Как насчет ее бывшего жилища?

— В нем тоже сделали обыск, но тоже ничего не нашли.

— У Лиз есть алиби на время убийства?

— Она была на работе. Похоже, что сейчас Лиз действительно завязала с прошлым. Честно работает и копит денежки.

— И не пьет?

— Ни капли. Для такой поклонницы джина, какой она была несколько лет назад, Лиз стала абсолютной трезвенницей. Содержит свою маленькую квартирку на Семьдесят четвертой улице, как...

— Где? — прервал его я. — Ты сказал, на Семьдесят четвертой улице?

Стэн с любопытством посмотрел на меня.

— Верно, я сказал «Семьдесят четвертая улица». Что с тобой, Пит? У тебя такой вид, будто я только что...

— Какой номер дома?

— Восемьсот какой-то. Вспомнил, восемьсот пятнадцатый.

— Восемьсот пятнадцатый! — взволнованно повторил я. — Стэн, эврика!

Мой напарник медленно поставил чашку на стол и повернулся на стуле, чтобы лучше меня видеть.

— Какая еще эврика?

— Это тот самый жилой дом, из окна которого выпрыгнул Морис Тибалт.

Стэн тупо посмотрел на меня, затем внезапно ухмыльнулся и покачал головой.

— Старый котелок начинает давать сбои, — пожаловался он. — Понадобилось целых две секунды, чтобы сообразить, что к чему.

Я отодвинул чашку и встал.

— Допивай побыстрее свой кофе, Стэн. Нам предстоит сделать очень много серьезной и трудной работы.

— Кому нужен кофе? — весело воскликнул Стэн и вскочил со стула. — С кого начнем?

— С Одинокой Лиз, — ответил я. — У меня такое предчувствие, что она нам еще кое-что расскажет.

— И мы ей тоже, — кивнул Стэн Рейдер.

Глава 20

Без восьми минут пять мы со Стэном, удовлетворенные проделанной работой, сели передохнуть на диван в комнате Одинокой Лиз на пятом этаже в доме на Семьдесят четвертой улице.

— Кто будет звонить? — спросил Стэн. — Ты или я?

— Наверное, лучше я. Он никогда не слышал твой голос, Стэн. Еще возьмет и перепугается.

— Вот не повезет, если его не окажется дома.

— Если его нет дома, будем звонить до тех пор, пока он не вернется.

— Ты говорил, что с ним трудно разговаривать?

— Очень.

— Так чего же мы ждем? Вперед, Пит! Положи в мышеловку кусочек сыра. Мне страшно хочется взглянуть на этого парня.

Я набрал номер платного телефона в вестибюле жилого дома на Бетюн-стрит, в котором жил Марти Хатчинс.

— Надеюсь, нам повезет, — заметил Стэн. — А то я уже потерял на этом деле фунтов двадцать.

— Ну, во-первых, ты вообще никогда и не весил-то эти двадцать фунтов... — пошутил я.

— По крайней мере, у меня точно нет двадцати фунтов жира между ушами, как у тебя.

— Все, успокойся, — приказал я. — Мешаешь разговаривать.

Стэн кивнул, откинулся на спинку и вытащил револьвер, чтобы проверить, заряжен ли он.

— Алло?

— Мистер Хатчинс?

— Да. Кто это?

— Детектив Селби, — представился я.

— Опять вы! Что теперь?

— Думаю, у нас появилась информация о человеке, который убил Надин Эллисон, — сообщил я. — Пока все идет к тому, что ее убил некий Альберт Миллер.

— Да? — спросил Марти, и из его голоса внезапно исчезла вся враждебность. — Значит, говорите, Альберт Миллер?

— Никогда не слышали, чтобы Надин о нем говорила, мистер Хатчинс?

— А знаете, его фамилия на самом деле кажется мне немного знакомой.

— Можете нам что-нибудь о нем рассказать?

— Нет. Я даже не уверен, что Надин говорила о нем. Просто фамилия как-то знакома, вот и все.

— Беда в том, что Миллер улизнул от нас. Мы нашли кое-какие улики, так что, ему теперь, скорее всего, не отвертеться. Правда, сам он куда-то исчез.

— Улики? Какие улики?

— Я бы даже сказал, что больше, чем просто улики, мистер Хатчинс. Не хочу говорить об этом по телефону, но полиция была бы вам очень благодарна, если бы вы смогли уделить нам несколько минут и взглянули на то, что мы у него нашли.

— Вы на самом деле считаете, что Надин убил Альберт Миллер?

— Не сомневаюсь. Мы нашли у него на квартире некоторые вещи, которые... Как я уже сказал, по телефону лучше об этом не говорить. Надеюсь, вы понимаете?

— Конечно.

— Может, выкроите немного времени, чтобы помочь нам, мистер Хатчинс?

— Хорошо, черт побери! Я не меньше вашего хочу, чтобы этот негодяй получил по заслугам.

— Вы не могли бы приехать прямо сейчас? Мы будем вам очень признательны.

— Хорошо, — повторил он. — Немедленно выезжаю. Черт, я даже возьму такси. — И Марти Хатчинс положил трубку.

Стэн ухмыльнулся, в последний раз прокрутил барабан своего револьвера и сунул его в кобуру.

— Клонул на приманку? — поинтересовался он.

— Кажется, клонул.

— Что значит, «кажется»?

— Разве в нашей профессии можно быть в чем-то уверенным?

— Можно, — кивнул Рейдер. — Лично я уверен. Если Марти Хатчинс постучит в эту дверь, Пит, значит, он тот, кого мы ищем.

В дверь постучали в пять двадцать четыре. Я посмотрел на Стэна, потом подошел к двери, открыл ее и поздоровался:

— Привет, Марти.

Хатчинс вошел в комнату с широкой улыбкой на лице. Его по-прежнему влажные темные волосы были наспех причесаны, блестящие глаза настороженно смотрели по сторонам. Чистая белая рубашка плотно облегла широкие грудь и плечи, из коротких рукавов торчали бицепсы, по толщине не уступающие бедру нормального человека.

— Значит, вы все-таки вычислили его, — проговорил Марти своим приятным негромким голосом.

— Думаю, да, Марти, — кивнул я, закрывая дверь. — Мы практически уверены в том, что это он. — Я показал ему на Стэна: — Мой напарник, детектив Стэн Рейдер, Марти.

Хатчинс кивнул Стэну, потом опять повернулся ко мне.

— Ну, и где улики, о которых вы говорили по телефону? Я хотел бы посмотреть на них.

— А что на них смотреть? Они остались теми же, — заметил Стэн.

Хатчинс посмотрел на него и удивленно спросил:

— Что осталось тем же?

— Садитесь, Хатчинс, — требовательно произнес я.

— Эй! Здесь что-то явно не так. Что творится с вашим худым дружком?

— Оставьте моего худого дружка в покое! Вы арестованы, Хатчинс.

— Я что? — воскликнул парень. — Арестован? За что?

— Можно начать с вымогательства, — ответил я. — Вы с Надин Эллисон шантажировали доктора Кэмпбелла и его жену Сюзан.

— У вас точно с головой не в порядке, мистер. Я не знаю никаких Кэмпбеллов.

— Так же, как не знаете никого в Киркмэне, что в штате Миссисипи? Например, Джоси Дэниельс?

Марти Хатчинс поднял правую руку, как бы принося клятву в зале суда, и заявил, качая головой из стороны в сторону:

— Я говорю истинную правду. Я...

— У нас имеются официально заверенные показания Сюзан и ее мужа. Так что, хватит лгать... хотя, честно говоря, это и не имеет особого значения.

— Это же надо — шантажировать собственную жену! — покачал головой Рейдер. — А вы довольно оригинальный человек, Хатчинс, как я погляжу.

Марти Хатчинс медленно повернул голову и хмуро посмотрел на него.

— Докажите, — потребовал он.

Стэн усмехнулся.

— Мы как раз это и делаем, Хатчинс. Но доказательства шантажа нас волнуют меньше всего... так же, кстати, как и вас.

— О чем вы говорите, черт побери? — сердито воскликнул Хатчинс.

— О Надин Эллисон, — ответил Стэн Рейдер. — Вам не удастся отделаться мелким шантажом, Хатчинс. Дело куда серьезнее — вы ее убили.

— Да вы еще ненормальнее, чем Селби, — неторопливо проговорил Марти Хатчинс. — Не знаю, кем вы, ребята, себя считаете, пытаетесь подставить меня, но...

— Заткнитесь, Хатчинс, — велел ему Рейдер. — Никогда не говорите, что мы пытаемся подставить вас.

— Нам с напарником сегодня пришлось много поработать, — добавил я. — Мы знаем все, кроме одного: почему вы убили Надин?

Парень презрительно покачал головой.

— Приятель, я бы на вашем месте обратился к психиатру. Это же надо такое сморозить.

— Не беспокойтесь, мы вам устроим встречу с психиатром, — кивнул Стэн.

— Вы, ребята, чертовски хорошо знаете, что я всю ночь проспал с девчонкой. Вы сами говорили с ней, Селби. Вы ездили в отель «Лейтон», вытащили малышку Илейн Уолтон из постели и почти до смерти напугали ее. Что вам взбрело в голову? Она говорила правду, и вы это прекрасно знаете.

— Илейн Уолтон думала, что говорит правду, — поправил я его. — Формально говоря, вчера она действительно рассказала мне правду. Но сегодня после обеда я беседовал с ней еще раз, Хатчинс. Она призналась, что в ту ночь впервые в жизни так много выпила и отключилась.

— Она сказала вам, что я ни разу не выходил из комнаты?

— Нет. Мисс Уолтон сказала, что не видела, как вы выходили из комнаты. Чувствуете разницу? Но она и не могла видеть, поскольку спала, как убитая. — Я сделал паузу, чтобы дать ему время обдумать мои слова. — Сегодня мы переговорили и со всеми служащими отеля «Лейтон». Трое из них заявили, что видели, как вы выходили из отеля примерно в половине второго ночи, а двое клянутся, что видели, как вы вернулись около пяти. Надин, как вам известно лучше, чем мне, была убита между двумя и шестью часами.

— И это означает, — добавил Стэн, — что у вас совсем нет алиби. Абсолютно никакого.

— Знаете, что, по-моему, немного забавно? — спросил я. — Если бы вы не переусердствовали, пытаясь направить нас по ложному следу, то могли бы выйти сухим из воды. Я говорю не о том, что вы повесили ее на трубу, имитируя самоубийство, а о том, как вы постарались подставить Альберта Миллера.

— Никогда не слышал ни о каком Альберте Миллере! Только когда вы позвонили и сказали...

— Помолчите немного, Хатчинс, — остановил его Стэн. — Неужели вы не знаете, что невежливо перебивать людей?

— Вы знали Миллера, — продолжал я. — И знали, что Надин шантажировала его. Знали, что его настоящее имя Морис Тибалт, и что он разыскивается французской полицией по обвинению в убийстве собственной жены. Вы взяли у Надин Эллисон перевод статьи из французской газеты о Миллере и банковскую книжку Надин, а чтобы они не бросались в глаза, прибавили бижутерию и сунули все Миллеру в стол. Потом послали в полицию анонимную телеграмму, в которой сообщили, где их найти.

Все входные двери в этом здании снабжены одним из самых дорогих маленьких замков. Этот замок, наверное, единственный в стране, который невозможно открыть без ключа. У вас был ключ, Хатчинс. Иначе вам пришлось бы взламывать дверь, чтобы попасть в квартиру Миллера. — Мне показалось, будто в его глазах что-то промелькнуло. — Вы знали, что Надин жила с Миллером, и знали, что у нее по-прежнему есть ключ от его квартиры. Может, она хранила его в своем сейфе, может, где-то еще, это неважно. Главное — вы сумели пробраться к нему в квартиру. Итак, вы проникли в квартиру Альберта Миллера и положили в нижний ящик стола все, что, по вашему мнению, могло понадобиться полиции для признания его главным подозреваемым в убийстве Надин Эллисон.

Хатчинс покачал головой, но ничего не сказал. Он стоял неподвижно и хмуро смотрел на меня, мигая, как близорукий человек, забывший очки.

У меня из головы не выходил испуг, промелькнувший в его глазах, когда я заговорил о ключе. По крайней мере, стоит попробовать, решил я и неожиданно заинтересовался:

— Как вы носите свои ключи, Хатчинс? На кольце или в бумажнике?

— Я... у меня нет никаких ключей, — пробормотал он, и в глазах вновь промелькнул испуг.

Сейчас я был уже точно уверен в том, что нашел его слабое место.

— У всех должен быть, по крайней мере, хотя бы один ключ, Хатчинс, — покачал я головой. — Ну-ка, показывайте.

— Нет, — упрямо стоял на своем Марти. — У меня нет ключей.

— Хорошо. Тогда скажите нам, почему вы не спросили, где живет Альберт Миллер?

— Что? — растерялся он.

— Я не сказал вам адрес Миллера, когда просил приехать, — пояснил я. — Я не сказал, а вы не спросили. Да вам и не нужно было спрашивать, потому что вы и так знали, где он живет.

— Я заглянул в телефонный справочник.

— Он заглянул в телефонный справочник, — будто не веря своим ушам, повторил Стэн Рейдер. — В телефонный справочник, Пит. Можешь себе это представить?

— В телефонном справочнике Манхэттена шесть Альбертов Миллеров, — сообщил я парню. — Не говоря уже о четырех Аланах Миллерах.

Хатчинс нервно облизнул губы.

— Положив трубку, я вспомнил, что Надин когда-то действительно упомянула какого-то Миллера. Поэтому его фамилия и показалась мне немного знакомой, когда вы заговорили о нем. Я вспоминал, вспоминал и, наконец, вспомнил. Надин что-то говорила о Миллере, который живет на Семьдесят четвертой улице. Поэтому я...

— Вы прекрасно играете свою роль, — похвалил его мой напарник. — Продолжайте, продолжайте, только не останавливайтесь.

— Меня немного смущает еще одна мелочь, — признался я. — Вы согласились прийти на квартиру Миллера, но не сделали этого. Почему?

Марти быстро обвел взглядом комнату и уставился на маленький столик у окна.

— Я... — начал он.

— Что вы сделали? — спросил я. — Посмотрели внизу на номера, написанные на почтовых ящиках?

— Да. Именно это я и сделал.

— Если бы вы посмотрели на номера на почтовых ящиках, Хатчинс, то стояли бы там и смотрели до сих пор. Не прошло и часа, как мы стерли номер на ящике Миллера.

— И не забывайте, что в этом здании нет ни лифта, ни привратника, — напомнил ему Стэн. — Так что, и спросить не у кого.

— Это квартира Миллера, — выпалил Хатчинс. — Не может быть, чтобы это была не его квартира!

— Это была квартира Миллера, — кивнул я, — но он переехал на второй этаж неделю назад. На второй этаж! Вы же, Хатчинс, поднялись на пятый. И вы не заглядывали ни в какой телефонный справочник, и не смотрели на номера на почтовых ящиках. Вы сегодня пришли прямо сюда, так же, как в ту ночь, когда подбрасывали доказательства виновности Альберта Миллера в его, как вы думали, стол. У вас есть ключ от его квартиры, на котором написан ее номер. Поэтому вы и были так уверены, что попали туда, куда нужно. Только на самом деле все оказалось не так.

Глаза Марти Хатчинса стали неестественно яркими, а губы медленно принимали бледно-серый оттенок.

— В этой квартире живет женщина по имени Элизабет Эммерт, — продолжал я. — Раньше у нее были неприятности с полицией. Поэтому, когда она нашла ваши вещи у себя в столе, то подумала, что кто-то из старых дружков старается ее подставить. Она запаниковала и попыталась выбросить их в мусорный ящик. Ее поймали. Сложив два и два, мы сообразили, что только вы могли знать и имели возможность...

— Остановитесь! — неожиданно закричал Марти Хатчинс. — Замолчите! Слышите? Замолчите, черт бы вас побрал!

— Покажите ваши ключи, Хатчинс, — вновь потребовал я.

— Нет!

Я сделал к нему шаг.

— Зачем зря терять время и ждать, когда мы заставим вас это сделать в участке? Давайте прямо сейчас попробуем, не подходит ли, случайно, какой-нибудь из ваших ключей к этому замку.

— Нет, — испуганно покачал головой парень. — Не приближайтесь ко мне. — Сейчас в его глазах сверкало безумие.

Я сделал еще один шаг.

— Не подходите ко мне! — неистово повторил Хатчинс. — Один из вас, подонков, будет меня избивать, а второй будет держать под прицелом, чтобы я не мог сопротивляться.

Я посмотрел на Стэна. Мы молчали.

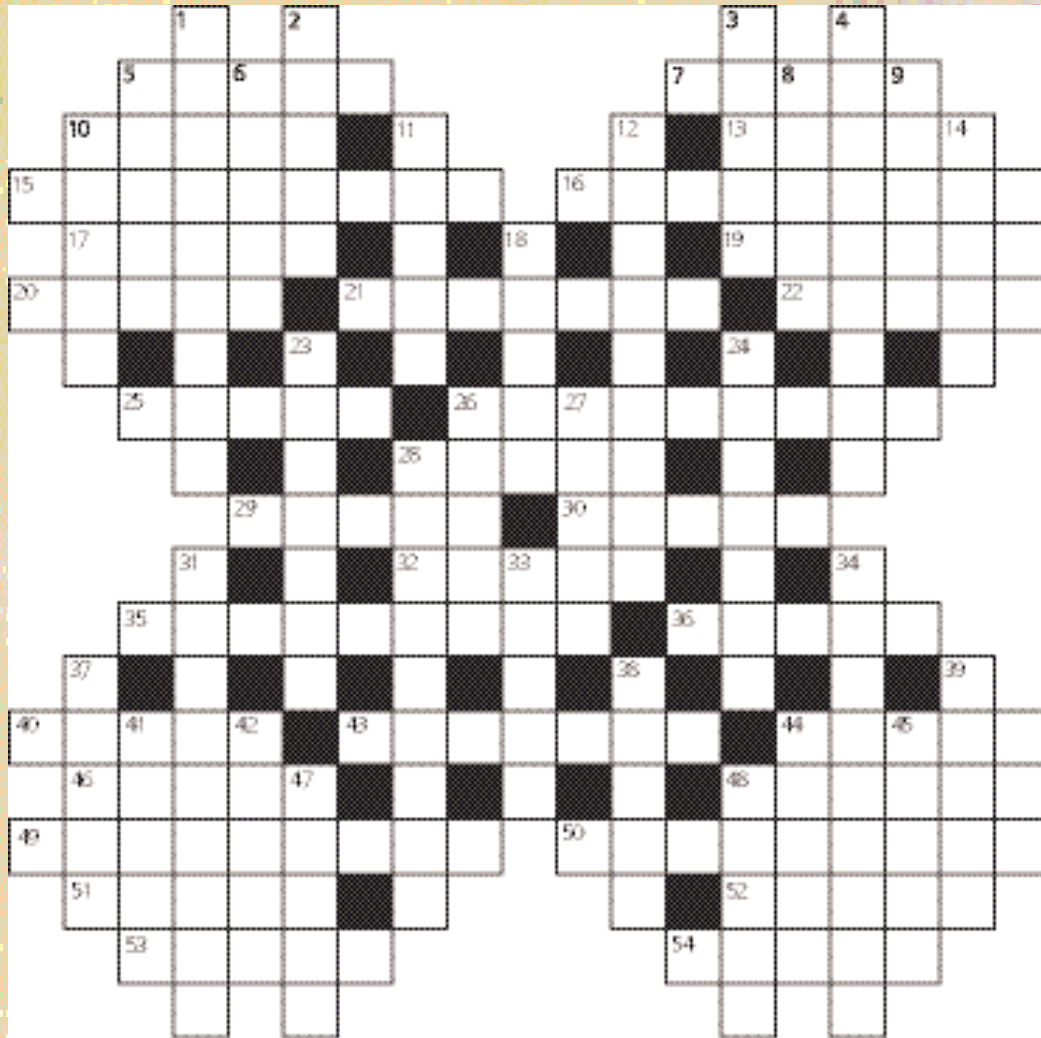
— Если бы вы не были вооружены, я бы сделал из вас обоих котлеты, — прокричал Марти. — Я бы поубивал вас голыми руками!

— Но все дело в том, что мы вооружены, — пожал плечами Стэн.
 — Я не выношу боли! — завопил Хатчинс. — Не выношу боли!
 — О какой боли вы говорите? — поинтересовался я. — По-моему, вы находитесь в отличной форме, Хатчинс.
 — Вы будете бить меня по животу!
 — Послушайте, Хачинс. Мы...
 — Ты лжешь, подонок! Вы запрете меня в туалет, когда привезете в участок, и забьете там до смерти.
 Я глубоко вздохнул. За все годы, проведенные в полиции, я ни разу даже пальцем не дотронулся ни до одного арестованного. И Стэн тоже.
 — Хатчинс, — я старался говорить как можно спокойнее. — Сдается мне, пришло время рассказать, что же произошло.
 — Вы не будете бить меня?
 — Не будем.
 — И не разрешите другим фараонам меня бить?
 — Никто даже пальцем до вас не дотронется, — пообещал я. — Давайте рассказывать. Все было примерно так, как мы говорили?
 Он медленно опустился на диван.
 — Да.
 — Почему вы убили Надин Эллисон? — спросил я.
 — Она стала чересчур жадной, — ответил Хатчинс, — и попыталась совать свой нос в чужие дела.
 — Хотите сказать, что Надин Эллисон попыталась вмешаться в шантаж Сюзан?
 — Угу. К тому же она решила зацепить еще и Кэмпбелла. Тогда-то я ее и убил. Я узнал, что она угрожала Кэмпбеллу, и понял, что девчонка зашла слишком далеко. Немного пощипать Сюзан — одно дело, но попытаться шантажировать такую большую шишку, как Кэмпбелл — совсем другое.
 — Как вы сделали это? — поинтересовался я.
 — Вы имеете в виду, как я ее убил?
 — Да.
 — Все получилось очень просто. Убил, и все. Я на самом деле находился с той девчонкой в отеле, а когда приехал к Надин, она стала рассказывать мне, как мы будем жить дальше. Сказала, что начала заниматься Кэмпбеллом, и чтобы я не рассчитывал даже на десять центов. Понимаете, она пошла против меня! Вот так! Странная она была баба! Могла потратить на меня вечером все деньги, а на следующий день велеть катиться ко всем чертям. Она была просто ненормальная. То она была готова в лепешку расшибиться, лишь бы помочь кому-то, то делала все, чтобы причинить этому же человеку вред. Когда я услышал, что она уже взялась за Кэмпбелла, то понял, что она расстроила мне все планы. Я знал, что Кэмпбелл не потерпит никакого шантажа, что он обязательно предпримет меры, и тогда я лишусь даже той мелочи, которую вытягивал из Сюзан.
 Об остальном вы уже, наверное, догадались, — пожал плечами Марти. — В начале разговора Надин стала раздеваться и, когда заговорила о Кэмпбелле, то была уже в чем мать родила, а в руке держала нижнюю юбку. Неожиданно она ударила меня ею по лицу, а я ударил ее кулаком в живот. — Он вновь пожал плечами. — Наверное, она вывела меня из себя этим ударом юбкой. Я и так страшно разозлился на нее из-за Кэмпбелла, а этот удар только подлил масла в огонь. Она упала без сознания, и я подумал, вот черт, ведь я могу легко избавиться от нее.
 — Вот так просто, Хатчинс? — спросил я.

— Угу. Я подумал, почему бы мне на самом деле не убить ее? Ведь она много раз меня обманывала, а в будущем ничего не изменится, напротив, станет обманывать еще больше. Поэтому я забрал у нее нижнюю юбку и принялся душить. Через пару минут все было кончено. Потом я достал из ванной комнаты бельевую веревку и повесил ее так, чтобы все было похоже на самоубийство.
 — И что было дальше, Хатчинс? — спросил Стэн.
 — С той минуты все было так, как вы рассказывали, ребята. Я спрятал ее вещи в стол Миллера, быстро вернулся назад в отель и забрался в кровать к Илейн Уолтон. Она была слишком пьяна, чтобы заметить мое отсутствие.
 — Один момент, Хатчинс, — остановил его я. — Почему Надин была так уверена, что сумеет расстроить все ваши планы?
 — Вы говорите о той мелочи, которую я получал от Сюзан?
 — Да.
 — Надин знала, что я больше не муж Сюзан, что я развелся с Сюзан пару лет назад, когда захотел жениться на одной богатой вдове. Тогда я еще жил во Флориде. Так что, все это время я водил Сюзан за нос.
 — Другими словами, — уточнил я, — Сюзан Кэмпбелл вышла замуж за доктора Кэмпбелла, уже не будучи вашей женой? А вы пытались убедить ее в обратном.
 — Верно. Я официально развелся с ней еще за год до того, как она вышла замуж за своего Кэмпбелла. — Марти Хатчинс грустно покачал головой. — Я, наверное, совсем сошел с ума. Как-то вечером напился в стельку пьяный и все выболтал Надин. Я посмотрел на Стэна.
 — Позвони Барни Феллсу и попроси его передать Кэмпбеллам, чтобы они больше не беспокоились.
 Пока Стэн звонил нашему шефу, мы с Марти Хатчинсом стояли и смотрели друг на друга. И медленно, очень медленно в его глазах начало расти понимание. Сейчас до него дойдет, что на свете существуют вещи намного хуже, чем побои в туалете полицейского участка.
 — Барни с радостью узнал новости, — сообщил Стэн, положив трубку. — У него тоже есть для нас маленькая новость. Кажется, муж Надин, Барт Эллисон, еще раз позвонил в Управление, только на этот раз разговаривал достаточно долго, чтобы его засеки. Эллисона взяли на автобусной станции на Западной Тридцать четвертой улице.
 Я посмотрел на Хатчинса еще пару секунд, потом открыл дверь в коридор и кивнул ему:
 — Ну, что же, Марти, пошли!
 Марти Хатчинс молчал до тех пор, пока я не приковал его к металлическому пруту на заднем сиденье «плимута». Стэн завел мотор. Потом Хатчинс медленно повернулся и посмотрел на меня понимающим взглядом.
 — Селби... — произнес он.
 Я молчал.
 — Селби, — снова обратился он ко мне и робко дотронулся до моего рукава. — Селби, что со мной будет?
 Я вновь промолчал, так как знал, что Хатчинс и не ждет от меня ответа. Он уже сам обо всем догадался.

Он уже сам обо всем догадался, и его глаза наполнились ужасом.

*Перевод с английского Сергея Манукова.
 Рисунок Романа Львова*

По горизонтали. 5. Приятный мужской голос, пока он не доходит до высоких нот. 7. Светильник, с которым носят раз в четыре года. 10. Стукач по наковальне. 13. Предраассветное, начальное утро. 15. Афинский государственный деятель и морской стратег, по которому гоголевский Манилов, надо полагать, назвал одного из сыновей. 16. Электронно-лучевой прибор в ЭВМ первых поколений для воспроизведения на экране букв, цифр и других знаков. 17. Японское пятистишие, обязатель-

ный элемент придворной прозы. 19. Искусство добычи достоверности. 20. Самолетная обувь навыпуск. 21. Надежда на повторение неповторимого. 22. Перекованный меч. 25. Малая жилплощадь Обломова внутри большой. 26. Изобретатель железной дороги, чей сын Роберт прославился строительством мостов. 28. Советский историк, чей «Наполеон» гораздо интереснее «Наполеона», изданного в серии ЖЗЛ. 29. Источник знаний А.Пушкина. 30. Малочисленный народ на Амуре,

раньше летосчисление ведший по ходу кеты. 32. Отава молодая. 35. Потухший вулкан, самая высокая точка Эквадора. 36. Лоцман в море законов. 40. Утка, способная вертикально взлетать как с земли, так и с воды. 43. Американский философ-романтик, заметивший: «Что человек свершает, тем он и владеет. Его могущество в нем самом». 44. Русский писатель, чьи «Бухтина вологодские завиральные» словно стали учебным пособием для «демократов», хотя в «Год великого перелома»

По вертикали. 1. Русский химик, создавший в 1916 году совместно с инженером А.Кумантом противогаз. 2. «... в Веймаре» — роман Т. Манна. 3. Гений стада. 4. Командир сотни в древнеримском легионе. 5. Английский металлург, предложивший в 1878 году свой способ перделки чугуна в сталь. 6. Парный предмет одежды, какой анекдотический Василий Иванович умудрялся ставить. 8. У Б. Пастернака «в трюмо испаряется чашка...». 9. Испанский поэт, которого, говорят, восхищали усы Гитлера и который погиб от рук фашистов. 10. Газ, изобилующий в вечной мерзлоте Сибири. 11. Заведение, где пишут белым по черному. 12. Глубоководный аппарат; наибольшая глубина погружения с людьми — 1360 метров. 14. Медведь, который от эвкалипта недалеко падает. 18. Пигмент, наносимый на глазурь и придающий ей после обжига отблеск. 23. Африканский ксилофон. 24. «О стыд! О ужас наших дней! Как звери, вторглись ...!». Падут бесславные удары... Погиб увенчанный

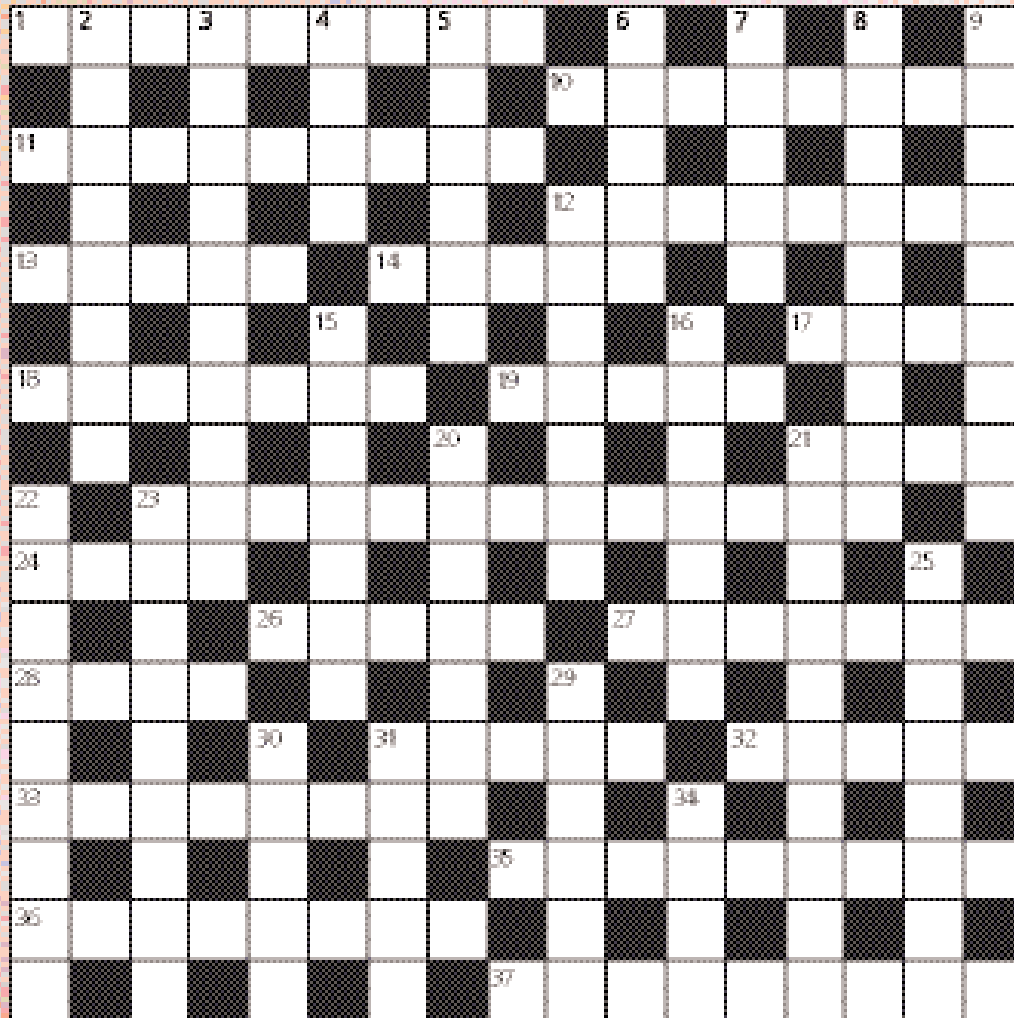
(1989) он еще не знал, сколько дров они наломают. 46. Преграда, суеверно мешающая рукопожатию. 48. «Рунный» житель, но не финн. 49. Одно из самых обычных растений на реке Нахтоху (В.Арсеньев. «Дерсу Узала»). 50. Древнеиндийская предшественница шахмат, где ход фигур определяли, бросая игральные кости. 51. Молоко, «пролитое» из коровьего вымени в ведро. 52. Пиратская доза рома. 53. Ансамбль из девяти музыкантов. 54. Проценты, капающие с нажитого капитала.

злодей» (А.Пушкин. «Вольность»). 26. Морская рыба, плывущая на свет прожектора. 27. Пристань на Воткинском водохранилище. 28. Стихотворный размер из четырех двойных стоп в античной поэзии. 31. Птица, роющая для гнезда глубокую нору в обрывистом берегу и питающаяся, в основном, рыбой. 33. Звезда осеннего сада. 34. Примитивный искусственный язык, которым мало кто пользуется. 37. ... Короткий — отец Карла Великого. 38. «Я поднимаю свой ..., чтоб выпить за твоё здоровье» (из песни А.Никольского). 39. Машина, на которой Б.Немцову так и не удалось наехать на наших чиновников. 41. Жанр для тех, кто не хочет вдумываться в афоризмы. 42. Денежная единица Коста-Рики и Сальвадора, названная в честь великого мореплавателя. 44. Человек праздной жизни, пренебрегающий трудом. 45. Пуповина, перерезаемая перед родами. 47. Живописец, один из создателей «панорамного стиля» в голландском пейзаже. 48. Профессия Домби в романе Ч.Диккен-

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 1.

По горизонтали. 1. Азиат. 9. Уф. 11. Юлия. 14. Безнравственность. 17. «Звуки». 18. Аир. 19. Октагон. 20. Чекист. 22. «Шахс». 24. Цветок. 26. Одр. 28. Лептов. 31. Знаток. 33. Жаров. 36. Манто. 37. ...выи... 38. Инакомыслие. 40. Иск. 41. Сернобык. 43. Чика. 45. Як. 46. Пашен. 47. Эбеко. 48. Ду... 50. Малявин. 52. Оникс. 55. Гений. 56. Агат. 57. Симиренко. 60. «Мерс». 61. Сорокопут. 64. Отт. 66. Ермак. 67. Монро. 68. ... Тонкий. 69. Пострел. 70. Гак. 71. Шагал. 72. Рондо.

По вертикали. 1. Абзац. 2. Зев. 3. Изучение. 4. Анкета. 5. Трикотин. 6. ... квас... 7. ИТР. 8. Нега. 9. Унос. 10. Фок. 11. Юта. 12. Льготник. 13. Ягненок. 15. Сито. 16. Стремечко. 21. Иконописец. 22. Шрам. 23. Хаос. 25. Взыскание. 27. Джокер. 29. Па. 30. Отсадка. 32. Кабан. 34. Рык. 35. Влюбчивость. 39. ... куш. 42. Роялистка. 44. Иона. 45. Ям. 49. Уста. 51. Ледокол. 53. Игрун. 54. Шкирка. 57. Смута. 58. Мронг. 59. Гомер. 61. Сапа. 62. Поло. 63. Труд. 65. Тик.

По горизонтали. 1. «Да будет свет!» — сказал монтер, а сам полез на печку (герой шутки как работник в широком смысле). 10. «Оселок для человеческой жизни» (Д. Флетчер). 11. «Бумажный предлог на адвоката, который защищает неразумные белковые тела» (А.Селезнев). 12. Французский писатель, в чьем романе «Софа» этот предмет мебели рассказывает о событиях, на нем происходивших. 13. «Большой ...» — так называли журналисты приватизацию в России 90-х годов. 14. Родившийся в Сток-

гольме балетмейстер, чьи балеты и его русских учениц воспевали А.Грибоедов и А.Пушкин. 17. Хаджи Мурат из повести Л.Толстого по должности. 18. Инструмент, под названием «брёлка» введенный В.Андреевым в оркестр русских народных инструментов. 19. Удмуртский женский головной убор из бересты, покрытый платком, обшитым по краям кружевами и узорами. 21. Знаменитый полководец, первым из греков столкнувшийся с римлянами, но показавший себя, по выражению Т. Моммзе-

на, лишь рыцарствующим атаманом и военным авантюристом. 23. Раздел ботаники, изучающий растительные сообщества. 24. «Ворота в ...» — картина У.Хогарта (единственный результат его второй поездки во Францию). 26. ... минеи — сборник житий святых, составленный по месяцам, когда церковь их чествует. 27. Каждый из чешских братьев — по вере — среди живущего в Канаде и США индейского народа. 28. Пожар небесный. 31. Автор картины

По вертикали. 2. Представитель северного народа, у которого не меньше трех раз в году проходит обряд кормления огня. 3. Главная задача вестибулярного аппарата. 4. «Масло лести». 5. Металл, способный без всяких последствий купаться в любой кислоте, даже если она кипит. 6. Каждое из двух на коромысле. 7. Отдельный живой организм. 8. Страна, где отсиживались русские террористы и большевики. 9. Художник, положивший начало оригинальному английскому стилю пикчуреск. 12. Каждый из войсковых знаков, регалий или атрибутов власти запорожцев, а позже и донских казаков. 15. Певчая птица, у которой весной клюв желтеет. 16. Кушанье (у нас — соус), чье изобретение П.Вайль в книге «Гений места» приписал кардиналу Ришелье,

«Девочка с персиками»; по А.Эфросу, это «самое европейское из всего, что сделала русская живопись в конце XIX века». 32. Бог, выступающий в опере Р.Вагнера «Зигфрид» как Путник. 33. Прибор для измерения кровяного или внутриглазного давления. 35. Бросание тени, слив компромата. 36. Самый «джазовый» штат США. 37. Самоцвет, из целого куска которого ювелир Франсуа Фроман-Морис высек бюст Наполеона III для Всемирной выставки 1867 года в Париже.

хотя в действительности это сделал его двоюродный внук, маршал Ришелье, точнее, повар оного. 20. Композитор, основатель первого в Германии любительского хорового общества. 21. Название собрания картин крупнейшей в мире картинной галереи Мюнхена. 22. Путеводитель по тексту. 23. Итальянский город, где святым покровителем почитают Иоанна Крестителя. 25. Итальянский композитор, первым как скрипач исполнявший концертные программы наизусть. 29. Польский педагог и писатель, погибший в холокосте (он добровольно вошел с детьми в душегубку). 30. Певун на облучке. 31. Место стрельбы по летающим тарелочкам. 34. Войлочное жилище у бурят, калмыков и монголов, где правая сторона — женская, а левая — мужская.

Ответы на «Эрудит», напечатанный в № 1.

По горизонтали. 2. Сила. 4. Джинго. 9. Зуав. 11. Лафа. 12. Искренность. 13. Маун. 14. Хлор. 15. Герцен. 18. Кипа. 22. Лгун. 23. Гаял. 26. Окапи. 29. Асура. 30. Бизе. 31. Нуриев. 32. Маска. 34. Уреке. 36. Валуев. 37. Гном. 38. Навье. 40. Чукчи. 41. Топь. 43. Сари. 46. Фасс. 47. Аптека. 50. Рами. 52. Льеж. 53. ... знаменатель. 54. Тори. 55. Бион. 56. Ясенец. 57. Ютта.

По вертикали. 1. Гусар. 2. Свинг. 3. Ликург. 5. Жень. 6. Настия. 7. Оляха. 8. Эфрон. 10. Дерен. 16. Елизавета. 17. Цук. 18. Касим. 19. Плавуничик. 20. Коммуна. 21. Рабство. 24. Туземка. 25. Фацеция. 27. Пик. 28. ... букет... 33. Клипс. 35. Роу. 39. Ват. 42. Остаде. 43. Сплав. 44. Регент. 45. Шадов. 46. Физия. 48. ... Альба. 49. Чехов. 51. Пеле.

*Мы не пишем историю болезни
Мы создаем историю здоровья*

Клеточная терапия
Восстановление функций иммунной системы
Иммунотерапия

а также:

Косметология | Эндокринология и физиотерапия | Урология
Гинекология | Акушерство | Терапия

Россия, Москва, 125040, Ленинградский проспект, д. 8. Тел.: (495) 257-68-37, 257-63-39.